

10

91(47)

С. 29.

ОТЕЧЕСТВЕННЪЕ ДѢЛА.

РОССІЯ

по

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ БИБЛИОТЕКА
И
УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОВІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. Семеновъ.

ТОМЪ V.

ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типографія С. Орлова, у Бородинскаго моста, д. Сорохтиной.

1879.

91(47)
С. 29

374 a
✓
45С
04
+

10 (14)

7.2

9 HFE

BRANDY VANGUARD

ВІІ. ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ

1. Алаунская возвышенность.

Алаунская плоская возвышенность, на которой расположены Новгородская, Тверская и частью сосѣднія губерніи, не поражаетъ ни громадностью и разнообразіемъ своихъ формъ, ни богатствомъ природы. Высочайшіе холмы ея, достигающіе едва 1000 ф. надъ уровнемъ моря, не могутъ идти въ сравненіе съ высокими пунктами Западной Европы. Алаунская плоская возвышенность противоположна также и плоскимъ возвышенностямъ Азии. Она не песчаная, сухая пустыня, а напротивъ страна, самая обильная водами и лѣсами. Гранитные валуны, тянущіеся до самаго почти Углича, безчисленныя озера, топи и болота, питающія многочисленныя рѣки, между которыми первое мѣсто занимаетъ величайшая рѣка Европы—Волга, густые лѣса, извѣстные въ древности подъ названіемъ Волконскаго лѣса, тянущіеся по берегамъ Бѣлоозера, Мологи и Шексны, характеризуютъ поверхность описываемой мѣстности. Хотя непроходимые лѣса уже прочищены и съ каждымъ годомъ убавляются, потому что страна кипитъ дѣятельностью, а каналы, дороги и города требуютъ все болѣе и болѣе матеріала, хотя, безъ сомнѣнія, въ прежнія времена и лѣса и воды въ этой странѣ были гораздо обильнѣе, однакожъ и въ настоящее время едва $\frac{1}{10}$ часть цѣлой поверхности остается открытою и способною къ обработкѣ. Преобладающіе лѣса здѣсь—хвойные. Изъ лиственныхъ деревьевъ растутъ береза, осина, ольха, доставляющія матеріаль только

для топлива. Почва этой части Россіи не черноземная, а песчано-глинистая, мало плодородная; обработка хлѣбныхъ растеній никогда не вознаграждала труда жителей, которые постоянно нуждались въ привозѣ хлѣба изъ сосѣднихъ богатыхъ губерній. Гораздо успѣшнѣе идетъ здѣсь обработка фабричныхъ растеній—льна и пеньки. Еще надобно сказать о нѣкоторыхъ минеральныхъ богатствахъ этой страны. Болотная руда скрыта здѣсь почти вездѣ подѣ болотами, но особенно богаты ею берега Мологи, около Устюжны и Череповецкаго уѣзда, такъ что вся эта страна извѣстна подѣ именемъ Желѣзополья. Жители плавятъ руду въ ручныхъ печкахъ, разрѣзываютъ ее на прутья и потомъ перековываютъ въ гвозди, извѣстные на всѣхъ ярмаркахъ подѣ названіемъ уломскихъ. Есть еще одно сокровище, кроющееся въ нѣдрахъ Волконскаго бора, на которое только недавно стали обращать вниманіе и которое разбросала здѣсь благотворительная природа въ замѣнѣ лѣса, быстро исчезающаго подѣ неразсчетливымъ топоромъ русскаго крестьянина. Мы говоримъ здѣсь о каменномъ углѣ, показавшемся въ значительномъ количествѣ по всей Алаунской плоской возвышенности.

И такъ, страна эта повидимому не имѣетъ никакихъ особенныхъ выгодныхъ свойствъ, но тѣмъ не менѣе она еще за тысячу лѣтъ была заселена осѣдлыми славянскими племенами, образовавшими первое государство Руси; отсюда началась гражданская жизнь русскихъ племенъ; отсюда знаменитые новгородцы высылали первыхъ колонизаторовъ и въ дремучіе непроходимые лѣса и тундры сѣвера, и въ отдаленныя уральскія страны, и по Волгѣ, и по Днѣпру, и къ берегамъ Балтійскаго моря; здѣсь же возникли и первые торговые центры Россіи: Новгородъ, Псковъ, Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочекъ; тутъ же пролегалъ древнѣйшій водяной путь «отъ Варягъ въ Греки;» здѣсь впоследствии проведены первые искусственные водные пути, первыя шоссейныя и желѣзныя дороги. Что же было причиной тому? Отвѣтить не трудно,—географическое положеніе этой стра-

ны. Въ самомъ дѣлѣ, Алаунская возвышенность есть самое высокое центральное мѣсто среди равнины Европейской Россіи; къ ней примыкають со всѣхъ сторонъ всѣ четыре покатости нашей равнины; на ней берутъ начало всѣ важнѣйшія наши рѣки: Волга, Волховъ, Западная Двина, Сѣверная Двина и Днѣпръ; такимъ образомъ, на этой мѣстности сходятся и пересѣкаются всѣ важнѣйшіе торговые пути, соединявшіе и теперь соединяющіе Россію съ Западною Европою. Поэтому, не земледѣліе, не обрабатывающая промышленность, а *промышленность торговая* была источникомъ благосостоянія этой страны; поэтому же Алаунскую возвышенность можно считать *колыбелью русскаго народа*. Съ Алаунской возвышенности русская жизнь, подобно громадному океану, разлилась по всѣмъ направленіямъ: къ сѣверу, востоку, югу и западу, потому что ея разливъ слѣдовалъ по теченію рѣкъ, получающихъ начало на Алаунской возвышенности, которая и сама разливалась во всѣ стороны. Русскимъ, при своемъ движеніи, приходилось встрѣчать многія народности, дотолѣ имъ чуждыя, невѣдомыя; но могучее русское племя поглотило ихъ въ себя и многія изъ нихъ окончательно обрусело.

Какіе же водные пути существовали издревле на Алаунской возвышенности и какіе возникли въ послѣдствіи?

Въ отдаленныя времена, почти въ самомъ началѣ русской исторіи существовалъ здѣсь великій путь «*Отъ Варягъ въ Греки*», т. е. изъ Скандинавіи, и вообще изъ Западной Европы въ Византію, въ то время самую образованную страну на востокѣ. Путь этотъ шелъ отъ рѣки Ловати, чрезъ Западную Двину, въ р. Днѣпръ и Черное море, и къ сѣверу чрезъ оз. Ильмень, р. Волховъ, Ладожское озеро и рѣку Неву—въ Финскій заливъ. Славянскія поселенія, лежавшія на этомъ пути, сдѣлались промышленниче и просвѣщенниче другихъ. Но позже, когда южная Русь была опустошена татарами, а Византія клонилась къ паденію, путь этотъ былъ оставленъ, а торговля перенеслась къ востоку, въ бассейнъ Волги и Каспійскаго моря. Сюда ве-

детъ другой притокъ озера Ильменя—рѣка Мста и, какъ ее начало, р. Цна, которая вытекаетъ изъ той замѣчательной мѣстности, гдѣ не вдалекѣ беретъ начало р. Волга и притокъ ея Тверца. Прежде мѣстность эта была гораздо богаче водою; при весеннемъ таянїи снѣговъ воды Цны смѣшивались даже съ водами Тверцы, т. е. образовывался какъ бы общій резервуаръ водъ, изъ котораго текли рѣки на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ другое время года суда перевозакивались изъ Тверцы въ Цну по *волоку*, на протяженїи 12 верстъ. На волокахъ естественно образовывались поселенїя, прежде всего для помощи при перетаскиванїи судовъ; потомъ на нихъ перегружались суда, а наконецъ перепродавались и товары. Такъ близъ волока между Цною и Тверцею возникъ Вышній-Волочекъ, теперь уѣздный городъ Тверской губернїи. Изъ Цны суда направлялись въ р. Мсту, гдѣ также должны были обходить волокомъ Мстинскїе пороги, а наконецъ суда собирались у верховья Волхова въ Новгородъ, гдѣ сходились съ судами, идущими съ р. Ловати. Вотъ почему Новгородъ съ самыхъ древнихъ временъ цвѣлъ торговлею и богатствомъ. Онъ велъ обширную торговлю съ Западною Европою, особенно когда вошелъ въ союзъ Ганзейскихъ городовъ. Онъ получалъ товары чрезъ днѣпровскїе города изъ Византїи и изъ Азїи, по р. Волгѣ. Главный же предметъ его торговли былъ сбытъ произведенїй его собственныхъ владѣнїй, и онъ одинъ только могъ снабжать Европу пушнымъ товаромъ, который тогда цѣнился очень высоко. Сталкиваясь съ образованными жителями Западной Европы и Византїи и цвѣтя богатствомъ и торговлею, новгородцы раньше другихъ славянскихъ племенъ устроили у себя гражданское управленїе. Но когда Новгородъ подчинился Москвѣ, и въ особенности, когда съ занятїемъ береговъ Балтійскаго моря Петромъ Великимъ былъ избранъ для заграничной торговли Петербургъ, торговля новгородская пала. Но водные пути, шедшіе прежде къ Новгороду, должны были теперь направиться къ Петербургу. Это обстоятельство не могло укрыться отъ взо-

ровъ Петра Великаго. Онъ положилъ начало водяному сообщенію, прорѣзывающему всю восточно-европейскую равнину и соединяющему четыре моря съ четырьмя главными покатостями, принадлежащими къ нимъ. Не одно соединеніе Волги съ Балтійскимъ моремъ было начато Петромъ; онъ хотѣлъ покрыть всю Россію сѣтью каналовъ; онъ проектировалъ соединеніе всѣхъ восьми главныхъ водныхъ путей: Волги, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Мемеля, Вислы, Днѣпра и Дона. Много было приведено въ дѣйствіе Великимъ и преемниками его, многое осталось еще въ чертежахъ, набросанныхъ Петромъ, и ждетъ еще благопріятныхъ обстоятельствъ, когда можно будетъ привести въ исполненіе гигантскіе планы Великаго Царя.

Изъ западныхъ водныхъ путей первое мѣсто принадлежитъ безспорно Вышневолоцкой системѣ, какъ древней, самой сложной и, можно сказать, единственной въ своемъ родѣ. Система Вышневолоцкая чрезвычайно многосложна, потому что для нея, во первыхъ, на мѣстѣ древняго волога надо было прорыть каналъ; потомъ самыя рѣки Мста и Тверца по мелководію своему требовали разныхъ улучшеній; для этого устроены запасные резервуары воды, откуда, смотря по надобности, вода могла бы выпускаться и пополнять рѣки, т. е. устроены *шлюзы*. Кромѣ того и сама р. Мста требовала разныхъ улучшеній, чтобы быть вполне судоходною. Эта большая рѣка (около 400 верстъ) бѣдна водою и порожиата; пороги встрѣчаются на всемъ ея теченіи и составляютъ пять группъ; но изъ нихъ опаснѣйшіе *Боровицкіе*, близъ города *Боровичи*, Новгородской губерніи; въ этой послѣдней группѣ, на протяженіи 30 верстъ, встрѣчается до 40 пороговъ. Пороги эти были прежде непроходимы; суда обходили ихъ волокомъ. Въ настоящее же время ихъ расчистили, срѣзали береговые мысы, о которые разбивались барки, увлекаемыя сильнымъ теченіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены *заплавни* (плавающія бревна для отраженія барокъ отъ скаль) и т. д. Близъ пороговъ въ деревняхъ и въ самомъ городѣ *Боровичахъ* жи-

вуть опытные лодманы, которые обязаны проводить суда через пороги. Такимъ образомъ проходъ барокъ черезъ пороги значительно облегченъ, но и теперь еще случаи крушенія бывають довольно часты; иногда погибаетъ до 60 судовъ въ годъ

Постоянное обмеленіе устья Мсты и частыя бури на озерѣ Ильменѣ заставили для обхода озера соединить устье Мсты съ протокомъ Волхова, Малымъ Волховцомъ, обводнымъ каналомъ. Каналъ этотъ называется *Сиверсовымъ*, по имени графа Сиверса, которому принадлежитъ мысль о проведеніи этого канала, или *Новгородскимъ*. Но нѣкоторыя неудобства для судоходста и по Сиверсову каналу, какъ-то: проходъ судовъ подъ арками постояннаго каменнаго моста въ г. Новгородѣ и заливаніе канала весенними водами озера, были причиною проведенія еще другаго канала къ сѣверу отъ предъидущаго, по которому идущія суда уже минуютъ Новгородъ; этотъ послѣдній каналъ называется *Вишерскимъ*, отъ рѣки Вишеры, притока Волхова, которую соединяетъ онъ со Мстою.

Первое устройство вышневолоцкаго пути относится къ 1704 году, когда почти въ слѣдъ за закладкой Петербурга, Петръ Великій изслѣдовалъ, проѣздомъ въ Москву, мѣстность Вышняго - Волочка. Отъ его взгляда не скрылось удобство и легкость къ соединенію каналомъ двухъ рѣкъ, и онъ тутъ же повелѣлъ копать канаву, длиной $2\frac{1}{4}$ версты, между Цною, притокомъ Мсты, и Тверцою; это было зародышемъ теперишней Вышневолоцкой системы, а черезъ 8 лѣтъ Тверецкій каналъ былъ оконченъ и открытъ. Первое достовѣрное извѣстіе о судоходствѣ по каналу относится къ 1712 году. Нѣсколько вновь построенныхъ въ Казани кораблей были отправлены изъ Твери въ Боровичи, шли среди неимовѣрныхъ трудностей съ весны и до осени, и прибыли въ 1713 году въ Петербургъ. Цѣлое столѣтіе работали надъ Вышневолоцкою системою лучшіе знатоки своего дѣла, безпрестанно ее улучшая, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія достигла она того совершенства и тѣхъ

голоссальных размѣровъ, которые не разъ обращали на себя удивленіе знающихъ иностранцевъ. Долгій опытъ и постоянныя работы научили обращаться бережливѣе съ водою для питанія рѣкъ, и эта бережливость принесла такіе благоприятные результаты, что теперь отправляютъ многочисленные караваны барокъ, которые прежде, раздѣливъ ихъ даже на половины, показались бы слишкомъ велики. Богатый запасъ воды дозволилъ увеличить грузъ. По прежнему уставу, барки не смѣли сидѣть въ водѣ ниже 12 вершковъ, теперь могутъ онѣ плавать по каналу, сидя на 14 вершковъ въ водѣ. На четырехъ баркахъ можно теперь везти такое же количество груза, которое требовало прежде не менѣе 5 барокъ; издержки провоза уменьшились на 20 процентовъ, и, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сберегается прекрасный корабельный лѣсъ.

Любопытно прослѣдить путь барокъ по каналамъ отъ Твери до Ильмена озера. Онѣ ходятъ не отдѣльно, но цѣлыми караванами. Когда такой караванъ соберется въ Твери или у одной изъ главныхъ пристаней Тверцы, тогда начинаютъ спускать въ Тверцу воду изъ Осугскаго и другихъ резервуаровъ, и барки отправляются вверхъ къ Вышнему-Волочку. Тянутъ ихъ обыкновенно лошади; на каждомъ суднѣ не болѣе трехъ человѣкъ прислуги. Только что караванъ прибываетъ въ Вышній-Волочекъ, тверецкій шлюзъ запирается, перемѣняется прислуга, берутъ лоцмана и 14—15 работниковъ, а вмѣсто тяжелаго, длиннаго руля—4 балки, отъ 7 до 10 саж. длины, которыя служатъ веслами. Мачты снимаются также, и караванъ спускается цвинскимъ шлюзомъ въ озеро Мстино. Когда онъ весь спустится въ озеро, тогда открываютъ мстинскій шлюзъ; впрочемъ, во время полой воды этого не бываетъ, и озеро достаточно богато водой, чтобы поддерживать въ дѣйствиіи обѣ вѣтви судоходства. Мста, куда входитъ караванъ изъ Мстина озера, наполняется водою изъ перваго и изъ своихъ собственныхъ резервуаровъ. Небольшая рѣчка дѣлается внезапно большою рѣкой, и несетъ барки черезъ всѣ пороги и отмели прямо

къ озеру Ильмену. Когда караванъ проходитъ Мсту, тогда запирають мстинскій шлюзъ, а смотря по надобности, и другіе резервуары; на Тверцѣ же начинается такимъ же порядкомъ шествіе другаго каравана. Судоходство производится отъ половины апрѣля до половины октября, но понятно, что барки ходятъ не во все продолженіе этого времени. Воды Тверцы и Мсты надо беречь, и судоходство происходитъ по извѣстнымъ и опредѣленнымъ правиламъ.

Въ непосредственной связи съ Вышневолоцкою системою находится еще Ладожскій каналъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и вѣковѣчныхъ памятниковъ безсмертнаго преобразователя Россіи. Только что положено было начало Вышневолоцкой системы, едва только начинала она выходить изъ пеленокъ, какъ уже онъ обратилъ вниманіе на Ладожское озеро, представлявшее своими подводными скалами и почти безпрестанными бурями многочисленныя препятствія для судоходства. Въ 1718 году начертанъ былъ планъ, а въ 1719 году начали уже рыть каналъ, для непосредственнаго соединенія Волхова съ Невой и для обхода Ладожскаго озера. Петръ не дожиль до окончанія канала, строителемъ котораго былъ Минихъ. Каналъ былъ открытъ только въ 1732 году. Длина его 104 версты, ширина 10—14 саж., глубина его весной до 10 фут., въ обыкновенное время отъ 3¹/₂ до 7 ф., такъ что суда могутъ сидѣть смѣло на 1¹/₂ и 2¹/₂ арш. въ водѣ. Его восточное устье впадаетъ въ Волховъ, западное—въ Неву. Каналъ подвергался безпрестанно улучшенію, а въ послѣднее время для устраненія тѣсноты въ этомъ каналѣ и для безостановочнаго движенія судовъ въ случаѣ его исправленія, проведены новый каналъ, ближе къ берегу озера. Староладожскій каналъ названъ каналомъ Петра Великаго, а Новоладожскій—каналомъ Александра II. Цѣлый рядъ городовъ и пристаней покрываютъ берега этого воднаго пути, большая часть которыхъ обязана своимъ происхожденіемъ или цвѣтущимъ состояніемъ водному пути, проложенному здѣсь

Петромъ. Самую значительную роль между ними играютъ Тверь и Вышній-Волочекъ.

Тверь, безспорно, одно изъ самыхъ значительныхъ складочныхъ мѣстъ для торговли между Петербургомъ и низовыми странами. Тверь, благодаря своему выгодному положенію на большомъ волжскомъ торговомъ пути, играла всегда значительную роль въ русской исторіи, и ея значеніе, какъ посредницы между Великимъ Новгородомъ и низовьями Волги, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нерѣдко, для упроченія мира, призывались князья ея въ Новгородъ, потому что вольнымъ людямъ новгородскимъ хотѣлось быть въ ладу съ Тверью. Тверь сохранила и по нынѣшнее время свое значеніе въ волжской торговлѣ. Волга и Тверца покрыты постоянно судами, потому что до Твери могутъ ходить уже суда съ значительнымъ грузомъ. Тверь служитъ складочнымъ мѣстомъ для волжской рыбы, хлѣба, желѣза и другихъ продуктовъ южныхъ провинцій и Уральскаго хребта, которые отправляются отсюда въ Петербургъ. Среднее число судовъ, приходящихъ въ Тверь, доходитъ ежегодно до 2000, съ грузомъ на сумму до 8 м. р. сер.

Вышній-Волочекъ менѣе столѣтія тому назадъ былъ почтовымъ ямомъ: въ 1760 году сдѣлали его городомъ, и англійскій путешественникъ Клеркъ, посѣтившій эти страны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, говоритъ о Вышнемъ-Волочкѣ, какъ о самомъ значительномъ городѣ на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Москвою. Здѣсь главное складочное мѣсто для хлѣба и другихъ естественныхъ продуктовъ южныхъ и среднихъ частей Россіи, отправляемыхъ въ Петербургъ. Желѣзная дорога, проходящая чрезъ Вышній-Волочекъ, поднимаетъ еще болѣе его благосостояніе; это замѣтно уже теперь: новые дома, лавки въ мѣстахъ при дебаркадерѣ говорятъ громко за усиливающуюся промышленную дѣятельность города, который будетъ скоро принадлежать къ числу самыхъ богатыхъ и промышленныхъ городовъ Россіи.

Шлиссельбургъ, лежащій у самаго истока Невы изъ Ладожскаго озера, служитъ послѣднею пристанью для всѣхъ

судовъ, идущихъ въ Петербургъ по Вышневолоцкой системѣ и со среднихъ частей Волги по системамъ маріинской и тихвинской; число всѣхъ судовъ достигаетъ ежегодно до 20,000. Изъ Шлиссельбурга идутъ суда прямо Невой въ сѣверную столицу. Въ прежнее время по Вышневолоцкому пути проходило до 9,000 барокъ и плотовъ съ цѣнностію товара до 44 м. руб. сер., но съ проведеніемъ николаевской желѣзной дороги перевозка товаровъ значительно уменьшилась, такъ что теперь по этой системѣ проходятъ только 2,500 судовъ, съ грузомъ на 12 м. р. сер., состоящимъ преимущественно изъ хлѣба, пеньки и дровъ.

Кромѣ Вышневолоцкаго пути, возникли въ послѣдствіи еще три: Тихвинскій, Маріинскій и Александровскій. Мы начнемъ съ Тихвинской системы, начинающейся у Мологи. Излишнимъ будетъ напоминать, что начало ей, равно какъ и всѣмъ остальнымъ системамъ, положено было Петромъ. Онъ первый начерталъ планъ, который былъ сперва оставленъ безъ вниманія; предприняты были новыя работы, но всѣ онѣ не привели къ настоящей цѣли, и только въ царствованіе Императора Александра I возвратились вновь къ первоначальному плану Петра, къ соединенію рѣки Тихвинки съ Соминой, какъ къ самому легчайшему и удобоисполнимому. Работы начались въ 1802 году, но окончились не раньше 1828 года. Путь по Тихвинской системѣ начинается отъ города Мологи вверхъ по рѣкѣ того же имени до ея главнаго притока Чагоды; Чагодой идутъ суда далѣе въ ея притокъ Горюнь. Отсюда въ озеро Вожинское, въ Сомину, черезъ озеро Сомино и Эглино, и наконецъ каналомъ, въ 10 верстъ длины, до озера Лебидины, которое высылаетъ къ сѣверу Тихвинку, впадающую въ Сясь. Отсюда суда должны были бы идти Ладожскимъ озеромъ до Волхова, но чтобы предохранить богатые грузы товаровъ отъ волнъ бурнаго озера, правительство позаботилось о соединеніи Сяси съ Волховымъ каналомъ, для обхода Ладожскаго озера и для соединенія системы Тихвинской съ Вышневолоцкой. Сясьскій каналъ, оконченный въ 1827 году, есть ничто иное, какъ

восточное продолженіе Ладожскаго. Длина его 10 верстъ, ширина 8 саж. 5 фут. Суда, плаваюція по каналу не сидятъ въ водѣ ниже 1¹/₂ арш. Между пристанями, на всемъ протяженіи Тихвинской системы, первую роль играетъ Молога, при впаденіи рѣки Мологи въ Волгу, откуда отправляются въ столицу лѣсъ, дровяной и строевой, и хлѣбъ, и Тихвинъ, торговля котораго поднялась особенно въ послѣднее время. Центромъ торговли и судоходства по Тихвинской системѣ служить нижегородская ярмарка, и если эта система количествомъ судовъ далеко уступаетъ маріинской, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, за то она превосходитъ послѣднюю цѣнностью груза. По ней сплавляются колоніальные товары, дорогія произведенія внутренней и иностранной фабричной промышленности, такъ что нерѣдко маленькія тихвинки и соминки несутъ на себѣ грузъ вдвое болѣе цѣнный, и приводятъ въ обращеніе болѣе значительные капиталы, нежели тяжелыя барки маріинской системы.

Исходнымъ пунктомъ Маріинской системы служить Рыбинскъ на Шекснѣ, впадающей въ Волгу, въ 32-хъ верстахъ ниже Мологи.

Шексна вытекаетъ изъ Бѣлоозера. Послѣднее почти всегда спокойно, чрезвычайно удобно для судоходства, и потому образуетъ одинъ изъ главныхъ членовъ третьей Маріинской системы. Шексна — это начало воднаго пути Маріинской системы, которая была окончательно приведена въ дѣйствіе въ 1808 г., хотя еще въ 1711 г. Петръ Великій обозрѣвалъ эти мѣста, и предположилъ соединить каналомъ обѣ рѣки—Ковжу и Вытегру, образующія и теперь главную нить этой водной системы. Суда идутъ отъ Рыбинска вверхъ по Шекснѣ до Бѣлоозера, мимо Череповца у впаденія Суды въ Шексну, гдѣ они забираютъ лѣсъ, хлѣбъ и различные фабричные продукты; потомъ озеромъ до впаденія въ него Ковжи, и изъ Ковжи, тремя каналами, въ Вытегру, впадающую въ самый юговосточный заливъ Онежскаго озера. Отсюда имъ предстоялъ бы еще путь къ Онежскому озеру

до Свири, впадающей въ Ладожское озеро, но для предотвращенія несчастій на бурномъ озерѣ, начатъ былъ еще при императорѣ Павлѣ, для обхода Онежскаго озера, Онежскій каналъ, который приведенъ къ концу въ 1820 году. Изъ Онежскаго канала входятъ суда въ рѣку Свирь, протекающую пространство въ 190 верстъ, между Онежскимъ и Ладожскимъ озерами. Здѣсь угрожало бы опять баркамъ безпокойное Ладожское озеро, въ которое впадаетъ Свирь, но, благодаря настойчивости графа Сиверса, Свирскій каналъ уничтожилъ эту помѣху. Свирскій каналъ соединяется съ Сясьскимъ, и образуетъ не болѣе, какъ сѣверо-восточное продолженіе Ладожскаго канала, такъ что весь юговосточный берегъ огромнаго озера, начиная отъ устья Свири и до истока Невы, опоясанъ одною непрерывною линіей каналовъ, въ 154 версты длины, къ которой въ самомъ центрѣ ея, у Новой Ладоги, примыкаютъ два главные водные пути системы: Вышневолоцкая и Тихвинская.

Маринскою системою Волга захватываетъ въ свою область далекій сѣверъ, и оживляетъ торговую дѣятельность многихъ городовъ по Онежскому озеру, которые до того времени были совершенно безъ значенія. Къ нимъ относится Петрозаводскъ, на западномъ берегу Онежскаго озера, Повѣнецъ, у самаго сѣвернаго залива его, и наконецъ Пудожъ на Водлѣ, впадающей съ востока въ озеро. Всѣ три пристани доставляютъ желѣзные товары, мраморъ, изразцы и яшмовыя вещи изъ ближнихъ сѣверныхъ камнеломъ, и наконецъ лѣсъ. Огромные плоты еловыхъ, пихтовыхъ и лиственничныхъ деревъ, изъ лѣсовъ губерній Олонецкой и Архангельской, идутъ въ Петербургское адмиралтейство по Онежскому озеру и по Свири, на которой лежитъ еще значительная пристань — Лодейное Поле, отправляющая въ Петербургъ хлѣбъ, рыбу, дичину, желѣзные издѣлія, точильные камни и лѣсъ. Но всѣ эти пристани затмѣваетъ собою богатый Рыбинскъ, главный исходный путь для торговли и судоходства между Волгою и Петербургомъ по всѣмъ вышеупомянутымъ водянымъ сообщеніямъ. Вся торговля по Волгѣ

и по ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многообразныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея.

Александровское водяное сообщеніе окончено въ 1828 году и соединяетъ Шексну съ Кубенскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Эта водяная линія связываетъ съ Архангельскомъ Москву и Нижній, и наконецъ самый Петербургъ. Для Архангельска имѣетъ этотъ каналъ величайшую важность. Теперь легко можетъ доставляться изъ Архангельска лѣсъ и рыба, а изъ Тотьмы, по Сухонѣ, и Яренска, по рѣкѣ Югѣ, богатые запасы соли. Этимъ же путемъ сплавляются теперь въ архангельское адмиралтейство изъ Петрозаводска пушки, ядра и другіе снаряды. Въ центрѣ этого воднаго пути лежитъ Вологда, какъ разъ на перекресткѣ между верхними частями Волги, устьями Невы и Сѣверной Двины. Вологда—городъ почти невѣдомый для жителей центральной Россіи, хотя это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ населеній новгородскихъ въ Заволочѣ. Вологда играла важную роль въ торговлѣ великаго Новгорода, и объщаетъ, ежели обратитъ только на это вниманіе, занять и въ наше время одно изъ первостепенныхъ мѣстъ между торговыми городами Россіи, какъ главный посредникъ между странами приволжскими и двинскимъ сѣверомъ. Уже въ 1828 году, немедленно послѣ открытія канала, Вологда отправила слишкомъ на 2 м. руб. разныхъ товаровъ. Развитіе ея торговли должно непременно подѣйствовать на процвѣтаніе остальныхъ городовъ и пристаней, лежащихъ по Югу и Сухонѣ, и въ особенности на Устюгъ Великій, тѣснѣе всѣхъ остальныхъ связанный съ Вологдою.

2. ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО.

Ладожское озеро, въ сѣверо-западной части Европейской Россіи, самое большое изъ европейскихъ озеръ, принадлежитъ къ бассейну Балтійскаго моря и прилежитъ къ С.-Петербур-

бургской и Олонецкой губерніямъ и Великому Княжеству Финляндскому. Пространство озера 336 кв. м. Наибольшая длина 196 вер., наибольшая ширина 119 вер. Среднюю глубину озера можно полагать въ 50 саж., но глубина эта распредѣляется неравномѣрно. Отъ южнаго побережья, у котораго озеро мелководно, глубина возрастаетъ медленно и постепенно, такъ что въ южной половинѣ озеро большею частію не превосходитъ 30 саж. Напротивъ, въ сѣверо-западной части озера глубина его быстро увеличивается и почти все пространство къ сѣверо-западу отъ острова Коневецъ превосходитъ 50 саж., между тѣмъ какъ во многихъ мѣстахъ, какъ напр., между островомъ Валаамомъ и сѣверо-западнымъ берегомъ, глубина озера простирается отъ 100 до 122 саж. Дно озера состоитъ изъ довольно жидкаго и преимущественно коричневаго цвѣта. Вода, вносимая въ озеро рѣками, очень мутна, но дистиллируется озеромъ такъ, что въ глубочайшихъ частяхъ его, также какъ въ срединѣ и юго-западномъ углу, она весьма чиста и прозрачна. Берега озера имѣютъ довольно различный характеръ. Западный берегъ между Кексгольмомъ и выходомъ Невы состоитъ изъ глинистыхъ и суглинистыхъ наносовъ, окаймленныхъ песчаною почвою, съ многочисленными валунами. Близъ Кексгольма на берегахъ озера, есть еще пологія песчанья возвышенности, скудно поросшія лѣсомъ. Отъ Кексгольма до параллели Коневца простирается еще верстъ на 30 по побережью, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой линіи, возвышенный песчаный валъ, представляющій какъ бы слѣдъ стараго берега озера. Далѣе къ югу простирается низменный пустынный берегъ, отчасти болотистый и поросшій густымъ лѣсомъ. При этомъ все побережье усыпано большими массами гранита и валунами. Южное побережье, между истокомъ Невы и устьемъ Свири, низменно и состоитъ изъ глинистой и болотистой почвы. Это низменное побережье имѣетъ отъ 3 до 30 вер. ширины и ограничено съ юга нѣсколько возвышенною утесистою окраиною известняковъ или плитняковъ. Восточный берегъ озера, отъ устья Свири до финляндской

границы, или, лучше сказать, до финляндскаго селенія Каркула, весь низменный и состоитъ изъ глинистой и суглинистой почвы, которая на самой береговой линіи переходитъ въ песчаную, наполненную валунами. Совершенно иной характеръ имѣетъ побережье всей сѣверной или, лучше сказать, сѣверо-западной части отъ села Каркула до города Кексгольма. Здѣсь берега возвышенные, скалистые и состоятъ преимущественно изъ гранита, отчасти гнейса, сіенита и другихъ кристаллическихъ породъ, а также изъ мраморовъ и известняковъ. Все это скалистое побережье весьма изрѣзано и вся сѣверо-западная часть озера, не смотря на свою значительную глубину, довольно богата скалистыми островами, образующими цѣлые лабиринты у самыхъ береговъ озера. Самые значительные изъ острововъ озера: въ срединѣ сѣверной части озера—Валаамъ и западнаго побережья озера—Коневецъ. Южнѣ параллели Коневца въ озерѣ почти нѣтъ острововъ, за исключеніемъ немногихъ весьма небольшихъ, находящихся въ самой южной части озера. Физіономія и происхожденіе обоихъ упомянутыхъ острововъ совершенно различны.

При самомъ входѣ въ гавань Валаама вниманіе путешественника останавливается на множествѣ гранитныхъ скалъ, изъ которыхъ однѣ еще омываются волнами, то являясь, то исчезая, другія уже совершенно и навсегда обсохли, но такъ гладки и голы, такъ недавно освободились отъ господства воды, что даже и лишай не успѣли помѣститься на нихъ; на иныхъ зеленѣютъ изрѣдка десятилѣтніе подростки сосны, пустившіе корни въ вывѣтрившіяся поверхностныя части гранита, между ними стелются лишай и мхи, и, наконецъ, далѣе въ бухтѣ, округленные скаты значительно высокихъ острововъ покрыты густымъ двадцатилѣтнимъ лѣсомъ.

Подобный видъ поверхности Валаама доставляетъ намъ очевидныя, осязательныя доказательства того, что онъ составилъ изъ многихъ отдѣльныхъ скалъ и острововъ, которые, поднимаясь изъ волнъ озера, постепенно сближались

между собою широкими основаніями своими, и именно такъ, что первоначально между ними были проливы, потомъ проливы эти становились все уже и мельче, частью вслѣдствіе общаго поднятія, частью же отъ засоренія ихъ намывнымъ пескомъ, пока, наконецъ, на мѣстѣ ихъ остались однѣ песчанья полосы и рытвины.

Сухопутныя растенія очень медленно разводятся на голой каменистой почвѣ; даже неприхотливые лишай начинаютъ покрывать голый гранитный валунъ, оставленный на сушѣ льдиною, не ранѣе десяти лѣтъ; поэтому, еслибъ въ первые годы существованія Валаама, мы взглянули на него сверху, то онъ явился бы намъ волнообразною площадью съ голыми, обнаженными хребтами и куполообразными гранитными возвышеніями, и съ песчаными, вьющимися между ними, долинами. При видѣ этой картины, мы непременно сказали бы, что однѣ только песчанья долины способны современемъ питать лѣсъ, и что на голыхъ гранитахъ нѣтъ возможности его развести; не смотря однакожъ на то, скалы Валаама красуются теперь стройными вѣковыми дремучими лѣсами сосны, ели и березы. Глазъ наблюдателя съ перваго взгляда открываетъ причину этого явленія въ необыкновенной разрушаемости здѣшняго гранита, котораго поверхностныя части распадаются, образуя рыжаго цвѣта землю.

Прибрежья острова Валаама, по большей части скалисты и обрывисты, и только изрѣдка представляютъ отлогіе песчаные берега. На этихъ послѣднихъ послѣ бурь остаются полосы блестящаго тяжелаго песку, который монахи собираютъ и, промывъ на небольшихъ вашгердахъ, продаютъ въ столицу, какъ щегольской песокъ для засыпки письма. Этотъ песокъ ничто иное, какъ магнитный желѣзнякъ. И такъ валаамскій гранитъ содержитъ большое количество магнитнаго желѣзняку, который вмѣстѣ со всею горною породою раздробляется волнами и выбрасывается на берегъ, въ видѣ чернаго блестящаго песку.

Островъ Валаамъ можно рекомендовать любителямъ ботаники; онъ очень богатъ растеніями, въ особенности тайно-

брачными, лишаями, мхами, папортниками, плаунами и хвощами, которые блаженствуют на выветрившихся гранитахъ, подъ влажною тѣнью сосновыхъ, еловыхъ и березовыхъ лѣсовъ. Въ саду, разведенномъ на уступѣ отвѣсной скалы лѣваго берега гавани, въ защитѣ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, хорошо растутъ липа, кленъ, дубки, яблони, груша, испанская вишня, смородина и малина. Приятно видѣть, съ какимъ стараніемъ, даже любовью, ухаживаютъ иноки за фруктовымъ садомъ.

Другой островъ Коневецъ не великъ, всего около пяти верстѣ длины и до двухъ ширины, и тѣмъ легче и точнѣе можно изучить его постепенное образованіе и развитіе съ древнѣйшихъ, начальныхъ его формъ до нынѣшней. Онъ весь наноснаго образованія, котораго послѣдовательныя эпохи возрастанія дотой степени очевидны; осязательно, что каждому геогносту, желающему получить точныя понятія о формаціяхъ таковаго рода, необходимо прежде всего побывать здѣсь. Начнемъ родословную его съ корня и для этого взойдемъ на самую высокую точку острова, на Святую гору, которая въ верстѣ отъ монастыря, тянется въ видѣ узкой, до двухъ верстѣ длиной, гряды, переломленной подъ тупымъ угломъ на два колѣна, изъ которыхъ одно концомъ смотритъ къ самому южному мысу острова, а другое къ сѣверному — Варгасы. Ширина ровной площадки хребта горы не болѣе двадцати саженой; съ каждой стороны она спускается довольно крутымъ бокомъ, такъ что высота всей горы до луговъ у ея подошвы будетъ до пяти саженой. Вся толщина горы состоитъ изъ желтаго песку, глины и мелкихъ, округленныхъ гольшей, перемѣшанныхъ безъ всякаго порядка. На узкой и длинной площадкѣ хребта, разбросаны тамъ и сямъ округленные гранитные валуны, часто до трехъ аршинъ въ поперечникѣ, а по бокамъ горы лежатъ въ горизонтальныхъ линіяхъ поясы изъ меньшихъ валуновъ. Высота и составъ сосѣдней Змѣиной горы точь-въ-точь тѣ же самыя, и каменные поясы ея лежатъ на тѣхъ же самыхъ уровняхъ. Изъ всего, что доселѣ сказано, ясно, что Святая и Змѣи-

ная горы намывного, наноснаго происхожденія, и что онѣ были здѣсь первыми зачатками суши, двумя узкими островками, къ которымъ постепенно примыкали новыя полосы наносовъ, увеличившія наконецъ островъ до его теперешняго объема. Взглянувъ на карту Ладожскаго озера и замѣтивъ положеніе Коневца относительно къ западному берегу, мы найдемъ ключъ къ подробной геологической лѣтописи о происхожденіи обѣихъ горъ и цѣлаго острова.

Самые постоянные и сильные вѣтры на Ладожскомъ озерѣ сѣверо-восточные. Сила движенія волнъ, гонимыхъ этими вѣтрами, ослаблялась ударами о западные берега, отъ чего въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сихъ послѣднихъ должна быть полоса, въ которой движеніе волнъ отъ NO и O, встрѣчалось съ движеніемъ волнъ, отраженныхъ отъ берега; въ этой полосѣ, какъ въ нейтральной, отлагалось на днѣ все; что схватывали съ собою волны этихъ двухъ направленій; песокъ, округленные голыши, глина, и весь этотъ матеріалъ слагался все въ большія и большія гряды; которыхъ возрастаніе ускорялось еще и тѣмъ, что дно озера постоянно приподымалось дѣйствіемъ подземныхъ силъ, и берега материка, увеличиваясь въ такой же мѣрѣ, подвигались все далѣе и далѣе къ востоку. Точно такое же явленіе, въ маломъ видѣ, можно наблюдать на всякомъ песчаномъ берегу, на который волны то набѣгаютъ, то, отразившись, стремятся назадъ и, встрѣтившись съ новыми, поднимаются съ ними въ видѣ высокой гряды, которая уже нейдетъ ни впередъ на берегъ, ни назадъ въ море. Посмотрите на этотъ берегъ, когда море утихнетъ, и вы найдете именно на той полосѣ, гдѣ волны сталкивались, самую высокую и длинную гряду песку; иногда подлѣ нея, къ сторонѣ моря, другую такой же почти высоты, но короче и, наконецъ, множество низенькихъ и короткихъ грядокъ, параллельныхъ двумъ главнымъ или составляющихъ ихъ удлиненія. Такимъ же образомъ и на днѣ Ладожскаго озера образовалась, въ видѣ двухъ колѣнъ, переломленная гряда—Святая гора и отъ нея къ востоку, другая, мень-

шаго протяженія—теперь Змѣиная гора. Съ постепеннымъ обмеленіемъ озера хребты этихъ горъ вынырнули слегка изъ воды и пловучія льдины, съ огромными гранитными валунами, въ нихъ вмерзшими, садились на нихъ на мель и оставляли тутъ навсегда свой грузъ, для геолога такой же понятный свидѣтель событій въ природѣ давно минувшихъ вѣковъ, какъ для археолога колонны, вазы, статуи, орудія городовъ и народовъ, стертыхъ съ лица земли геніемъ новыхъ эпохъ.

Съ теченіемъ времени, обѣ горы выставлялись надъ уровнемъ все болѣе, такъ что льдины, ударяясь обѣ уступы новыхъ береговъ, отлагали на нихъ валуны по прямымъ линіямъ, въ видѣ каменныхъ поясовъ или заваловъ, которые теперь мы находимъ на различныхъ высотахъ скрытыми отчасти въ дернѣ обоихъ скатовъ или боковъ Святой и Змѣиной горы. Наконецъ, осушились и основанія обѣихъ горъ и слились въ одинъ небольшой островъ, который продолжалъ возрастать, точно такимъ же образомъ, до нашихъ временъ, и увеличиваться даже на нашемъ вѣку.

Чтобъ увѣриться въ томъ, что вся теперешняя площадь острова составлялась изъ полосъ наносовъ, постепенно, одна за другою, примыкавшихъ къ двумъ первымъ горамъ, мы совѣтуемъ путешественнику пройти отъ Святой горы прямо къ рыбацему стану на восточномъ берегу, противъ маленькаго островка Журавль. Спустившись по скату этой горы внизъ и прошедши сырой дугъ у ея подошвы, вы встрѣчаете каменный заваль, за которымъ снова спускаетесь по небольшому уступу; потомъ проходите еще одну полосу и на рубежѣ ея новый каменный оплотъ, и это повторяется такъ часто, что вамъ не хотѣлось бы болѣе перелѣзть черезъ эти натуральные каменные заборы; вы даже нѣсколько устали, и идея, что эти заборы были нѣкогда береговыми каменными оплотами, вполне прояснилась и созрѣла въ вашемъ умѣ. Въ чистой рыбацѣй избѣ васъ радушно принимаетъ братъ-рыбакъ, натуралистъ по призванію, по охотѣ, знающій каждый камешекъ и исторію

его. Онъ расскажетъ вамъ, что пять лѣтъ тому назадъ вода стояла шагахъ въ шестидесяти отъ его избы, и въ это время постепенно отступила шаговъ на триста, и съ тѣхъ поръ ни весною, ни осенью не заливааетъ новаго берега, потому что прибыль весенняя, въ этомъ морѣ прѣсной воды, вовсе нечувствительна; онъ укажетъ и канавку, которую онъ прорылъ для того, чтобъ по ней удобнѣе вытягивать лодку на сухое мѣсто; вы тутъ же увидите цѣлую гряду гранитныхъ валуновъ — ясный знакъ бывшаго здѣсь берега.

Какъ примѣту отступленія озера, отецъ іеромонахъ Антоній указалъ намъ еще полосу ольховаго кустарника; у каждой ольхи обрѣзанъ былъ штабъ на одной и той же высотѣ, и къ нимъ привязывались, для ловли семги, тетивы съ крючками и съ наживкою изъ ряпушки, а другой конецъ отвозился на озеро. Теперь эти ольхи не заливаются болѣе водою и такъ густо обросли вѣтвями, что надобно было раздвигать и наклонять ихъ, чтобъ видѣть обрѣзанные штабы.

Наконецъ, чтобъ увидѣть величественную, превышающую всякое воображеніе сцену валуновъ, занесенныхъ на островъ пловучими льдами, взойдемъ еще разъ на Святую гору. Поднявшись на ея хребетъ и спустившись потомъ по западному скату ея, вы очутитесь на высокой площади, до того заваленной огромными валунами, въ безпорядкѣ и грознолежащими одинъ на другомъ, что исполинскія ели только изрѣдка находятъ скудное помѣщеніе для своихъ корней; одни лишай и мхи безпрепятственно стелются зелеными, сѣдыми и черными купами по ихъ гудамъ, довершая картину хаоса. Глазъ напрасно измѣряетъ величину то отдѣльныхъ валуновъ, то цѣлаго каменнаго моря, въ надеждѣ получить понятіе о силѣ, нагромоздившей его; но вы оставляете всякое соображеніе, когда, обратившись къ высокому мѣсту той площади, увидите на немъ такого исполина-валуна, передъ которымъ всѣ прочіе этого тартара просто камешки-малютки. Это знаменитый Конь-камень; онъ изъ сѣраго, такъ называемаго сердоболь-

скаго граниту, съ кварцевыми жилами и многими глубокими трещинами, грозящими разрушеніемъ этому силачу страннику; наружнымъ видомъ онъ напоминаетъ скалу пьедестала Фальконетовой конной статуи Петра Великаго; его длина 13 аршинъ, толщина 9 аршинъ и высота 6; слѣдовательно, масса его равняется около 702 кубическимъ аршинамъ. Вычислимъ вѣсъ: 1 кубическій англійскій дюймъ сердобольскаго граниту вѣситъ 1 унцъ, 3 драхмы и 45 грановъ; русскій аршинъ равняется 28 англійскимъ дюймамъ; и потому 1 кубическій аршинъ этого гранита вѣситъ 67 пудовъ 6 фунтовъ и 10 унцъ; поэтому Конь-камень вѣсомъ до 47,173 пуда и 37 фунтовъ.

Климатъ на озерѣ довольно суровый. Температура воды рѣдко превышаетъ $+5^{\circ}$ и 6° Р. Ледъ на озерѣ появляется съ наступленіемъ первыхъ морозовъ, т. е. въ октябрѣ; но озеро совершенно замерзаетъ только въ концѣ декабря, а въ иные годы всю зиму середина озера остается незамерзшею. Вскрывается озеро весьма поздно, а именно только къ половинѣ мая. Озерный ледъ иногда бываетъ очень толстъ, да и сверхъ того наносимый вѣтромъ на мели, онъ сплочивается въ значительныя массы. Уровень озера подверженъ нѣкоторымъ колебаніямъ, которыхъ періодичность не доказана, и прежнее мнѣніе, что озеро подымается въ теченіи семи лѣтъ, а потомъ опускается столько же лѣтъ, оказалось неосновательнымъ. Бури на озерѣ не рѣдки, но при глубинѣ озера плаваніе на немъ довольно удобно, и опасности этого плаванія обыкновенно преувеличиваются. Растительность прибрежій озера скудная. Знаменитые прежде лѣса, покрывавшіе западный и сѣверный берега озера значительно вырублены, и пильные заводы существуютъ еще только по рѣкамъ Олонкѣ, Гуломѣ, Видлицѣ и Сальмисѣ. Нынѣ деревья рубятся уже верстъ за 150 отъ озера и сплавляются въ него весною. Ладожское озеро въ старѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ значитъ подъ именемъ Нево, а въ нѣкоторыхъ ганзеатическихъ договорахъ подъ именемъ Алдея. Названіе Ладожскаго озера по-

лучило оно въ первый разъ въ лѣтописи только въ 1228 г. Съ самаго начала русской исторіи Ладожское озеро имѣло для Россіи большую важность, по положенію своему на самомъ важнѣйшемъ торговомъ пути, связывавшемъ Новгородъ и ильменскихъ славянъ сначала съ варягами, а потомъ съ ганзеатическими городами. Устье Волхова и истокъ Невы изъ озера были главнѣйшими пунктами этого пути, и здѣсь-то сосредоточивалась упорная борьба русскихъ со шведами за обладаніе озеромъ и всѣмъ торговымъ путемъ. Съ паденіемъ Новгорода и съ открытіемъ англичанами морскаго пути въ Россію черезъ Архангельскъ, Ладожское озеро утратило свое значеніе и вскорѣ послѣ того досталось шведамъ. Завоеваніе Петромъ балтійскихъ побережій и основаніе Петербурга дало новое значеніе (въ особенности послѣ устройства трехъ сѣверныхъ системъ каналовъ) ладожскому пути, какъ выходу товаровъ внутренней Россіи и Приволжья къ Балтійскому морю и къ новой столицѣ. Впрочемъ, собственно Ладожское озеро, обойденное Ладожскимъ каналомъ, въ отношеніи къ внутреннему судоходству отошло на второй планъ. Вслѣдствіе того, судоходство на Ладожскомъ озерѣ и до сихъ поръ не имѣетъ большаго развитія и удовлетворяетъ только мѣстнымъ потребностямъ Ладожскаго побережья, да сверхъ того умѣренному транзиту отъ устья Свири къ истоку Невы. Пароходство на озерѣ развилось только въ послѣднее двадцатилѣтіе. Пароходы лѣтомъ держатъ непрерывное сообщеніе между С.-Петербургомъ, Свирью, Валаамомъ, Кексгольмомъ и Сердоболемъ, и перевозятъ не только пассажировъ, но и достаточное количество товаровъ. Буксировка судовъ пароходами мало развита. Изъ парусныхъ судовъ по озеру ходятъ гальоты той же конструкціи, какой они были устроены по голландскому образцу при Петрѣ Великомъ, и ладожскія соймы, вѣроятно, весьма мало отличныя по конструкціи отъ тѣхъ судовъ, на которыхъ плавали по озеру новгородцы. Въ Шлиссельбургъ приходитъ ежегодно до 600 судовъ съ грузомъ, состоящимъ изъ строеваго и дровянаго

лѣса, досокъ карельской березы, дубильной коры, камня (гранита, кварцита, мрамора, булыжника, брусковых оселковъ,) графита, мѣди, олова, чугуна, желѣза, костей, ворвани, чухонскаго масла, рыбы соленой, шкуръ рогатаго скота и пр. Ладожское озеро богато рыбой, и рыбный промыслъ на озерѣ имѣеть достаточное развитіе, особливо на южномъ прибрежѣ. До 400 соймъ занимаются здѣсь рыбнымъ промысломъ, и предполагають, что съ Ладожскаго озера привозится рыбы въ столицу на сумму до 250.000 р. Осетры и тюлени попадаются въ озерѣ, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ. Ладожское озеро имѣеть 70 притоковъ, изъ коихъ главные: съ запада Вокса (въ Финляндіи) съ востока: Свирь съ Пашею (Олонецкой г.), съ юга: Воронега, Сязь, Волховъ (Петербургской г.). Наконецъ на юго-западной оконечности своей озеро выпускаеть изъ себя р. Неву. Самыя важныя изъ этихъ рѣкъ, послѣ Невы, Волховъ и Свирь, служація истокомъ системъ Ильменя и Онежскаго озера въ Ладожское, и весьма важными путями сообщенія, такъ же какъ и Сязь. Остальныя имѣють значеніе рѣкъ, служащихъ для сплава лѣса въ Ладожское озеро.

3. НА ОЗЕРѢ ИЛЬМЕНѢ.

Изъ Ракомы я (*) пошелъ къ Спасо-Пископцу (Спасъ-Епископецъ.) (**). На пути около Самокражи мнѣ попался спасо-пископскій крестьянинъ, ѣхавшій на лошади въ саняхъ.

— Не по пути ли, ваше степенство? спросилъ онъ меня. Коли по пути, подвезть можно.

— Я иду, почтеннѣйшій, въ Спасо-Пископецъ, отвѣчалъ я ему.

— Садись со мной, — сказалъ онъ: — на лошади въ саняхъ все лучше, чѣмъ ногами работать.

(*) Авторъ статьи.

(**) Дѣревня на сѣверномъ берегу озера Ильменя.

Я сѣлъ на сани и мы доѣхали до Спасо - Пископца. Узнавши, что здѣсь есть харчевня, гдѣ и чай найдется, я предложилъ Леонтію Ивановичу (такъ звали крестьянина) пойти со мной чайку напиться, на что онъ согласился.

— Пойду, только лошадь на мѣсто поставлю, — сказалъ онъ: — сейчасъ приду.

За чаемъ я у него спросилъ: чѣмъ онъ занимается?

— Мы ловцы, — отвѣчалъ онъ: — я просто ѣзжу, а мой братъ ватаманомъ. Меньшимъ ватаманомъ, прибавилъ онъ, въ двойникахъ; а захоти: самъ двойникъ наберетъ.

Я сталъ спрашивать у него объ ихъ промыслахъ.

— Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами апостолы были рыбаками, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо зимой, — гораздо хороши!

— А зимой у васъ рыбу не такъ ловятъ, какъ лѣтомъ? спросилъ я, чтобъ какъ-нибудь вызвать его на разговоръ.

— Зимній ловъ, само собою разумѣй, не лѣтній, — началъ Леонтій Ивановичъ: — зимой скопляются тридцать два человѣка, а лѣтомъ въ двойникъ бываетъ всего на все только двадцать.

Я, какъ самовидецъ, могъ повѣрить его рассказы, въ настоящее время, только про зимній ловъ; потому и сталъ спрашивать: какъ они зимой рыбу ловятъ?

— Настоящіе ловцы зимніе, я говорю, въ два невода ловятъ: это двойники, — началъ рассказывать Леонтій Ивановичъ, отъ времени до времени прихлебывая чаекъ: — вотъ соберется народъ, человѣкъ двадцать ловцовъ, или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастію, какъ заперчь надлежитъ. Соберутся ловцы, человѣкъ двадцать, а больше стануть собирать до тридцати одного ловца. Наберется скоро: на это дѣло охотника много у насъ! Послѣй того скопятся, да и просятъ: кому быть ватаманомъ? — Положатъ на кого: на

Ивана-ли Петрова, на Федора-ли Васильева, всё къ тому Федору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Федоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли жъ нѣтъ его на ту пору съ ними, идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловца ловкаго, да и знамаго: надо кнѣи (мотня, matka,) снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: шестнадцать сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ; ну а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенка — всё 100 цѣлковыхъ отдашь; да за снасти цѣлковыхъ 50. Поэтому самому и выбираютъ ватамана знамаго, чтобъ ему въ городѣ все, что надо, въ долгъ дали. Приходятъ къ нему на домъ въ избу..... А тотъ Федоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего и не знаетъ.

— Что вамъ надо ребята? скажетъ онъ такъ сурово. — Зачѣмъ пришли?

— А тѣ ему въ отвѣтъ: такъ и такъ: насъ скопилось тридцать одинъ человекъ съ сѣтьми и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ. А коли нѣтъ тридцати одного ловца, то скажутъ: насъ собралось двадцать, тамъ что-ль, человекъ, али двадцать пять, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойникахъ ходить не приходится.

Тотъ, по обычаю, сперва наперво поломается: начнетъ говорить, что у меня де на то и разума не хватить, а безъ большаго разума какъ я за такое дѣло возьмусь? — Да это онъ такъ разговоры разговариваетъ, поговорить, и станетъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ:

— Кого же, мы ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ?

— Ну тѣ и положить, къ примѣру сказать, хоть на тебя, али тамъ на меня, али еще на кого: тотъ тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдетъ въ малые ватаманы. Тамъ большой ватаманъ скажетъ:

— Кому рѣльщикомъ быть?

— Рѣльщикъ ватману подручный, тоже большой человекъ, безъ рѣльщика ватманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, кажинному ватману по рѣльщику, а кажинному ватману и кажинному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что воротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется тридцать два ловца, у кого есть сѣти, да лошадь, нанимаютъ рублей за десять серебромъ въ зиму казаковъ, такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ выберутъ, затопятъ (затепаютъ) Богу свѣчку, помолятся Богу, поцалуютъ образъ-икону. Помолясь, и ни одинъ уже ловець не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слово сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: не даромъ Бога цаловали! Помолясь Богу, сядутъ за столъ, выпьютъ винца (вино это и обѣдъ — большой ватманъ покупаетъ, а послѣ съ добычи вычитаютъ.) За столъ посадятъ большаго ватмана въ передней уголъ, а малый ватманъ угощаетъ. Вотъ и скажетъ большой ватманъ:

— Ну ребята, собираться тогда-то, а пока надо невода справить.

Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватманъ, такъ и скопится къ нему вся братія невода шивать. Кажинный принесетъ съ собою свою сѣть шестнадцать сажень, сошьютъ въ четыре крыла: по два крыла на неводъ. А большій ватманъ, человекъ бывалый, выбираетъ день легкій, глаза, да и дурнаго дѣла боится. Случается ватманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ; если же плохъ — дожидается, пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ; а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ-о-бокъ ловить — у него тоня въ триста рублей и больше, а ты на рубль серебра!

— Ну, а выбравши день, у кого собираются? спросилъ я. Да и когда же день назначаютъ?

— А назначаютъ тотъ день у насъ зимніе ловцы, какъ только озеро станеть, — продолжалъ Леонтій Ивановичъ: — всѣ сходятся къ большому ватману, затопятъ свѣчу, вы-

пьють винца, пообѣдаютъ, все тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, и съ того часу ватáманъ большой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени не смѣй слово сказать. Пообѣдаютъ и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлаютъ: своего счастья попытать; да и рыбу ту не продаютъ, сами съѣдятъ. Послѣ того уже ватáманъ скажетъ день, въ который скопляться на настоящей ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Закинуть тоню, вынуть. Большой ватáманъ сказано всему хозяинъ: вынуть тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ отдавать; мокрякъ и не смѣетъ ее дешевле спустить.

— Мокрякъ кто такой? спросилъ я моего раскащика.

— А мокрякъ изъ нихъ же бываетъ, по очереди, отвѣчалъ онъ:—Нынче одинъ мокрякъ, завтра другой, всѣ бываютъ, окромя ватáмановъ и рѣльщиковъ; для того нельзя имъ у себя денегъ держать. Какъ скажетъ ватáманъ мокряку цѣну, тотъ дешевле не можетъ продать; дороже—лучше для всей братіи, дороже продавай. А коли рыбаки ватáманской цѣны не дадутъ: мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день, другую: на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ, и пойдетъ къ братіи на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тонь закинуть въ тотъ день—во всѣхъ онъ мокрякъ и всѣ деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватáманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Даромъ хоть отдавай всю, пока ватáманомъ, никто слова сказать не скажетъ, только денегъ брать не можетъ.

— Да какъ же такъ? Ну онъ сойдется съ какимъ-нибудь обманщикомъ, будетъ говорить, что даромъ отдаетъ, а съ него деньги будетъ брать? спросилъ я.

— Этого на братіи сдѣлать нельзя, — убѣдительно сказалъ Леонтій Ивановичъ: — а почему этого на братіи сдѣлать нельзя, не сталъ онъ и разговаривать о такомъ, по его мнѣнію, невозможномъ дѣлѣ.

— Какъ скопится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся. Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: У тебѣ столько-то денегъ! А тотъ ловець, къ которому тѣ слова были, ему подаетъ деньги. Ватаманъ приметъ и положитъ на столъ. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ, кто въ мокрякахъ былъ, и всѣ деньги тѣ на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ къ примѣру двѣсти рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто что-ль рублей, на церковь Божию столько-то, за прогулы (*) столько-то, на водку, если ловъ былъ хорошъ! И никто ему на то слово не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ! Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадью двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ кажинному ловцу самъ въ руки, и себѣ оставляетъ равную часть. Такія-то расправы бывають во всю зиму до четверга, пятницы, или субботы на масляной. Тогда ватаманъ велитъ быть большой расправѣ. Большая расправа бываетъ такая же, какъ малая, только большой ватаманъ отсчитаетъ на той большой расправѣ деньги, коли остались, что до этого и не бываетъ, за кнѣи, да за снасти, а на водку не откладываетъ, а послѣ скажетъ: «надо на церковь Божию отложить!» Если хорошъ былъ въ ту зиму ловъ, отложить больше: бываетъ рублей пятнадцать, а бываетъ и по рублю, и тѣ деньги отдають попу, на Святой недѣлѣ, на церковь. И на то ему не говоритъ ни слова; развѣ какой изъ другаго прихода, такъ скажетъ: «дай мнѣ, ватаманъ, мою часть, не хочу я своей церкви обижать!» Ватаманъ и отдаетъ ему часть, а тотъ отнесетъ деньги эти въ свою церковь, а спорить не смѣетъ. Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ, да и спроситъ: «хотите-ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо имъ

(*) На общіе прогулы, на угощеніе большого ватамана.

служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ невѣдь, всякъ свою сѣть, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Коли жъ все было ладно, ловцы ватамана поятъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На тотъ пиръ никому, ктомъ той братіи, и придти нельзя; развѣ когда большой ватаманъ позоветъ..... Пройдетъ масляница, въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ зубы полоскать; да такъ наполощутся, что во вторникъ, а то и въ среду опохмѣляться надо. Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ, пока забереги (*) пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ, а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому обѣщались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой ужъ приходятъ къ ватаману своему.

Простившись съ Леонтіемъ Ивановичемъ, я хотѣлъ ѣхать на озеро посмотрѣть ловцовъ на мѣстѣ, да въ субботу былъ Николинъ день, вчера воскресенье; нынче не поѣхали.

9 декабря. Спасо-Пископецъ.

Наканунѣ я нанялъ лошадь съ проводникомъ ловцомъ, который чѣмъ свѣтъ разбудилъ меня, и мы вышли съ нимъ на улицу.

Почти передъ самымъ солнцемъ съѣхались на улицѣ въ Спасо-Пископцѣ три двойника. Каждый двойникъ стоялъ отдѣльно отъ другаго, и я сталъ около одного изъ нихъ, именно того, къ которому принадлежалъ мой провожатый. Большой ватаманъ подѣхалъ, посмотрѣлъ на всю братію и не спѣша, степенно спросилъ:

— Всѣ наши здѣсь?

Ловцы переглянулись другъ на друга, и тоже не спѣша, отвѣтили ему голосовъ въ шесть-семь: «Всѣ!»

— Ну, съ Богомъ! сказалъ ватаманъ, снялъ шапку, а за нимъ и вся братія, перекрестились нѣсколько разъ на

(*) Забереги, т. е. когда вода покажется около береговъ.

востокъ, сѣли и поѣхали. Большой ватаманъ впереди, малый за нимъ, тамъ два рѣльщика и у каждаго у нихъ по пѣхарю, а за ними на четырехъ лошадяхъ ворота съ воротильщиками, на двухъ лошадяхъ съ кругами (толстыми веревками, сложенными въ круги,) на шести лошадяхъ невода. Въ одно время съ ними отправились и другіе двойники, въ такомъ же порядкѣ, какъ и первый.

По отъѣздѣ ловцовъ, я съ своимъ товарищемъ пошелъ пить чай.

— Скажи пожалуйста, — спросилъ я своего проводника за чаемъ: — издалика пріѣхали эти ловцы?

— Да изволишь видѣть, ваше степенство, всѣ поозоры, кто ловцомъ, т. е. кто рыбу ловить, а кто рыбакомъ — кто рыбу покупаетъ; только всѣ въ озерѣ, всѣ озеромъ живутъ. А зимою двойники на этомъ берегу, отъ Юрѣва до Ретли (*), а надъ всѣми ими Спасо-Пископечь: сюда всѣ рыбаки скопляются.

Напившись чаю, мы поѣхали на озеро. Ильмень въ полуо воду подходитъ къ сумому Спасо-Пископцу, а сильною водою и берега подмываетъ; въ послѣднія двадцать лѣтъ около Спасо-Пископца отмыло сажень на двадцать. Старики помнятъ берегъ на версту дальше нынѣшняго. Когда вода сойдетъ, — до озера версты двѣ. Зимой нельзя замѣтить, гдѣ начинается озеро: такъ пологи берега.

— А какая вода лучше для ловцовъ, — спросилъ я своего спутника: — сильная или малая?

— Какъ можно! отвѣчалъ онъ: — въ малую воду рыба лучше ловится: рѣвки мелѣютъ, рыба и сваливается въ озеро; а въ сильную — вся по рѣвкамъ и разойдется, да въ рѣвкахъ

(*) Эти селенія слѣдующія: Спасъ-Пископечь, Лука, Погость, гдѣ живутъ крылошане, Самокража, Ондворъ, Козынево, Бабки, Морино, другое Морино, Ракома, Троица, Юрѣво, Медвѣжья голова, Рознибъ, Три Отроки, Лѣся Горка, Милославское (Миѣславьско), Моисѣвица, Егорій, Васильевское, Лукиншино, Сдринана, Картово, Донецъ, другой Донецъ, Верховье, Хотинъ, Либова, Гвоздець, Липица, Заболотье, Курицкая, Новолокъ, Еровица, Ероново, Ямокъ, Островокъ, Сергова, Завола.

почитай все лѣто и живетъ; для насъ зимнихъ двойниковъ все едино, а для лѣтнихъ гораздо, гораздо хуже.

Выѣхавъ на озеро, мы взяли нѣсколько на востокъ отъ дороги на Ужинъ и, проѣхавши версты двѣ-три, увидали до восьмисотъ саней съ сѣдоками: на саняхъ, непременно сѣдокъ хотя бы мальчикъ или даже дѣвочка.

— Зачѣмъ столько народу собралось? спросилъ я своего проводника.

— А рыбу погупать у двойниковъ-ловцовъ, отвѣчалъ онъ:— это все рыбаки. Сюда прѣзжаютъ версть за пятнадцать, а то и больше.

Шумъ былъ страшный между рыбаками; но очень не многіе, не болѣе сотни, толковали о дѣлѣ, прочіе же разговаривали кой о чемъ; дѣти играли. Изъ толковавшихъ о дѣлѣ на первомъ планѣ стоялъ мужикъ, съ окладистой бородой, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, сверхъ котораго былъ надѣтъ на распашку тулупъ тоже дубленый.

— Всѣ двойники на озерѣ? спросилъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ.

— Теперь всѣ выѣхали! проговорили нѣкоторые.

— Ну, слушай! крикнулъ первый:—отступнова—рыбакамъ на кажинную дугу по гривеннику!

— Какъ можно по гривеннику! зашумѣли въ толпѣ: теперь ловъ хорошій! Не грѣхъ прибавить! Рубль пять надо дать! Три гривенника!

— Еще что тамъ врать! вскрикнулъ опять дубленый тулупъ:—сказано по гривеннику, и будетъ.

Въ толпѣ еще раздавалось: «Три гривенника! Четвертакъ! Хоть пяти-алтынный бы дать!» но тулупъ сталъ толковать съ своими, т. е. съ дѣловыми.

— Ну давай расчетъ дѣлать: сколько рыбаковъ надо оставить, началъ тулупъ:—къ Спасо-Пископскимъ на двухъ по 8, да Егору Степанову 7; на Самокражу Семенову 6, да Ивану Петровичу 8.....

— Къ Петру Семенычу можно прибавить,—сказали въ толпѣ.

— Будетъ и шести! заспорили другіе.

— Будетъ и шести! сказала тулупъ: на Ретлю (*) пять: онъ прошлую недѣлю плохо ловилъ: рыбаки за нимъ даромъ проѣздили!...

— Такимъ образомъ иногда не много поспоривъ, иногда настаивая, иногда уступая, онъ разсчиталъ на десять двойниковъ 68 человекъ рыбаковъ.— Кто на озерѣ останется? спросилъ онъ послѣ разчета:— отходи.

Въ сторону отошли человекъ до восьмидесяти; сосчитали, бросили жеребій кому отходить; потомъ сосчитали сколько дугъ осталось, и оставшіеся рыбаки на всякую дугу дали по гривеннику. Съ каждой дугой, т. е. запряженной лошады долженъ быть кто-нибудь, хоть маленькая дѣвочка, въ противномъ случаѣ дуга лишается права на отступной гривенникъ.

Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ на тою.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ я своего проводника:— за что же рыбаки платятъ отступнаго всѣмъ, кто пріѣдетъ на озерѣ?

— Такой законъ, ваше степенство,—отвѣчалъ мнѣ мой проводникъ:—всѣ рыбаки, сколько ни на есть, отъ Юрьева до Ретли, всѣ пріѣзжаютъ; а чтобъ даромъ не ѣздить, получаютъ, значить, по гривеннику. Да и всѣмъ даютъ, кто на озерѣ случится: коли хотите, подходите, и вамъ дадутъ,—прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— Нѣтъ, за это спасибо,—сказала я:—а скажи пожалуйста: зачѣмъ законъ такой положенъ? Вѣдь ихъ подводъ слишкомъ семьсотъ осталось, по гривеннику выходитъ слишкомъ семьдесятъ рублей,—эти деньги съ ловцовъ же выручаютъ.

— Безъ этого нельзя,—отвѣчалъ онъ:—имъ тоже хлѣбъ надо дать, оттого такой законъ изпоконъ вѣку и положенъ:

(*) На всемъ озерѣ десять большихъ ватамановъ-двойниковъ; всѣ они живутъ на западномъ берегу: въ Спасо-Пископцѣ 3, въ Самокражѣ 2, въ Миославцѣ 2, у Егорья 1, съ Малаго Бору (Борку) и съ Ретли 1. Есть еще одинъ съ Трехъ-Острововъ, у того въ двойникѣ 8 человекъ.

мы за этимъ не гонимся! Да и правду сказать: не всегда столько народу и скопляется: другой разъ прїѣдетъ дугъ пятьсотъ, не больше.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ я, не много помолчавъ: я хочу купить у ловцовъ рыбы.

— Сперва, когда жребій трясли,—отвѣчалъ онъ:—можно бъ было: не достало бы жеребья—купилъ, а теперъ ни за какія деньги тебѣ ловець не продастъ: нельзя; всю рыбу продавай рыбакамъ, что по жеребью достались.

— Ну коли дешево дадутъ?

— Два дни все-таки не смѣй съ озера свозить, а на третій день вези куда хочешь; только это ужъ плохо: поволочится по льду, лицо и сдастъ, да и прогуль къ тому жъ.

— Какъ же рыбаки покупаютъ у ловцовъ,—допрашивалъ я проводника:—одинъ передъ другимъ цѣну набиваетъ, или толкуются прежде?

— Какъ можно набивать цѣну? отвѣчалъ проводникъ:—этакъ въ задоръ войдешь, и не вѣсть, что надѣлаешь, рыбаки тоже покупаютъ рыбу скопомъ: ты говоришь: покупаю, торгую на рубль, я говорю на два, тотъ на три; такъ и дѣлать всю рыбу.

— А если я скажу, что всю рыбу оставляю за собой,—сказалъ я, не понимая въ чемъ дѣло:—тогда какъ же другіе-то?

— Да не то,—проговорилъ онъ мнѣ съ досадою, видя мою непонятливость:—не то: сколько у кого капитала, тотъ противъ капиталу и беретъ часть.

— А если я скажу, что у меня капиталу сто тысячъ, а у меня ихъ нѣтъ?

— Миръ не обманешь! отвѣчалъ онъ мнѣ, и я не сталъ больше на это возражать.

Проѣхавши версты полторы-двѣ по озеру, мы увидѣли ловцовъ, которые, вынувши одну тоню, ѣхали на другую.

Какаякая съ своимъ товарищемъ, мы проѣхали за ловцами, ѣхавшими въ прежнемъ порядкѣ, еще версты полторы или двѣ; потомъ большой ватаманъ взялъ нѣсколько вправо, а малый влѣво, каждый съ своимъ неводомъ, рѣльщи-

ками, пехарями и проч. Когда ватаманы разѣхались на полверсты или немного менѣе, большой ватаманъ показаль мѣсто *сливаломъ* — такъ называется съ сѣткой лопата, какъ мнѣ еще прежде объяснили.

— Становись здѣсь! сказалъ ватаманъ.

— Значить, нашель мѣсто, гдѣ задорку быть, т. е. «поддавкѣ», — вполголоса проговорилъ мнѣ мой провожатый: — сейчасъ пехаря.... ишь какъ пхуть пехаря пешнями!

Въ самомъ дѣлѣ, пехаря молодецки работали своими пешнями (ломъ съ рукояткой) и разомъ пропехали задорогъ или поддавку, т. е. прорубили прорубь въ квадратный аршинъ.

— Здѣсь не пропхнуть въ задорогъ рѣль-то (шесть,) рѣль-то десять сажень печатныхъ, — продолжалъ мой товарищъ: — здѣсь мѣсто мелкое.

Въ самомъ дѣлѣ, ватаманъ приказаль прибавить еще прорубь аршина на два въ длину и на четверть въ ширину, такъ что эта прорубь имѣла форму лопаты. Потомъ спустиль въ задорогъ свою рѣль, къ которой была привязана веревка въ палець толщиною — потомъ рѣльщикъ опустилъ свою. Пехаря, расходясь подь тупымъ угломъ, чтобъ распустить неводъ почти во всю его длину, пробивали для ватамана и рѣльщика углы, т. е. дыры въ четверть кругомъ; ватаманъ пошелъ правою стороною, а рѣльщикъ лѣвой, оба съ кутой (*), которою, опуская ее въ углы, ловили рѣль и гнали впередъ; случалось, что рѣль не попадала на уголь, тогда ватаманъ или рѣльщикъ, какъ случится, сякомъ (**), щупали рѣль и проводили къ углу; иногда рѣль зацѣплялась подо льдомъ, рѣльщикъ наваливался на куту, рѣль спускалась ниже и проходила. Углы пехаря рубили одинъ отъ другаго на разстоянн сажень девяти, а когда вышли тон-

(*) Кута дѣлается изъ деревянной палки толщиною пальца въ два съ половиной и длиной аршина 2 $\frac{1}{2}$; къ одному концу прицѣвываются вилочки, которыми захватываютъ рѣль и гонять впередъ, а съ другаго оленя пологую дугу въ ширину груди; когда рѣль зацѣпнть за ледъ, на эту дугу налагають, рѣль спустится ниже и ее легко гнать впередъ.

(**) Сякъ — деревянный шестъ съ загибиной.

кія веревки, къ нимъ привязали круги, т. е. толстыя веревки, за которыми тянуть неводъ. Тонкія веревки *спускаютъ* руками, а толстыя *тянутъ вѣртами* (*). Малый ватаманъ въ то же самое время дѣлалъ тоже самое, только стоялъ не съ правой стороны, а съ лѣвой, т. е. противъ большаго ватамана, а его рельщикъ противъ рельщика большаго ватамана. Когда они подошли одинъ къ другому, на половину или немного больше, они стали суживать неводъ. Когда ватаманы сошлись, пехаря пробили высохъ (прорубь, аршина на два въ длину и четверти три шириной.)

— Кольца! сказалъ большой ватаманъ.

Пехаря, не говоря ни слова, въ одну минуту прорубили четыре дыры, тоже въ четверть кругомъ, отступя отъ высоха на аршинъ.

— Это для чего? спросилъ я у товарища своего, съ которымъ мы подошли къ высоху.

— А вонъ видишь кольца — для нихъ, — отвѣчалъ онъ, указывая на четыре шеста, длиною аршина три, на концахъ которыхъ были на-крѣпко придѣланы желѣзные кольца, вершка два съ половиною въ діаметрѣ.

— А эти кольца для чего?

— Нижнюю тетиву къ землѣ прижимать, не то вся рыба внизъ уйдетъ; стануть неводъ вытягивать, вытянуть близко къ высоху, неводъ-то и привздынется, а какъ кольцами-то навалятся, рыбѣ-то въ нихъ уйдти и нельзя, а коли выско-чить изъ одного невода, въ другой сигнетъ: все тутъ останется.

— Стали показываться крылья невода.

— Держи кольца! громко сказалъ большой ватаманъ, становясь съ сливаломъ противъ высоха.

Колечники опустили въ колечныя дыры свои кольца и сильно на нихъ навалились.

(*) Вѣрта: утверждаютъ вертикально на саняхъ ось, на которую надѣвають бочку, на бочку же наворачиваютъ канатъ, а чтобы сани не двигались къ нимъ привязываютъ топоръ, который вбиваютъ въ ледь.

Стали вытаскивать неводъ; по мѣрѣ того какъ вынимали изъ воды, его укладывали въ сани. Ловцы въ кожаныхъ передникахъ и въ тягухахъ (рукавицахъ, что воды не боятся) подошли, стали въ два ряда и начали тянуть неводъ; въ это время колечники сильно напирали на нижнюю тетиву своими кольцами, воротильщики вѣртами тянули канатъ.

— Загврался! крикнулъ большой ватаманъ на одного колечника, который, повернувшись на мгновение, далъ приподняться на четверть своему крылу.

Большой ватаманъ весело посматривалъ, съ какимъ-то достоинствомъ, выбрасывая сливаломъ ледъ изъ высоха, притащенный неводомъ.

Еще далеко было до кнѣи, а въ крыльяхъ уже много попадалось рыбы и вцѣпившихся раковъ; но ловцы на рыбу не обращали никакого вниманія: она оставалась на тѣхъ же крыльяхъ, только мальчики, которыхъ было здѣсь десятка полтора, увидавъ крупную рыбину (*), бросались за нею. Большею частью на мальчишекъ не обращали вниманія; только крикнетъ кто-нибудь изъ ловцовъ, коли ему мѣшаютъ:

— Куда ты, малецъ!.... Э, пострѣль!

На что малецъ-пострѣль тоже съ своей стороны рѣшительно не обращалъ никакого вниманія, лѣзъ за другой рыбиной, на что тотъ же ловецъ не говорилъ ему ни слова.

Но возгласы были очень рѣдки, и ловцы, молча, сильно тянули неводъ: во всемъ было видно какое-то удивительное спокойствіе, величавость.

— Эко сколько этой дряни — раковъ набралось! сказалъ мой проводникъ.

— Отчего же дряни? спросилъ я.

— Да вѣдь ракъ вцѣпится въ неводъ, его и не отцѣпишь, — отвѣчалъ онъ: — случится весь неводъ стянуть; такъ мы ихъ ногами мнемъ.... руками ничего не сдѣлаешь.

— А вы раковъ не продаете?

(*) Рыбиной называется одна рыба; —рыба — имя собирательное.

— Кому на озерѣ продашь! А въ городъ везти нельзя: ракъ морозу боится.

На крыльяхъ больше и больше показывалось рыбы, мальчишки чаще и чаще бросались за большой рыбиной.

— Матка показалаь, — сказалъ ловець.

— Кольца отнимай! отдадь приказъ большой ватаманъ.

Пущенныя колечниками кольца почти вылетѣли изъ воды.

Стали вытаскивать матню. Рыба въ ней заполоскалась, забилась. Вытащивъ матню, отнесли ее отъ высоха сажени на двѣ и высыпали рыбу на ледъ. Большой ватаманъ подошелъ къ рыбѣ; къ высоху подошелъ малый ватаманъ; и его ловцы стали вытаскивать свой неводъ, тѣмъ же порядкомъ, только безъ колечниковъ; кольца были вынуты въ одно время съ первыми. Большой ватаманъ *сливаломъ* сталъ отбрасывать большую рыбу въ сторону, а рыбаки, наскобливъ топоромъ снѣгу, стали имъ пересыпать рыбу, чтобъ не смерзлась. Вынули матню малаго ватамана, и рыбу высыпали отдѣльно; большой ватаманъ и тамъ отбрасывалъ большую рыбу; рыбаки тоже пересыпали снѣгомъ. Большой ватаманъ что-то шепнулъ одному ловцу, на тотъ разъ бывшему мокрякомъ, и всѣ отошли, и рыбаки и ловцы, въ сторону.

— Теперь, ваше степенство, — училъ меня проводникъ: — коли хотите, можно поподчивать ватамановъ.

Я изъявилъ на это свое согласіе.

— Петръ Егоровичъ, Алексѣй Семеновичъ! сталъ онъ звать ватамановъ: — подойдите сюда: вотъ его степенство хочетъ васъ поподчивать.

Къ намъ подошли четыре мужика, два ватамана и два рѣльщика, въ крѣпкихъ тулупахъ, въ осташковскихъ сапогахъ.

— Здравствуйте, ваше степенство! сказалъ мнѣ большой ватаманъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ и тотчасъ надѣлъ; онъ сознавалъ, что такому челоуѣку, какъ большой ватаманъ, непристойно стоять безъ шапки ни передъ какимъ лицомъ.

— Все мнѣ поклонились и тоже надѣли шапки; я имъ тоже поклонился.

— Что, ваше степенство? началъ большакъ: — пріѣхали посмотреть на наши промыслы?

— Да, пріѣхалъ полюбоваться, отвѣчалъ я.

— На наши промыслы много народу ѣздитъ взглянуть, — степенно сказалъ ватаманъ.

Мой проводникъ между тѣмъ досталъ два полуштофа водки, одинъ сунулъ, ни слова не говоря, рѣльщику, а другой откупорилъ.

— Забылъ — бѣда — стаканчикъ захватить, — торопливо проговорилъ онъ: — да и закусить не взялъ. Большой ватаманъ, дай рукавицу!

— У насъ и закусить найдется, — сказалъ ватаманъ, подавая рукавицу: — горячаго нѣтъ, а рыбничекъ (*) у всякаго за пазухой; безъ того нельзя: цѣлый день не ѣвши нельзя; варить на озерѣ негдѣ, такъ хоть сухова пожуешь.

Мой проводникъ налилъ въ рукавицу водки и поднесъ большому ватаману.

— Подноси его степенству, — сказалъ онъ, отстраняя рукавицу и указывая на меня.

— Я не хочу, — отвѣчалъ я ему: — я привезъ водку васъ поподчивать.

— Намъ безъ васъ пить не приходится, — проговорили и ватамоны, и рѣльщики: — безъ хозяина какое питье! Безъ хозяина питья не бываетъ!

Я хлебнулъ; мнѣ подали начатый рыбникъ. Мой проводникъ долилъ и подаль большому ватаману.

— Будь здоровъ! сказалъ онъ мнѣ и полегоньку выпилъ.

Проводникъ, поднеся другому ватаману, откупорилъ другой полуштофъ, далъ рѣльщику рукавицу, исправляющую должность рюмки, налилъ въ нее водки, встряхнулъ, посмотрѣлъ на полуштофъ, еще подлил и отрывисто сказалъ:

(*) Пирогъ съ рыбой.

«пей!» Тотъ выпилъ; напоследокъ онъ выпилъ остальное и подалъ другому рѣльщику.

— Ну, ваше степенство, возьми у насъ рыбки, сказала мнѣ большой ватаманъ.

— Сдѣлай одолженіе, продай!

— А много ли вашему степенству надо? спросилъ меня большой ватаманъ.

— Да на уху только,— отвѣчалъ я.

— Объ этомъ тебѣ съ нами нечего разговаривать! Семень! сказала онъ, обращаясь къ моему проводнику:—отбери его степенству рыбки получше—на ушку, да лещика два-три побольше—зажарить.

Мнѣ не хотѣлось даромъ брать у нихъ ни рыбки на ушку, ни лещика зажарить; но мой Семень выбралъ рыбу что ни есть лучшую, завязалъ въ платокъ и положилъ въ сани. Дѣлать было нечего. Я, сказавши *спасибо*, получилъ въ отвѣтъ «нѣ-начемъ,» и поѣхалъ домой. На другую тоню ѣхать не хотѣлось: я прозябъ, да къ тому же мой Семень увѣрялъ, что мы подаренную рыбу живую доведемъ домой. «А изъ живой рыбы, сравнить нельзя, хороша уха!» Онъ положилъ рыбу подъ полу, и мы, въ самомъ дѣлѣ, ѣли уху изъ живой рыбы.

— Вотъ когда *патъ* бываетъ,— говорилъ мнѣ за ухой мой хозяинъ:— ватаманъ веселъ бываетъ.

— А что такое патъ? спросилъ я.

— А это значить: тоню большую вытащить,— отвѣчалъ онъ:—бываетъ, матку и не вынуть; такъ ватаманъ сливадомъ рыбу-то вычерпываетъ, пока матка не полегчаетъ.

4. В о л г а.

Величайшая изъ рѣкъ Европы — это наша рѣка Волга, кормилица народа русскаго. Не течетъ она изъ вѣчныхъ снѣговъ какихъ-либо высокихъ горъ, не образуетъ она шумящихъ водопадовъ на удивленіе міру; нѣтъ, падаетъ она съ высоты всего 840 футовъ и струи свои катитъ тихо и

плавно; но за то имѣеть свои картины, свои прелести, свои особенности, какихъ не встрѣтишь въ Западной Европѣ. Протекая слишкомъ 3,200 верстъ подъ различными градусами широты, она представляетъ большое разнообразіе какъ въ климатѣ, такъ и въ природѣ и даже въ самомъ населеніи. На верхнихъ частяхъ ея житель съ трудомъ прокармливается на своей неблагоприятной почвѣ и заботливо закрываетъ на зиму свои немногія калѣвки-яблони, а житель нижнихъ частей наслаждается благоуханіемъ миндальныхъ деревьевъ и любитъ тяжелыми гроздями винограда.

Начало свое беретъ Волга изъ болотъ и маленькихъ озеръ на юго-восточномъ склонѣ Алаунской возвышенности, въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ. Первоначально она зарождается въ родникѣ или въ колодезѣ четырехугольной формы, который окрестные жители зовутъ Иорданомъ. Когда-то стояла здѣсь часовня и колодезь привлекалъ къ себѣ много богомольцевъ, потому что вода, какъ ходила молва въ народѣ, помогала отъ желудочныхъ болей и кожныхъ болѣзней; теперь эта вода грязна и негодна къ употребленію. Изъ болотъ, питающихъ зачатокъ Волгу, каждое носитъ свое собственное имя; онѣ глубоки и часто нѣтъ никакой возможности добраться до ихъ дна. Въ старину, вѣроятно, всѣ онѣ были большими озерами и, можетъ быть, даже вся страна представляла когда-то одно огромное озеро съ многочисленными заливами, и нынѣшнія мелкія озера, разбросанныя по всему этому пространству, не болѣе, какъ только остатки великаго когда-то водовмѣстилища сѣверной части Сарматской равнины. До сихъ поръ многія изъ этихъ болотъ есть ничто иное, какъ сокрытыя озера, покрытыя тонкимъ слоемъ ила и различными растеніями. Волга сначала течетъ небольшимъ ручейкомъ, но по выходѣ своемъ изъ озера *Воло*, замыкающимъ рядъ небольшихъ озеръ, становится уже рѣкой; соединившись же съ истокомъ озера Селигера, *Селижаровкой*, ширина ея доходитъ до 20 слишкомъ сажень. Течетъ она въ направленіи къ юго-востоку по ровной, слегка наклоненной плоскости; около *Зубцова*,

при впадении *Вазузы*, первого значительного притока своего, она поворачивается къ сѣверо-востоку; тутъ ширина ея достигаетъ уже 30 саженой, такъ что отсюда ходятъ по ней довольно значительныя суда, благодаря чему, города *Ржевъ* и *Зубцовъ* занимаютъ не послѣднее мѣсто между приволжскими пристанями. При впадении *Тверцы*, второго притока Волги, на правомъ берегу лежитъ *Тверь*, первый губернской городъ и одно изъ самыхъ значительныхъ складочныхъ мѣстъ между Петербургомъ и низовыми странами, такъ какъ отъ Тверцы начинается Вышневолоцкая система, соединяющая прямо Волгу съ Балтійскимъ моремъ. Отъ Твери до г. *Мологи*, Волга съ многочисленными изгибами постоянно сохраняетъ свое сѣверо-восточное направленье. У Мологи самый крайній сѣверный предѣлъ Волги; тутъ она подходитъ къ уваламъ, которые ее отбрасываютъ и заставляютъ повернуть почти подъ прямымъ угломъ къ юго-востоку. Этотъ сѣверный изгибъ Волги весьма важенъ; здѣсь она принимаетъ съ лѣвой стороны два притока *Мологу* и *Шекну*, вдающіеся далеко на сѣверъ къ Ладожскому озеру и къ Бѣлоозеру, что дало возможность къ прямому соединенію средней части Волги съ Бѣлымъ и Балтійскимъ морями безъ посредства Вышневолоцкаго пути. Три водныя системы зависятъ отъ этого сѣвернаго изгиба, Тихвинская, Маринская и Александровская, три системы, которыя оживляютъ сѣверъ и приближаютъ западь. До этого изгиба Волга орошала губерніи Тверскую и Ярославскую, далѣе она вступаетъ въ Костромскую. Между Ярославлемъ и Костромой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Волгѣ представляются затрудненія для судоходства, во время межени, отъ песчаныхъ мелей, перекатовъ и каменныхъ грядъ, не только не позволяющихъ судамъ плыть съ полнымъ грузомъ, но заставляющихъ нерѣдко перекладывать значительную часть клади съ судовъ. Для облегченія судоходства, на всѣхъ меляхъ принимаются слѣдующія мѣры: мель обозначается поставленною на берегу *въхою* съ флагомъ, видимою еще издали. По всему же протяженію фарватера, направленье его обозна-

чается съ обѣихъ сторонъ, по теченію, *бакенами*, съ правой стороны красными, а съ лѣвой — бѣлыми. На меляхъ, особенно затрудняющихъ судоходство, нанимаются казною лоцмана, обязанные наблюдать постоянно за направлениемъ фарватера, разстанавливать условные знаки сообразно съ измѣненіемъ его и, наконецъ, проводить суда черезъ самыя мели.

При началѣ теченія Волги, берега ея довольно высоки и состоятъ или изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, или изъ известковыхъ пластовъ; но ниже Зубцова, за *Старицей*, высокіе берега оканчиваются и по обѣимъ сторонамъ разстилаются равнины. Вообще отъ Твери до Нижняго характеръ береговъ Волги одинъ и тотъ же: то съ одной стороны, то съ другой тянутся гряды флечовыхъ возвышенностей, приближающихся къ ней вмѣстѣ съ впадающими въ нее рѣками, или же возвышаются отдѣльно на плоской поверхности. Подъ часъ сопровождаютъ Волгу холмы съ обѣихъ сторонъ, или же оба берега совершенно плоски. Большія села лежатъ обыкновенно на холмистыхъ берегахъ Волги, стало быть, то на одной, то на другой сторонѣ, но по большей части на правой.

Вся мѣстность, лежащая по верхнимъ частямъ Волги, прикасаясь съ одной стороны къ финско-балтійской покатости, а съ другой — къ сѣвернымъ уваламъ, раздѣляетъ характеристическія особенности этихъ странъ. Гранитные валуны, безчисленныя озера, топи и болота доказываютъ ясное вліяніе финско-балтійской покатости, а суровый климатъ и густые лѣса — близость сѣверныхъ уваловъ. Кромѣ того, мѣстность эта, при суровости климата, бесплодна и даетъ мало матеріаловъ для производящей промышленности а потому жители этой страны должны были прискивать средства къ жизни не въ земледѣліи, а въ обрабатывающей и торговой промышленности. Природа, ставъ съ одной стороны мачихой для здѣшнихъ обитателей, съ другой — явилась самою любящею матерью: она заставила Волгу нести струи свои по этимъ грустнымъ, бесплоднымъ полямъ. Не

даромъ зовутъ тверитяне Волгу золотымъ дномъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, десятки тысячъ кормятся единственно ею: одни гонятъ лѣсъ, другіе строятъ суда, третьи ловятъ рыбу, четвертые, добывая болотную руду, подвозятъ къ пристанямъ свои желѣзные издѣлія. Кромѣ этихъ главныхъ промысловъ явилось множество мѣстныхъ, заслуживающихъ вниманія своими размѣрами. Такъ въ селѣ *Кимры*, Корчевскаго уѣзда, и на 60 верстѣ кругомъ всѣ крестьяне занимаются питьемъ сапоговъ, которые идутъ на Нижегородскую ярмарку; въ *Торжокѣ* шьютъ на сафьянѣ золотомъ и серебромъ; въ *Осташковѣ* готовятъ разныя домашнія орудія изъ желѣза. Во многихъ селеніяхъ выдѣлывается также ежегодно нѣсколько тысячъ аршинъ миткаля и холстинки. Но послѣдняя отрасль промышленности далеко здѣсь не такъ развита, какъ въ слѣдующихъ двухъ губерніяхъ: Ярославской и Костромской.

Песчано-глинистая почва въ южныхъ частяхъ этихъ двухъ губерній производитъ успѣшно только ленъ и коноплю, большая часть котораго и идетъ на здѣшнія же фабрики. Здѣсь средоточіе полотнянаго производства, и притомъ не въ однихъ только городахъ; цѣлыя деревни, сотни тысячъ рукъ заняты этою промышленностью; ткуть полотна, холстъ или выдѣлываютъ пряжу. Выдѣлкой пряжи занимаются даже дѣти; каждая дѣвочка съ семи лѣтъ уже начинаетъ прясть, а съ двѣнадцати—ткать. Промышленность эта, какъ сельское занятіе, существуетъ здѣсь съ незапамятной древности и было время, когда мы почти исключительно одни снабжали Европу и Америку нашимъ холстомъ. Но теперь здѣшняя полотняная промышленность падаетъ; она вытѣсняется машиннымъ производствомъ, иностранными издѣліями и вкореняющимся въ крестьянскомъ быту требованіями на бумажныя издѣлія. Набойки уступили мѣсто ситцамъ, простой холстъ и крашенина—серпянкамъ и холстинкамъ. Теперь отъ насъ идутъ въ Западную Европу и Америку только толстыя ткани, парусныя; тонкія же, годныя для бѣлья, мы получаемъ сами изъ-за границы. Про-

исходить это отъ дурной обработки льна. У насъ иногда тотъ же самый крестьянинъ и сѣетъ ленъ, и вымачиваетъ его, и чешетъ, а жена его и прядетъ, и ткеть, и бѣлить. Весь этотъ процессъ совершается самымъ простымъ, стариннымъ способомъ, и оттого-то наши ткани выходятъ грубы, а нашъ ленъ, хотя и сбывается въ Западную Европу въ большомъ количествѣ, но идетъ тамъ только на грубый холстъ и на грубое полотно. Не смотря на очевидный упадокъ льняной промышленности, она все-таки и теперь занимаетъ первое мѣсто между всѣми родами обрабатывающей промышленности въ Россіи, и начинаетъ уже вводиться, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, раздѣленіе труда и возникаютъ уже обширныя отдѣльныя бѣлильни и ткацкія фабрики. Произведенія этихъ двухъ губерній могутъ быть раздѣлены на два рода: на *полотна* (холстъ) и *камчатныя ткани* (столовое бѣлье, полотенцы и т. д.) Производство первыхъ сосредоточивается въ Ярославской, вторыхъ—въ Костромской. Центръ полотняго производства—это село *Великое*, близъ Ярославля. Одно это село ежегодно приготовляетъ до 60 тысячъ кусковъ, а близъ него въ округности занято однимъ ткачествомъ до 10 тысячъ человѣкъ, такъ что весь околодокъ ежегодно выдѣлываетъ полотна на 6 милліоновъ руб. сер. Въ селѣ Великомъ льняная промышленность достигла уже значенія настоящей мануфактурной промышленности: тутъ есть фабрики и заводы, здѣсь же и главный пунктъ торговли льняными издѣліями. Выдѣлка столоваго бѣлья сосредоточивается въ *Вичугѣ*, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, гдѣ также устроены большія фабрики. Въ Вичугѣ льняная промышленность соединяется съ хлопчато-бумажною, т. е. готовятъ ткани на половину изо льна, а на половину изъ бумаги. Въ этой дѣятельности участвуетъ отчасти и губернскій городъ Кострома.

Наравнѣ съ упомянутою промышленностью, въ Ярославской губерніи процвѣтаетъ съ давнихъ временъ и кожевенное производство, которое также занимаетъ много рукъ по

деревнямъ, особенно въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ выдѣлывается значительное количество кожъ и овчинъ. Романовскія дубленки считаются лучшими въ цѣлой Россіи.

Сѣверныя же части этихъ двухъ губерній, прилегающія къ уваламъ и покрытыя обширными лѣсами и болотами, содержащими въ себѣ болотную руду и торфъ, указали, въ свою очередь, жителямъ разныхъ уѣздовъ на другіе пути къ благосостоянію. Городокъ Романовъ-Борисоглѣбскъ представляетъ одну непрерывную кузницу и слесарню; здѣсь даже готовятъ котлы для паровыхъ машинъ; въ Даниловскомъ уѣздѣ выдѣлываются удила, стремяна, подковы и другія принадлежности къ конской сбруѣ, расходящіяся по цѣлой Россіи; лучшіе топоры привозятся изъ заштатнаго г. *Плесса*, Костромской губерніи.

Въ Пошехонѣ, по берегамъ Мологи и Шексны, по рѣкамъ: Костромѣ, Унжѣ и Ветлугѣ, крестьяне строятъ барки, валяютъ и гонятъ лѣсъ, занимаются сидкой смолы, дегтя, приготовленіемъ дубковъ, мочалъ, рогожъ и разныхъ деревянныхъ издѣлій. Въ Ярославской губерніи лѣсу становится уже мало; нѣкоторые уѣзды почти совсѣмъ безлѣсны, какovy *Мышкинскій* и *Угличскій*; тамъ онъ едва удовлетворяетъ собственнымъ потребностямъ жителей. Въ несравненно большихъ размѣрахъ производится лѣсная промышленность въ Костромской губерніи.

Рѣка Кострома вмѣстѣ съ Унжей и Ветлугой, двумя болѣе восточными притоками Волги, текутъ съ вершинъ сѣверныхъ уваловъ. Принявъ въ себя Унжу, Волга дѣлаетъ новый изгибъ къ югу, какъ бы на встрѣчу своему главному южному притоку, Окѣ. Унжа протекаетъ самыя лѣсистыя уѣзды Костромской губерніи. Это одна лѣсная пустыня, по которой кой-гдѣ попадаются ряды деревушекъ. Хлѣбопашество здѣсь въ совершенномъ запущеніи; цѣлыя деревни не занимаются имъ вовсе и получаютъ хлѣбъ изъ сосѣднихъ губерній. Зато вся ихъ дѣятельность обращена на лѣсную промышленность. Смолокурение составляетъ повсемѣстный промыселъ; добываніе же дегтя начинается со-

кращаться и сосредоточивается въ немногихъ только заводахъ, такъ какъ деготь добывается изъ березы, а березовые лѣса не такъ распространены, какъ хвойные. На Унжѣ строится ежегодно большихъ судовъ до 300, а меньшихъ еще больше.

Слѣдующій притокъ Волги, *Ветлуга*, хотя и впадаетъ въ Казанской губерніи у Козьмодемьянска, но большая часть ея принадлежитъ Костромской губерніи. Берега ея покрыты большими липовыми лѣсами, въ которыхъ кроется главное богатство жителей пустынныхъ береговъ ея и гдѣ занялись главнымъ образомъ личнымъ производствомъ.

Но въ настоящее время лыковое и мочальное производства далеко уже не имѣютъ тѣхъ размѣровъ, какіе они имѣли прежде. Главная причина уменьшенія промысла— это, конечно, оскудѣніе лѣсовъ противъ прежняго. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ берега Ветлуги и Унжи были покрыты дремучими непроходимыми лѣсами, но теперь, и отъ безопадной и неправильной рубки, и отъ лѣсныхъ пожаровъ, лѣса рѣдѣютъ съ поразительною быстротою, такъ что крестьянину приходится иногда для рогожнаго промысла ѣхать верстъ за сто отъ своего села. Самое страшное и обширное истребленіе лѣсовъ производятъ лѣсные пожары, происходящіе отъ неосторожности звѣролововъ, пастуховъ и отъ выжиганія лѣса самими крестьянами для очистки мѣста.

Въ такіе пожары не только лѣса, но и деревни, и города, и скоть, и самые люди подвергаются страшной опасности. По обширному лѣсному морю пламя разливается на десятки верстъ, наполняя почти весь край дымомъ и пепломъ. Такъ въ 1839 и 1841 годахъ два пожара истребили до 50 тысячъ десятинъ лѣса въ одномъ Ветлужскомъ уѣздѣ; сгорѣло нѣсколько селъ и заштатный городъ *Кадый*. Противъ этого бѣдствія нѣкоторые жители употребляютъ средство обратнаго пожара, т. е. зажигаютъ нарочно лѣсъ впереди огненнаго потока, чтобы такимъ образомъ остановить тягу нагрѣтаго воздуха въ одну сторону. Кромѣ оскудѣнія

лѣсовъ и вздорожанія мочала, вредить здѣшнему промыслу и конкуренція тѣхъ мѣстностей, откуда прежде не являлись рогожи. Такъ во многихъ городахъ Казанской и Пермской губерній ткуть рогожи уже фабричнымъ способомъ. Вытѣсняются также рогожные кули—холстинными мѣшками, наконецъ, на подстилки и покрышки товаровъ стали употреблять, въ послѣднее время, цыновки, плетенныя изъ древесныхъ стружекъ или же веревочныя.

Вокругъ слитія двухъ великихъ рѣкъ, Волги и Оки, разстилается Нижегородская губернія, производящая въ изобиліи всякаго рода сельскіе продукты. Въ углу, образуемомъ сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, лежитъ *Нижній*, великій внутренней портъ Россіи, главный центръ торговли между Востокомъ и Европою, главное мѣсто сбыта сырыхъ продуктовъ Сибири, сѣверной Россіи и мануфактурныхъ произведеній центральной Россіи, Окскаго бассейна. Обширное судоходство по Волгѣ въ этихъ мѣстахъ занимаетъ много рукъ постройкою судовъ и бурлачествомъ. Главныя же занятія многочисленныхъ и богатыхъ сель нижегородскихъ составляютъ различныя производства. Такъ напр., село *Мурашкино*, Княгининскаго уѣзда, извѣстно своими полушубками и тулупами; село *Лысково*, противъ г. Макарьева, имѣетъ до 200 водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; села *Семеновскаго* уѣзда занимаются войлочными и деревянными издѣліями; въ *Ардатовскомъ*—много чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Села: *Ворсма* и *Павлово*, Горбатовскаго уѣзда, ежегодно приготавливаютъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій на три милліона рублей серебромъ.

При самомъ выходѣ изъ Нижегородской губерніи, Волга принимаетъ двѣ рѣки: Ветлугу, о которой мы говорили выше, и *Суру*. Сура весьма важная рѣка въ этнографическомъ отношеніи. До самой восточной границы Нижегородской губерніи села и деревни были русскія, но, перейдя Суру, оставляешь славянскій край и вступаешь совершенно на иноплеменную почву, такъ что Сура составляетъ какъ бы этнографическій рубежъ между славянскими, финскими и

татарскими племенами. Хотя въ Нижегородской губерніи встрѣчаются уже чуваша, черемиссы и татары, но обрусѣлы, за Сурой же, эти народы сохранили чище, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неприкосновеннымъ, свой бытъ, свою вѣру и составляютъ послѣ русскихъ главное народонаселеніе. Вся область Суры до самой Волги покрыта превосходнѣйшимъ черноземомъ и обширными липовыми лѣсами, что вызвало здѣсь обширное пчеловодство и личное производство.

За Нижнимъ ширина Волги простирается уже почти на версту. Тихо катитъ она струи свои, но на самой серединѣ теченіе ея быстро, безпокойно и постоянно измѣняется, что чрезвычайно неудобно для пристаней. Лѣтомъ въ ней очень много мелкихъ мѣсть, образующихъ безчисленныя песчанья отмели, хотя глубина настоящаго русла нигдѣ не бываетъ ниже четырехъ саженой. Здѣсь же, за Нижнимъ, измѣняется и характеръ береговъ Волги. Съ правой стороны начинается сопровождать ее высокій горный берегъ, поднимающійся на 150 футовъ и состоящій изъ флечовыхъ грядъ различнаго свойства: тинистаго, известковаго и песчанаго сланца, которыя, спускаясь крутыми стѣнами къ берегу, оканчиваются известью, рухлякомъ, гипсомъ, раковинами, и прорѣзываются широкими и глубокими дождевыми промоинами. Этотъ берегъ усѣянъ деревнями и селами. Съ лѣвой же стороны разстилается берегъ низкій, плоскій, почти непрерывной волнообразной равниной; онъ покрытъ лугами, болотами и нивами.

Части Волги отъ Нижняго до Казани имѣли всегда великое историческое значеніе. Такую важность давали ей не одни торговыя предпріятія, не одни многочисленныя суда, разносившія по струямъ ея въ продолженіи многихъ вѣковъ богатства Востока и Запада; здѣсь ея берега оглашались цѣлое столѣтіе воинскими криками и багровѣли ея струи кровью русскихъ и татаръ. Здѣсь боролись великіе князья и цари московскіе съ царями казанскими и потомъ, долгое еще время спустя, съ непокорными казанцами, которые

пытались все сбросить съ себя власть царя московскаго. Города: *Васильсурскъ*, *Чебоксаръ*, *Свияжскъ*, лежащіе по большой дорогѣ, возникли во время этой долгой и упорной борьбы, чтобы служить въ началѣ оплотомъ отъ нападений татаръ, а потомъ средствомъ держать въ покорности Казанскую область.

Казанская губернія лежитъ въ плодородной части волжскаго бассейна; въ немногихъ частяхъ Россіи занимаются хлѣбопашествомъ съ такимъ рвеніемъ, какъ въ Казанской, гдѣ татары, черемиссы, чуваша и русскіе наперерывъ соперничаютъ другъ съ другомъ. Здѣсь воздѣлываютъ почти всѣ роды хлѣба: пшеницу, рожь, овесъ, ячмень, гречу, просо, которые даютъ самъ 10 и 12; конопель разводятъ вездѣ въ огромномъ количествѣ, равно какъ и всѣ обыкновенныя огородныя растенія. Между тѣмъ климатъ Казанской губерніи носить на себѣ вполне сѣверный отпечатокъ: только въ концѣ мая становится тепло, и береза начинаетъ распускаться, а въ сентябрѣ снова наступаютъ морозы. Кромѣ своей превосходной почвы, Казанская губернія заключаетъ въ себѣ еще одно сокровище—это дубовыя карабельныя лѣса, особенно въ уѣздахъ Свияжскомъ и Казанскомъ; эти уѣзды изобилуютъ превосходнымъ дубомъ въ такомъ количествѣ, что могутъ сравняться богатствомъ съ семью со-сѣдними лѣсистыми губерніями, взятыми вмѣстѣ (Вятская, Пензенская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская,) хотя послѣднія превосходятъ ихъ почти въ 20 разъ пространствомъ. Эти дубовыя лѣса всѣ идутъ на нашъ флотъ.

Въ семи верстахъ отъ Казани Волга поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу; немного ниже она соединяется съ величайшимъ своимъ притокомъ, *Камой*, стремящейся въ нее съ сѣверо-востока по луговой сторонѣ. Волны камскія отбрасываютъ Волгу къ юго-западу и это направленіе удерживаетъ она до самаго Царицына. Только въ одномъ мѣстѣ измѣняетъ она этому направленію, именно тамъ, гдѣ по нижнимъ частямъ Симбирской губерніи проходитъ Самар-

ская гряда, идущая отъ уральскихъ предгорій. Волга не могла ее промыть и должна была сдѣлать полукругъ, длиною въ 150 верстъ, образовавъ такимъ образомъ выступъ, извѣстный подъ именемъ *Самарской луки*, получившей это названіе отъ рѣки, въ нее впадающей, и отъ города, здѣсь расположеннаго. Правый берегъ Самарской луки, у Ставрополя, составляетъ самый возвышенный пунктъ горной стороны Волги, извѣстный подъ именемъ *Жигулевскихъ горъ*. Эти горы тянутся непрерываемою цѣпью или, лучше сказать, неприступною, почти отвѣсною стѣною, возвышаясь въ иныхъ мѣстахъ саженъ на 80 надъ поверхностью воды. Иногда кажется, что видишь передъ собою остатки и развалины громаднѣхъ укрѣпленій, когда-то давно выстроенныхъ, и дѣло природы представляется удивительнымъ дѣломъ рукъ человѣческихъ; слои известковой формациі въ крутыхъ утесахъ кажутся рядами старинной каменной кладки, точно башни и бойницы выступаютъ круглыми правильными очертаніями, и кое-гдѣ пробивается по нимъ зелень, какъ будто выросшая на развалинахъ. Ѣдешь вдоль берега—впередѣ выдается острымъ бокомъ утесъ, закрывая собою всю переднюю перспективу; оглядываешься назадъ,—назади, въ перспективѣ, выступаютъ рядами углы другихъ утесовъ, которые уже проѣхалъ и оставилъ за собою. Но вотъ наступаютъ горы и открывается цѣлый рядъ холмовъ; одинъ высится надъ другимъ, одинъ изъ-за другаго выступаетъ и все покрыто густымъ лѣсомъ, который кажется кустарникомъ на огромной высотѣ. И повсюду тишина и пустыня: въ иныхъ мѣстахъ виднѣются въ горахъ отверстія, будто пещеры; изрѣдка прерывается горная цѣпь узкою зеленою долиною, и въ долинѣ расположена деревенька, а съ боку утеса лѣнятся хижины и мазанки. На горахъ показываются большія хищныя птицы, на отмеляхъ красивыя красныя утки. Подъ *Сызранемъ* оканчивается Самарская лука, и Волга опять продолжаетъ свое теченіе къ юго-западу, и вновь появляется знакомый характеръ ея береговъ, который было оставилъ Волгу, когда она проходила Самарскую лугу.

Опять сопровождаетъ ее съ правой стороны горный берегъ, а съ лѣвой—луговой; только видъ праваго берега, отъ *Симбирска*, становится нѣсколько характернѣе. Онъ окаймленъ почти сплошь высокими горами, поросшими лѣсомъ; изрѣдка въ лощинахъ попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутое побережье на нѣсколько верстъ въ ширину. Горы эти извѣстны у жителей подъ различными названіями, какъ-то: *Черно-Затонскія*, *Девичьи*, *Змѣвы*, *Уши* горы и т. д. Поражаетъ также своимъ видомъ городъ *Вольскъ*, между Самарой и Саратовымъ. За нѣсколько верстъ до города начинаются высокія мѣловыя горы и бугры ослѣпительной бѣлизны; ближе къ городу онѣ разступаются въ видѣ громаднаго полукружія, облѣпленные деревянными домиками, безъ малѣйшаго признака зелени, какъ будто покрытыя только-что выпавшимъ весеннимъ снѣгомъ. Въ этомъ полукружіи на склонѣ горъ и бугровъ раскинулся обширный и богатый *Вольскъ*, оканчиваясь книзу густыми садами, которыми славится городъ. Не доходя до города *Камышина*, Волга пробивается черезъ *Общій Сыртъ*, черезъ эту естественную границу между Азіей и Европой, который, прорѣзанный Волгою, примыкаетъ къ горнымъ грядамъ правой стороны Волги и сопровождаетъ ее вплоть до *Царицына*. Здѣсь же, между Камышиномъ и Царицыномъ, Волга приближается на весьма близкое разстояніе къ Дону, и соединена съ нимъ въ настоящее время желѣзною дорогою. Замѣчательно, что на огромномъ разстояніи отъ Казани до Царицына, простирающимся слишкомъ на 1,000 верстъ, въ Волгу не впадаетъ ни одна значительная рѣка. Горная, правая сторона образуетъ непроницаемую стѣну, которую не въ состояніи пробить ни одна рѣка, и только съ луговой стороны бѣгутъ въ Волгу нѣсколько незначительныхъ рѣчекъ; послѣдній притокъ съ этой стороны, *Ерусланъ*, течетъ съ вѣшной окраины Общаго Сырта.

Замѣчательна также лѣвая приволжская обширная сторона. По сѣверной части ея тянутся отроги Уральскихъ горъ, то грядами, то плоскими возвышенностями и высо-

кими степями; покрыты онѣ отчасти черноземомъ, большею же частью представляютъ степь съ густой, высокой травой. Дальше къ югу начинаются соляныя степи, принадлежащія уже къ тѣмъ степямъ, которыя сопровождаютъ Волгу ниже Царицына до ея устья. Долина Волги простирается здѣсь вездѣ въ ширину на семь и болѣе верстъ и въ этихъ мѣстахъ разливъ рѣки достигаетъ высшихъ своихъ размѣровъ, разстилаясь на 15 и 20 верстъ. Пролагаются новые пути, такъ называемые *Волошки*, и образуются безчисленные рукава, которые, во время половодья, подвержены безпрестаннымъ измѣненіямъ. *Старицами* называются стоячіе рукава, *затонами* — многочисленные заливы, образуемые Волгой. Между рукавами много песчаныхъ мелей, мѣняющихся безпрестанно свои мѣста, и множество большихъ и маленькихъ острововъ, покрытыхъ то лугами, то болотами. Никакая карта, никакія описанія не могутъ дать настоящаго понятія объ островахъ, покрывающихъ Волгу. Нужно быть самому здѣсь, нужно самому ихъ видѣть, чтобы понять всю очаровательную красоту ихъ, понять, какую жизнь придаютъ они широкой Волгѣ, которая подъ Саратовымъ простирается версты на четыре въ ширину. Кому придется въ первый разъ плавать внизъ по этой царственной рѣкѣ, того особенно поражаетъ это раздолье водъ, это величіе картинъ, которое широкими чертами раскидывается передъ глазами на берегахъ ея. Иной разъ не одинъ десятокъ верстъ проѣзжаешь, не замѣчая жизни и движенія по берегамъ, но тѣмъ очевиднѣе становится тогда, какими источниками движенія служить эта великая рѣка для восточной и низовой Россіи и для всего края, къ ней лежащаго, и какія силы вырываетъ она изъ земли, которую орошаетъ своими водами.

Пройдя Казанскую губернію, Волга орошаетъ Симбирскую, Самарскую и Саратовскую. Въ Симбирской губерніи климатъ уже умѣреннѣе казанскаго, и хотя зима здѣсь все-таки сурова, а вѣтры даже лѣтомъ пронзительны и рѣзки, но зато долгіе лѣтніе дни приносятъ съ собою жаркую тем-

пературу, и при 30° Р. растительность развивается весьма быстро. Вообще должно замѣтить, что нижнія части долины Волги, начиная отъ Казани, подвержены влиянію сухихъ и холодныхъ степныхъ вѣтровъ сосѣдней Азіи. Но огромное углубленіе, въ которомъ расположена долина Волги, обращенная къ югу, впускаетъ во внутрь обширныхъ равнинъ теплый южный воздухъ, подъ влиянемъ котораго смягчается суровый климатъ въ этихъ крайнихъ частяхъ востока Европы. Оттого-то встрѣчаются уже здѣсь многія южныя растенія и плоды, а дубъ, уроженецъ сѣвера, наоборотъ, задерживается здѣсь въ своемъ развитіи. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ замѣтно уже ощущаешь влияніе юга. Лѣто жаркое, сухое, зима не очень суровая; весна очаровательная; осень короткая. Средняя температура лѣта +14°, зимы—4°. Всѣ роды хлѣба даютъ здѣсь богатую жатву: рожь и пшеница рожь самъ 12, а просо даже самъ 30. Въ изобиліи найдешь тутъ арбузы, дыни и всякаго рода плодовые деревья: яблони, груши, сливы, вишни, а въ окрестностяхъ Камышина встрѣчаешь уже тутовые деревья и первыя попытки винодѣлія по Волгѣ. Южная природа прорывается еще замѣтнѣе въ окрестностяхъ Царицына; тутъ дикія груши становятся все чаще; сливы и дикій миндаль цвѣтутъ нерѣдко осенью во второй разъ, а тутовые деревья растутъ свободно безъ всякихъ предосторожностей. Подъ Царицыномъ почти уже нѣтъ сумерекъ; около осьми часовъ внезапно обрывается день и его накрываетъ ночь тихая, теплая, звѣздная.

При благословенной почвѣ, покрывающей большую часть Самарской и Саратовской губерній, и при легкости труда, хлѣбопашество составляетъ самую важную и доходную промышленность здѣшнихъ жителей. Въ урожайные годы избытокъ хлѣба, за собственнымъ потребленіемъ и за отдѣленіемъ запаса на сѣмена, часто простирается до семи милліоновъ четвертей; въ такое счастливое время одно Заволжье производитъ до полутора милліона четвертей пшеницы бѣлотурки. Почва такъ хороша, что нерѣдко засѣвали каждый

годъ въ продолженіе 20 и 30 лѣтъ сряду одно и тоже поле пшеницей, безъ всякаго унавоживанія, и оно приносило постоянно богатую жатву. Только бы дождь былъ во время, только о дождѣ и молить народъ, ибо отъ него зависитъ вся жатва. Выпадетъ дождь во время и травы поднимутся въ ростъ человѣка. Унавоживаютъ землю только подъ табакъ, разведеніе котораго составляетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и преимущественно на лѣвомъ берегу Волги въ нѣмецкихъ колоніяхъ весьма важную отрасль сельской промышленности. Въ однѣхъ колоніяхъ добывается ежегодно около 300 тысячъ пудовъ табаку разныхъ сортовъ. Въ лощинахъ Волжскихъ горъ разводятъ плодовые сады; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что нерадѣніе и небрежность задерживаютъ эту промышленность наравнѣ со многими другими въ Россіи. Рядомъ съ земледѣіемъ распространено повсемѣстно въ этихъ частяхъ и скотоводство. Здѣшнія лошади, киргизской породы, не велики, не сильны, но хороши; овцы разныхъ породъ: русскія, валахскія и калмыцкія съ курдюками. Какъ садоводство, такъ и овцеводство находятся въ болѣе цвѣтущемъ положеніи въ нѣмецкихъ колоніяхъ; доказательствомъ этого можетъ служить то, что треть всего вывоза сельскихъ и мануфактурныхъ произведеній, изъ Саратовской и Самарской губерній, приходится на долю колоній. Главная нѣмецкая колонія—это *Сарепта* находящаяся на правомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки *Сарпы*, которая всегда имѣла большое значеніе для края, какъ разсадница новыхъ промысловъ.

Между Царицыноиъ и Сарептой Волга поворачиваетъ сначала къ востоку, потомъ къ юго-востоку и вступаетъ, наконецъ, въ пустынную Каспійскую низменность. Хотя отъ самой Сарепты Волгу не сопровождаетъ уже болѣе высокій нагорный берегъ, тѣмъ не менѣе, однако же, съ правой стороны возвышается степной берегъ, спускающійся къ рѣкѣ крутыми обрывистыми стѣнами. У *Черноярска* эти крутые берега поднимаются еще на 6 и 8 сажень. Долина Волги образуетъ, въ этихъ нижнихъ частяхъ, низменность

версть на 40 въ ширину, которая, заливаемая весною водою, представляетъ великолѣпное зрѣлище. Тогда на необозримой водяной поверхности возвышаются въ разныхъ мѣстахъ группы острововъ, между которыми скользятъ по рѣкѣ многочисленныя суда и ладьи. Волга раздѣляется здѣсь на нѣсколько рукавовъ, которые то соединяются, то снова расходятся. Главное русло Волги тянется вдоль западнаго возвышеннаго берега степи, а главный рукавъ ея, *Ахтуба*, отдѣляется съ восточной стороны въ 20 верстахъ выше Царицына и бѣжитъ параллельно съ нею до самаго ея устья. Сама Волга, подъ *Ветлининской* и *Кононовской* станицами, чрезвычайно узка и даже не очень глубока, такъ что трудно предположить, чтобы такая, повидимому, ничтожная рѣка, разливалась цѣлымъ моремъ, заливая своими водами два большіе уѣзда: Астраханскій и Красноярскій.

Пустынныя степи, разстилающіяся по обѣимъ сторонамъ Волги, отъ Царицына до самаго Каспійскаго моря, вводятъ насъ прямо въ страну *Кипчакъ*, составлявшую когда-то часть царства потомковъ Чингисхана. Вся эта пространная область образуетъ большую песчаную низменность, постепенно понижающуюся къ Каспійскому морю; впрочемъ, нѣкоторыми площадями своими она лежитъ на нѣсколько сажень выше уровня моря и покрыта безчисленными и довольно высокими курганами. Трудно встрѣтить страну, которая была бы такъ однообразна и такъ бѣдна растительностію, какъ эта обширная степь, разстилающаяся по лѣвой сторонѣ нижнихъ частей Волги. Небо вѣчно ясное, вѣчно голубое, разстилается надъ этою печальною, глухою степью. Дождливое время составляетъ исключеніе. Лѣтомъ температура не спускается ниже 20 и 30° P., и только холодныя восточныя вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія, умѣряютъ жаръ, нестерпимый во время совершеннаго безвѣтрія. Ночи же зачастую бываютъ холодныя; зимы суровыя. Рѣзкіе переходы отъ холода къ жару, недостатокъ воды, однообразное качество почвы не позволяютъ

Флоръ разнообразить свои виды. Большая часть растений одѣты сѣрой, волосатой пеленой, защищающей ихъ отъ жгучихъ лучей солнца, отъ рѣзкой переменны температуры, и жадно втягивающей въ себя бѣдный запасъ атмосферной влаги. Отсюда этотъ грустный видъ, представляемый степями; вмѣсто веселой зелени видишь только грязную, сѣрую траву. Нѣтъ ни деревца, ни кусточка, красующагося своими зелеными листьями, на которыхъ можно бы было остановиться глазу; жесткая трава замѣняетъ здѣсь лѣсъ. Весною растительность, словно вызванная волшебнымъ мановеніемъ, идетъ быстрыми шагами впередъ и въ нѣсколько недѣль проходить различныя ступени своего возраста. Въ началѣ апрѣля съ первыми теплыми днями появляются первые вѣстники весны: тюльпанъ, птицемлечникъ и косатики; но уже въ половинѣ мая, особенно въ сухіе годы, степь походить на печальное пепелище, по которому кружатся и разносятся умершіе стебли сочныхъ растений. Въ августѣ наступаетъ новая весна для соляныхъ растений, которыя заканчиваютъ свою жизнь весьма поздно, нерѣдко въ началѣ ноября. Еще болѣе печальный, болѣе однообразный видъ представляетъ степь, тянущаяся по правой сторонѣ великой рѣки. Почва состоитъ изъ глины, безъ камней, пропитанная различными слоями. Растительность здѣсь въ высшей степени скудна; растутъ только однѣ полярныя травы, да и тѣ нигдѣ вполне не покрываютъ поверхности, такъ какъ растутъ онѣ отдѣльными клочками, изъ-за которыхъ выглядываетъ чахлая, тощая земля. Множество морскихъ, даже некаменѣлыхъ раковинъ, ямы и озера съ соленою водою, свидѣтельствуютъ ясно, что когда-то вся эта страна была дномъ морскимъ. Природа, отнявъ у Астраханской степи одинъ свой даръ, замѣнила его другимъ: этотъ даръ заключается въ большомъ числѣ соляныхъ озеръ. Всѣ наши восточныя и центральныя губерніи снабжаются солью изъ этихъ озеръ; начинаются они на восточной сторонѣ устья Волги подъ *Красноярскомъ* и тянутся въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи. Самое большое изъ нихъ,

состоящее изъ нѣсколькихъ озеръ, *Камышъ-Самарское*, а самое главное, откуда добывается соль, это озеро *Эльтонъ*; въ округности оно имѣетъ 47 верстъ, а въ поперечникѣ отъ востока къ западу 20 верстъ. Бассейнъ озера содержитъ въ себѣ твердую соль на неизмѣримую до сихъ поръ еще глубину; ежегодная добыча соли простирается на 10 милліоновъ пудовъ, такъ что озеро *Эльтонъ* вмѣстѣ съ пермскими соляными варницами и Елецкою защитою составляютъ главные соляные магазины Россіи.

Обитатели этихъ пустынныхъ степей низовья Волги: дикія лошади, стада сайгъ, лисицы, волки, большіе и маленькіе зайцы-скакуны, змѣи, ящерицы и другія. Рои жадной саранчи часто посѣщаютъ степи и въ одно мгновеніе сѣдаютъ ихъ растительное убранство. Гибельно дѣйствуютъ также, какъ на растительность, такъ и на пасущіяся стада, страшные вихри, помрачающіе воздухъ цвѣточною пылью, поднятою со степей. Но еще убійственнѣе бываютъ эти вихри, или *буруны*, зимой, продолжаясь нерѣдко до 3-хъ дней. При началѣ буруна снѣгъ сбивается въ большіе, глубокіе сугробы; съ усиленіемъ вѣтра, онъ поднимается выше, помрачаетъ солнце, такъ что ничего не видно, кромѣ густой, непроницаемой массы снѣга, которая кружится такъ, что нельзя открыть глазъ. Люди и звѣри дѣлаются какими-то шальными, теряютъ дорогу, блуждаютъ по цѣлымъ часамъ и погибаютъ отъ стужи и изнеможенія. Подобный бурунъ въ 1827 году загналъ весь скотъ Букѣвской орды, кочующей въ степи между Волгою и Ураломъ, на сѣверъ въ Самарскую губернію, при чемъ погибло 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 30,480 штукъ рогатаго скота и 1,012,000 овецъ.

Къ числу феноменовъ, свойственныхъ этимъ степямъ, принадлежатъ *миражи*, бывающіе обыкновенно въ теплыя времена года. Солнечные лучи, отбрасываемые нагрѣтою поверхностью степи и преломляющіеся въ скудныхъ парахъ сухой земли, производятъ оптическій призракъ, вслѣдствіе котораго всѣ предметы, лежащіе внѣ предѣловъ го-

ризонта, являются какъ бы на краю его и, притомъ, словно будто они стоятъ на водѣ и носятся по воздуху. Чѣмъ ближе къ нимъ подходишь, тѣмъ они все ниже спускаются, наконецъ пропадаетъ и полоса воды, на которой по-видимому стоялъ предметъ, и тогда уже онъ является въ настоящемъ своемъ видѣ, только на гораздо дальнѣйшемъ разстояніи и не такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ его призракъ.

Скучныя Каспійскія степи были постоянно временнымъ мѣстопребываніемъ кочующихъ ордъ, такъ какъ всѣ народы, шедшіе чрезъ Уральскія ворота, останавливались здѣсь, на низовьяхъ Волги. Послѣ *хазаровъ* образовалась здѣсь *Золотая Орда*; вслѣдъ за паденіемъ ея явились *ногайцы*, потомъ *калмыки*; послѣдніе до настоящаго времени кочуютъ на правомъ берегу Волги, а на лѣвомъ—*киргизы*. Оба эти народа разводять въ огромномъ количествѣ лошадей, овецъ, козъ и верблюдовъ. Своею обширною торговлею: шерстью, волосомъ, саломъ, овчинами и мерлушками, кожами и войлокомъ, киргизы и калмыки освѣщаютъ и согрѣваютъ многія сѣверныя губерніи восточныхъ равнинъ Европы, и ихъ цвѣтущее скотоводство на пустынныхъ низовьяхъ Волги имѣетъ самое благотворное вліяніе на почти столь же пустынные, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодныя страны Сѣверной Двины.

Ниже Астрахани Волга совершенно раздробляется: вправо отъ нея идетъ глубокая рѣка *Бахтемиръ*, по которой ходятъ суда къ морю, сама же она остается влѣво, подъ названіемъ *Старой Волги*, дробясь на безчисленное множество протоковъ, которые, вмѣстѣ взятые, представляютъ совершенно спутанную сѣть, покрывающую приморскій край Астраханской губерніи. Здѣсь воды Волги точно будто заблудились и ищутъ пути въ неизмѣримой степи, разбѣгаясь по всѣмъ направленіямъ; ни одинъ притокъ не доходитъ до моря, не раздѣляясь на нѣсколько новыхъ, не слившись съ какимъ-нибудь другимъ и не принявъ новаго названія. Мелкія рѣчки то совершенно скрываются въ камышахъ, или

между буграми, то сбѣгаютъ въ одинъ широкій разливъ, текутъ нѣсколько верстъ вмѣстѣ и вновь разбиваются на мелкіе протоки, впадающіе въ другіе или въ море. Всѣхъ устьевъ Волги полагають около 200, которыя весною сливаются вмѣстѣ и образуютъ одну огромную равнину. Середина дельты состоитъ изъ многочисленныхъ острововъ, которые ежегодный разливъ обращаетъ въ богатая пастбища. Вслѣдствіе слабаго состава почвы и вслѣдствіе сильнаго дѣйствія воды во время весенняго разлива, Волга безпрестанно измѣняетъ свое русло; путь, по которому въ иной годъ суда могли свободно ходить, заносится на слѣдующій годъ пескомъ. Черезъ годъ, является уже на этомъ мѣстѣ подъ водой коса, затѣмъ вырастаетъ на ней камышъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ островокъ украшается зеленымъ кустарникомъ. Нерѣдко также обрываются берега, вырывается и уносится растущій на нихъ лѣсъ, деревья разметываются по дну рѣки, на нихъ наметывается песокъ, иль, и подъ водой, съ каждымъ годомъ, нарастаютъ новые бугры. Такъ образуются островки. Судходство съ каждымъ годомъ встрѣчаетъ болѣе и болѣе затрудненій. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ Старая Волга была глубока и подымала большія суда; теперь она во многихъ мѣстахъ имѣетъ не болѣе 4-хъ футовъ глубины, и купеческія суда по ней ходить уже не могутъ. Путь отъ Астрахани до Каспійскаго моря въ высшей степени неудобенъ. Безчисленныя розсыпи мѣшають въ сѣверный вѣтеръ до того, что тяжело нагруженныя суда принуждены иногда ждать вѣтра съ моря, который бы нагналъ воды на нихъ и сдѣлалъ бы проходы судовъ глубже. Устье Волги скрывается въ концѣ февраля, или въ мартѣ только тогда, когда дуютъ сѣверо-западные, или западные вѣтры; въ противномъ же случаѣ ледъ нерѣдко держится до апрѣля.

Довольно взглянуть на карту, и нельзя не убѣдиться, что дельта Волги и Астрахань—одни изъ тѣхъ мѣсть, которыми природа указала быть средоточіемъ для размѣна идей между Востокомъ и Западомъ и складочнымъ мѣстомъ для

ихъ торговли. Въ воложской дельтѣ, въ Астрахани сходятся два торговые пути: изъ Гинду-кхо и изъ Кавказа; наконецъ Каспійское море образуетъ третій путь, по которому отправляются товары изъ роскошныхъ странъ Персіи къ Волгѣ, и уже этою водною силой достигаютъ центра Россіи. Благодаря такому міровому положенію, дельта Волги и низовья этой великой рѣки славились всегда богатыми городами, и здѣсь всегда ханы разбивали свои ставки, около которыхъ селились торговые люди. Но какъ ни благоприятно положеніе Астрахани, торговля ея далеко не такъ блистательна, какъ бы слѣдовало ожидать отъ этой, послѣ Рыбинска и Нижняго, третьей великой волжской пристани. Торговля Астрахани сильно страдаетъ, во-первыхъ, отъ мелководья устьевъ Волги, а во-вторыхъ, богатство города сосредоточено только въ рукахъ немногихъ семействъ; всѣ же выгоды торговли находятся въ рукахъ армянъ, которые всюду вмѣшиваются и все захватили въ свои руки, благодаря своему знанію восточныхъ языковъ.

Астрахань расположена на высокомъ волжскомъ островѣ; она окружена безчисленными рукавами и островами, покрытыми плодовыми садами и виноградниками. Съ колокольни собора открывается великолѣпнѣйшая панорама. Лежитъ внизу Астрахань съ своими широкими, красивыми улицами и каналами, обсаженными аллеями; далѣе разстилается гавань, покрытая кораблями и барками, и извиается широкая Волга, усѣянная безчисленными и зеленѣющими островами. Улицы Астрахани, расположенной на рубежѣ Европы, представляютъ собою необыкновенную пестроту; тамъ сидятъ на лавкахъ передъ своими домами *хивинцы* въ своихъ высокихъ овчинныхъ шапкахъ, или важно лежатъ молчаливые персіяне; тамъ идетъ быстрыми шагами армянинъ, а ему на встрѣчу русскій мужикъ въ своей рубахѣ; или, наконецъ, ѣдетъ верхомъ киргизъ, а за нимъ еще болѣе грязный и безобразный калмыкъ. Персіяне, живущіе въ Астрахани, занимаются обыкновенно комиссіонерствомъ для своихъ земляковъ въ Персіи, пользуясь ихъ неограничен-

нымъ довѣріемъ. Съ богатыми русскими купцами азіатцы не имѣютъ почти никакихъ сношеній, такъ какъ первые употребляютъ всё свои капиталы на рыбную ловлю.

Кромѣ торговыхъ дѣлъ, жители Астрахани и ея окрестностей занимаются шелководствомъ, винодѣліемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, такъ какъ флора собственно Астрахани весьма богата и красуется самыми разнообразными и прекрасными цвѣтами и плодами; груши, яблони, вишни, сливы, виноградъ, персики, шелковица растутъ здѣсь въ изобиліи; астраханскія дыни и арбузы считаются самыми лучшими.

Но самая важная и громадная промышленность жителей Астрахани—это рыбная ловля. Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ нью-фаундендскихъ отмелей, не производится рыбная ловля въ такихъ размѣрахъ, какъ здѣсь по Волгѣ и Каспійскому морю. Она занимаетъ огромные капиталы, кормитъ десятки, даже сотни тысячъ народа, занимается ловлей, продажей, транспортомъ рыбы; она, наконецъ, продовольствуетъ во время долгихъ постовъ чуть ли не всю Европейскую Россію. Рыба, ловимая здѣсь, раздѣляется на два рода: на *красную* и *частиковую*. Къ первой принадлежатъ: осетръ, бѣлуга, севрюга и шипъ; ко второй—лосось, стерлядь, бѣлорыбица, сомъ, щука и всё мелкія рыбы. Послѣ вскрытія рѣки, Волга кипитъ рыбой; гуляя въ морѣ, она часто подходитъ къ устьямъ и, отвѣдавъ прѣсной воды, стремится вверхъ противъ теченія. Самая главная и прибыльная ловля бываетъ весенняя, когда рыба мечетъ икру. Чтобы имѣть понятіе о количествѣ и цѣнности добываемой ежегодно рыбы на водахъ волжско-каспійскихъ, довольно сказать, что всей рыбы приблизительно ловится болѣе 10 м. штукъ; красной рыбы до 125,000 штукъ, а частиковой до 75 мил. пудовъ; икры добывается до 40 т. пудовъ, жиру до 200 т., визиги и клею до 10 т., всего на сумму 7 мил. руб. сер. Большая часть наловленной рыбы отправляется въ Петербургъ и Москву; значи-

тельное количество идетъ также черезъ Донъ и Черное море въ Константинополь и Малую Азію.

Прослѣдивъ все теченіе Волги отъ источниковъ ея близъ Балтійскаго моря и далѣе, по необъятному пространству Сарматской равнины, до впаденія ея въ Каспійское море, мы видѣли, какую разнообразную природу она сосредоточиваетъ на своихъ берегахъ. Мы видѣли, какъ по берегамъ ея безпрестанно смѣняются превосходные лѣса хвойные, липовые и дубовые, —прекрасными лугами, богатыми нивами и плодовыми садами, за которыми слѣдуютъ обширныя Каспійскія степи. Мы видѣли, какъ съ измѣненіемъ природы мѣнялись и занятія жителей. Такъ, до впаденія р. Оки, населеніе занято преимущественно мануфактурною промышленностью, потомъ до р. Сарпы—земледѣльческою, далѣе до устьевъ—скотоводствомъ, а на всемъ протяженіи, преимущественно же отъ Симбирска—рыбною ловлею. Разнообразные дары природы прибрежьевъ Волги даютъ различныя средства къ существованію ея обитателей. Доставляя средства къ занятіямъ, она въ то же время служитъ превосходнымъ путемъ для перевозки товаровъ, составляя средоточіе и главную водную линію всей Европейской Россіи; отъ нея идутъ два водные пути на сѣверъ къ Бѣлому морю, три назападъ къ Балтійскому, два на югъ къ Черному, а сама она впадаетъ въ Каспійское. Потому-то на ней и процвѣтаютъ судоходство и торговля, потому-то берега ея и устьяны богатыми селами и торговыми городами, служащими превосходными станціями для обширной торговли между морями, омывающими границы Россіи, и оттого-то народъ русскій, угадавшій вполне значеніе своей громадной рѣки, назвалъ ее *матушкой Волгой*.

5. Историко-географическое значеніе Волги.

Кому неизвѣстно, какую важную роль играютъ рѣки въ жизни народовъ. По берегамъ рѣкъ явились первыя человѣческія поселенія, здѣсь зачатки богатыхъ городовъ. Не-

даромъ же боготворили древніе народы свои рѣки, недаромъ съ ними связаны всѣ главныя мифологическія вѣрованія. Племена, населяющія одну рѣчную область, соединяются ея отраслями невольно въ одно политическое тѣло, раздѣляютъ однѣ общія выгоды, терпятъ тѣ же невзгоды. Рѣки—это главные этнографическіе рубежи; по нимъ, почти единственно, можно прослѣдить за древнѣйшими угасающими племенами и первыми колонизаціями новыхъ обитателей. Какъ бы общество ни было развито, какіе бы новые пути оно ни предложило,—пути естественные, по рѣкамъ, сохраняютъ всегда свое значеніе, и на ихъ берегахъ, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ самой природой, останутся всегда главныя пристани и торговые рынки. Измѣняются странники—пути остаются тѣ же.

Такимъ великимъ двигателемъ въ исторіи восточныхъ равнинъ Европы была Волга. Рѣчная ея область занимаетъ безспорно самое важное мѣсто между всѣми рѣчными областями Европы. Все даетъ ей на это полное право: громадность, обиліе водъ, разнообразіе ея природы, вліяніе на историческое развитіе народовъ и наконецъ богатство историческихъ явленій, ей исключительно принадлежащихъ. За исключеніемъ Малоазіатскаго полуострова, Волга была постоянно главнымъ, и почти единственнымъ, посредникомъ, соединявшимъ европейскій западъ съ азіатскимъ востокомъ.

Начинаясь близъ Балтійскаго моря, рѣчная долина Волги вдается отсюда въ континентальныя равнины восточнаго полушарія, а низовья Волги лежатъ уже въ области азіатскихъ степей, на большой военной дорогѣ народовъ, шедшихъ черезъ Уральскія ворота къ прибрежнымъ странамъ Понта: въ той области, гдѣ они всегда на нѣкоторое время, останавливались, прежде нежели подвигались далѣе на западъ. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, дикія орды врывались отсюда вверхъ по Волгѣ, въ центръ нашихъ равнинъ, угрожая Европѣ варварствомъ и порабощеніемъ. Такое мировое положеніе Волги, такая двойственность ея природы были причиной, что ея рѣчная область не имѣла почти ни-

когда этнографическаго единства, составляющаго характеристическую черту Рейна.

Еще болѣе вліянія имѣла Волга на торговые пути между востокомъ, сѣверомъ и западомъ. Торговцы и промышленники знакомятъ насъ впервые съ ея рѣчной системой. Ежели берега Волги стонали въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ подъ варварскимъ игомъ, то за то здѣсь же основали себѣ жилища самыя замѣчательныя промышленныя племена, которымъ исторія обязана древнѣйшими сношеніями между сѣверомъ и югомъ, западомъ и востокомъ, и при томъ въ ту эпоху, когда еще не было никакихъ слѣдовъ, никакихъ зачатковъ благоустроенной государственной жизни на всемъ пространствѣ, занимаемомъ великими восточными равнинами Европы. На среднихъ частяхъ Волги, на ея низовьяхъ, существовали съ незапамятныхъ временъ богатая складочныя мѣста для торговли, или великолѣпныя столицы, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь сидѣли промышленныя, торговыя племена, могущественные туземные властители или смѣлые пришельцы-завоеватели. Такъ процвѣтали на среднихъ частяхъ Волги Болгары, потомъ Казань и наконецъ Нижній-Новгородъ, а на ея низовьяхъ Атель, Сарай и Астрахань.

Долгое время была Волга рѣкой азіатско-европейской, покуда по ней двигались орды кочевниковъ, да восточные купцы изъ Азіи вовнутрь теперешней Россіи; не далѣе, какъ столѣтіе, только со времени великаго преобразователя Россіи, стала она рѣкой истинно-европейской и получила значеніе иное, болѣе высокое, — служить проводницей образованности и цивилизациі въ центръ Азіи. По Волгѣ выслалъ Петръ въ Азію первое европейское войско; при немъ понесла она на своихъ струяхъ въ Каспійское море флотъ, построенный изъ уральскаго лѣса, и съ этого-то времени Волга стала не только главнымъ источникомъ богатства, кормилицей государства Россійскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединительницей двухъ горныхъ системъ, лежащихъ на восточныхъ границахъ Европы, Урала и Кавказа, обладаніе которыми

единственно только и можетъ упрочить наше владычество въ Азіи и открыть туда дорогу намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и— цивилизаціи.

Уже размѣрами своими Волга принадлежитъ къ самымъ величавымъ явленіямъ природы европейской. Прямое разстояніе ея источниковъ отъ устья простирается на 225 геогр. миль; длина же ея теченія, со всѣми извилинами и изгибами, на 3,161¹/₂ верстѣ, тогда какъ длина теченія Рейна имѣетъ не болѣе 1,225 в., Дуная—2,660 верстѣ. Такой длинѣ соотвѣтствуетъ и величина поверхности, занимаемой ея рѣчною областью. Рѣчная область Рейна заключаетъ въ себѣ 3,600 кв. миль; Дунаю подвластно пространство въ 14,000 кв. миль; поверхность же волжской водяной сѣти захватываетъ пространство слишкомъ въ 30,000 кв. миль, превосходящее въ три раза поверхность Германіи. Такими обширными размѣрами рѣчной области Волги легко объясняется ея полноводность. Она принимаетъ со всѣхъ сторонъ множество притоковъ и собираетъ весь богатый запасъ воды, накопляющійся въ источникахъ, разсѣянныхъ по великимъ восточнымъ равнинамъ, на протяженіи 1,400 верстѣ въ длину, отъ запада къ востоку, и на столько же въ ширину, отъ сѣвера къ югу, между бассейнами Иртыша и Оби, Печоры, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Днѣпра, Дона и Урала. Но—что всего замѣчательнѣе— Волга несетъ, въ низовьяхъ своихъ, этотъ богатый запасъ воды по узкой рѣчной трубѣ, среди пустынь и степей, прямо въ жерло Каспійскаго моря. Волга протекаетъ девять губерній, принадлежащихъ къ лучшимъ, самымъ населеннымъ и плодороднымъ частямъ Россіи. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ея рѣчною областью, различные градусы широты, между которыми несетъ свои струи великая рѣка, обусловливаютъ чрезвычайно разнообразныя и многоразличныя явленія въ формахъ ея природы. Ежели житель Осташковскаго уѣзда, на источникахъ Волги, съ трудомъ можетъ прокормиться на своей неблагоприятной почвѣ; ежели онъ заботливо закрываетъ на зиму

соломой свои многія яблони-калъки, дабы защитить ихъ отъ жестокихъ морозовъ; то за то саратовецъ почти не знаетъ, что такое удобреніе почвы, и получаетъ безъ труда обильную жатву съ благосклонныхъ полей своихъ, а въ Астраханской губерніи воздухъ наполняется благоуханіемъ миндальныхъ деревъ; въ ней растутъ шелковичныя деревья и висятъ на лозахъ тяжелые грозди винограда.

Всѣ губерніи по среднимъ и нижнимъ частямъ Волги могутъ считаться житницей Восточной Европы; прекрасныя луга, богатыя нивы, плодовые сады, превосходнѣшіе дубовые и липовые лѣса смѣняютъ безпрестанно другъ друга, а по Волгѣ цвѣтетъ судоходство, торговля, и берега ея усѣяны богатыми селами и торговыми городами, которые служатъ станціями для обширной торговли между морями, омывающими съ четырехъ сторонъ великія равнины Восточной Европы.

6. Лѣсной пожаръ.

Многіе лѣсные пожары, при всей обширности своей, не производили на меня значительнаго впечатлѣнія, ибо случались въ тихое, безвѣтренное время, не слишкомъ въ большую засуху, проходя лѣсомъ, довольно чистымъ и рѣдкимъ. При этихъ условіяхъ, пожаръ идетъ низомъ и медленно; да и при вѣтрѣ, когда идетъ верхомъ, но безъ значительной засухи и по чистому, рѣдкому лѣсу, не загроможденному валежникомъ, видъ его не имѣетъ ничего слишкомъ поразительнаго; но для объясненія того ужаснаго впечатлѣнія, которое иногда производитъ онъ, расскажу о пожарѣ, бывшемъ при мнѣ въ страшную засуху, когда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ іюльскія жары, бури и грозы проходили безъ капли дождя, и когда всѣ низины, рѣчныя наволоки, поемники и даже топкія болота обратились въ какой-то пепель, покрытый сгорѣвшей травой, а лѣсной мохъ хрустѣлъ подъ ногами.

Надо замѣтить, что самая деревня, въ которой живу я,

и еще шесть, сосѣднихъ съ нею, разбросаны небольшими оазисами въ неисходныхъ лѣсахъ, смежныхъ съ Магарьевскими и Семеновскими, гдѣ на каждую десятину открытой, пашенной или луговой мѣстности, вѣроятно, придется около сотни десятинъ лѣсовъ господскихъ и казенныхъ, и гдѣ при самой большой изъ деревень не болѣе двухъ сотъ десятинъ полей, расположенныхъ, какъ обыкновенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны деревни, всегда примыкающей другою стороною къ лѣсу, отстоящему отъ крестьянскихъ дворовъ и гумень не далѣе 50 или 100 сажень. Я былъ захваченъ пожаромъ въ жары, при страшной сухости грунта въ лѣсахъ и болотахъ, и уславъ немедленно семью верстъ за 20, въ степное побережье Ветлуги, былъ свидѣтелемъ того страшнаго пожара, который намѣренъ описать читателямъ, чтобъ дать имъ приблизительное понятие о драмѣ, разыгрывающейся въ то время, когда имъ достается испытывать въ горахъ своихъ неприятный запахъ дыма, духоту въ воздухѣ, нѣкоторый мракъ, застилающій солнечныя лучи, и когда самое солнце кажется какимъ-то красно-багровымъ шаромъ, а не блестящимъ свѣтиломъ, на которое въ другое время нельзя взглянуть безнаказанно.

Пожаръ пришелъ къ намъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, объятыхъ имъ на сотню верстъ, и приближался ломаными линиями и остроугольниками. Двѣнадцать тысячъ десятинъ лѣсу, на которыхъ разсѣяны сказанныя деревни, попались въ средину, между двухъ огромныхъ остроугольниковъ приближавшагося пожара и охваченныя съ трехъ сторонъ напирющимъ пламенемъ, которое угрожало совершеннымъ разореніемъ семи деревнямъ нашимъ, непрерывно осыпавшимъ пламенными галками (*) разносимыми бурей.

Уже бани нѣкоторыхъ деревень сгорѣли, и пожаръ нерѣдко врвался въ хлѣбныя поля, истребляя все на пути своемъ. Хотя крестьяне и вывезли имущество на паровыя поля и на скоро закидали землю, но безпрестанно осы-

(*) Головки.

паемое падающими съ неба пламенными лапами хвойныхъ деревьевъ, имущество это нисколько не считалось въ безопасности, и караульные, сидя по очереди на кровляхъ домовъ и дворовъ, непрерывно ожидали деревенскихъ пожаровъ, ибо зной дѣлался нестерпимъ на возвышенностяхъ и заставлялъ всѣхъ оставлять посты свои и искать освѣженія около неизсякшихъ еще рѣчущекъ, при которыхъ расположена большая часть деревень.

Опишу какъ самый пожаръ, такъ и средства тушенія, употребляемыя опытными лѣсниками, если только есть какая-либо надежда отстоять лѣсъ и нашлись свободныя руки, кромѣ занятыхъ спасеніемъ деревень и имуществъ.

Представьте себѣ сплошное пламя, пожирающее на пути своемъ весь сухой верескъ, валежникъ отъ ветроломовъ и разныхъ лѣсныхъ промысловъ, сухой мохъ, торфъ, стоячія сухары и самыя сучья свѣжихъ деревьевъ, по которымъ оно взлетаетъ, какъ истинный змѣй Горынычъ, съ быстрою неимовѣрною, чему способствуетъ раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и изсушающая хвою и листья зеленыхъ деревьевъ отъ макушки до половины дерева, гораздо прежде, чѣмъ пламя подступитъ подъ пни корчащихся, трещащихъ и обливающихся смолою сучьевъ.

Хрускъ, трескъ, шипѣнье, свистъ и визгъ, предшествующіе пожару, далеко возвѣщаютъ о немъ, и при грозѣ, въ сухіе годы, жаркимъ днемъ, въ густомъ чапъжникѣ или на бору, заваленномъ валежникомъ, видъ обширнаго лѣснаго пожара бываетъ поразительно величественъ!

Прибавьте къ этому вой урагана, завыванье волковъ и другихъ звѣрей, спасающихся отъ гибели, раскаты грома, блескъ молніи, озаряющей мглу небесную; стовъ падающихъ исполиновъ, пламенными радіусами разсѣкающихъ воздухъ; дымъ, клубящійся мглистыми, багряно-синими, крово-красными волнами; кипучіе и пылающіе смольные фонтаны, тончайшими струйками бьющіе изъ каждаго излома лопнувшей коры огромныхъ хвойныхъ мачтовниковъ; пожираемыя пламенемъ громадныя ребра необъятныхъ кост-

ровъ (вѣтроломовъ по нашему,) нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ исполинскими горами въ десятокъ и болѣе сажень вышиною, въ нѣсколько десятковъ верстъ протяженія и въ сотню сажень поперечника. Эти страшные костры, покуда еще не охвачены пламенемъ, имѣютъ видъ отвратительныхъ остововъ допотопныхъ пресмыкающихся, въ непрерывной вереницѣ переплетенныхъ громадными, полуистлѣвшими, грязнобѣлыми костями своими, съ которыхъ отгнившая шкура гнусными лохмотьями виситъ и качается по волѣ вѣтра. И не въ пожаръ костры эти могутъ привести ночнаго путника въ содраганіе, представляя не рѣдко самые фантастическіе образы фосфорискимъ свѣтомъ своимъ, но въ это время они просто ужасны!...

Ночью, отъ росы и затишья, пожаръ обыкновенно стихаетъ и этимъ временемъ надо пользоваться и приступать къ странному для небывалыхъ, средству тушенія, встрѣчнымъ огнемъ, что называется клинъ клиномъ выгонять.

Встрѣчный огонь пускается вотъ какъ:

Собираютъ, по возможности, такое количество людей, какое можно собрать, не разбирая пола и возраста (разумеется, не ребятишекъ,) и ведутъ всю эту ватагу на встрѣчу лѣсному пожару по всему его протяженію. Выборные люди, лучше другихъ знающіе мѣстность или опытнѣйшіе въ пожарныхъ случаяхъ, рѣшаютъ, по направленію и обширности огня, отъ какихъ мѣстъ слѣдуетъ пустить встрѣчный огонь, чтобъ остановить ярость напорающей по вѣтру грозной стихіи.

Разставивъ народъ вдоль избранныхъ направленій, при чемъ, по возможности, пользуются дорогами, проселками, можачинами, (*) ручьями и тому подобнымъ,—всѣ, отъ мала до велика, начинаютъ сбивать мотыгами и заступами дернъ по сказаннымъ направленіямъ, и стараются образовать канавку или, вѣрнѣе, лунку, шириною около аршина, и отъ самой лунки начинаютъ зажигать сухой мохъ и подготов-

(*) Мокрѣя, сырыя мѣста.

ленные небольшіе костры сухихъ лапъ, шишекъ и проч. Однимъ словомъ, стараются искусственно поджечь всю линію, обойденную лункой и идущую вдоль дорогъ и всего вышесказаннаго. Зажигаемый искусственный пожаръ, не находя горючихъ матеріаловъ по протяженію лунки, дорогъ и пр., и не имѣя достаточной силы, при ползучемъ, въ началѣ, огонькѣ своемъ, перебросить пламя по вѣтру, чрезъ канавку, оберегаемую всѣми рабочими, немедленно тушащими непріязненные попытки его (для чего каждый рабочій имѣтъ въ рукахъ метелку изъ свѣже-нарубленныхъ, длинныхъ березокъ,) ширится противъ вѣтра и ползетъ навстрѣчу коренному пожару и, такимъ образомъ, отжигаетъ все пройденное пространство, такъ что наземные матерьялы уже не могутъ питать ярость кореннаго пожара. По мѣрѣ расширенія своего и согрѣванія атмосферы, искусственный огонь становится сильнѣе и сильнѣе; пройдя нѣсколько десятковъ сажень въ ширину по всей отжигаемой линіи, онъ самъ уже дѣлается пожаромъ, а не искусственнымъ огонькомъ, и стремится все быстрѣе и быстрѣе на встрѣчу противнику, не смотря на противодѣйствіе вѣтра, который лишь опредѣляетъ направленіе отрываемыхъ, горящихъ лапъ кореннаго пожара, идущаго по свѣжимъ, не отоженнымъ мѣстамъ, но не можетъ помѣшать медленному расширенію пламени, ползущаго съ травы на травку и только замедляемаго имъ въ наступательномъ дѣйствіи. Наконецъ, искусственный пожаръ вступаетъ въ палящую, огнедышащую атмосферу гонимаго вѣтромъ настоящаго пожара и яростно бросается на встрѣчу ему; бой по всей линіи оглашаетъ окрестность, по мѣрѣ смѣшенія противныхъ силъ. Эти мгновенія бываютъ торжественны!.. Тутъ чудятся и артиллерійскіе залпы, и взрывы, и пламенные зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, напирающіе другъ на друга и борющіеся всѣми крутими жаромъ, переплетенными своими вѣтвями!.. Однимъ словомъ—картина величественная, поразительная для глазъ и для слуха!...

Пламя вздымается стѣна на стѣну и, при страшныхъ

порывахъ, проявляетъ мгновенно исчезающіе смерчи или столбы клубящагося пламени, винтообразно взвивающагося къ небу, и послѣ этой общей схватки, гдѣ рухнулъ ни одинъ величавый титанъ, презиравшій ярость всѣхъ урагановъ, все затихаетъ; пламя садится, и смрадъ, несжигаемый имъ, покрываетъ окрестность, чадить, выкуриваетъ глаза и стелется низомъ во мракъ: однѣ необъятныя груды вѣтроломныхъ костровъ долго пламенѣютъ еще въ смрадномъ чаду, и отъ времени до времени садясь и рушась, извергаютъ миллионы искръ, исполинскими фейерверочными снопами разсыпающихся надъ пожарищемъ. Картина изъ грозно-величественной дѣлается грустною, тяжелою и печальною, какъ послѣ битвы. Такъ кончается лѣсной пожаръ, если неосмотрительные сторожа не перепустятъ его черезъ лунку, или при сильномъ вѣтрѣ и продолжительной засухѣ спавшая, сухая хвоя со стоячихъ деревьевъ не проложить новаго пути для ехидно-пресмыкающагося пламени, которое тотчасъ, даже чрезъ нѣсколько недѣль, затаенное въ дуплахъ и старыхъ пенькахъ, но раздутое вѣтромъ, выползаетъ изъ тайниковъ своихъ и съ иглы на иглу, съ обломка на обломокъ, перебирается до свѣжаго лѣсу, гдѣ повторяетъ всѣ свои ужасы, если не будетъ перехвачено вовремя.

Всего чаще и легче переходитъ оно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ближе къ лункѣ и первоначально отжигаемымъ линіямъ, гдѣ искусственное пламя ползло смиренно и не поспѣвало сжигать стоячихъ деревьевъ, но сушило ихъ и ускоряло осыпаніе хвои, которая, въ свою очередь, служить проводникомъ для новаго пожара.

Вотъ почему, если возможно, надо проводить отжигаемыя линіи чрезъ мелколѣсіе, легко и быстро подрубаемое вслѣдъ за искусственнымъ огнемъ, въ который и должно бросать этотъ молодятникъ, чтобы по обсыпающейся съ него хвои вновь не пробрался затаенный огонь. Еще лучше, по прекращеніи пожара, уничтожать совершенно, на нѣсколько сажень отъ лунки и всей бывшей охранительной линіи, все

сгораемое, подрубивъ и сжегши или, при нѣкоторой цѣнности дровъ, стащивъ въ костры весь уцѣлѣвшій лѣсъ и лежація колоды, для употребленія по надобности.

Надо замѣтить, что верховый пожаръ случается только при значительномъ вѣтрѣ, гонящемъ пламя стремительно; обыкновенно же пожаръ идетъ низомъ и поднимается лишь по однимъ сухарамъ и то весьма мѣшкотно; бывають, однако же, случаи, когда пожаръ не только бѣжитъ по вершинамъ, но переносится бурей изъ мѣста въ мѣсто, на большія пространства, что называютъ огненными клубами или шарами. Клубы эти ничто иное, какъ свившіяся, скрученныя жаромъ, пылающія лапы хвойныхъ породъ, оторванныя бурей или паденіемъ деревь. Эти свившіяся лапы, частію обращенныя уже въ раскаленный уголь, частію еще горящія, чрезвычайно легки и несутся по вѣтру на большія пространства, роняя на пути своемъ пламенные обломки, возбуждающіе непрерывные, новые поджоги, которые разрастаются въ свою очередь и представляютъ впереди главнаго пожара множество мелкихъ. Последніе грозятъ охватить со всѣхъ сторонъ тушащихъ, положеніе которыхъ дѣлается чрезвычайно опаснымъ и заставляетъ отступить отъ всѣхъ попытокъ къ спасенію лѣса. Это было со мною въ описанномъ пожарѣ, переносившемся нѣсколько разъ черезъ отжигаемыя линіи и понудившемъ отстаивать лишь деревни и имущества, окончательно спасенныя почти неожиданнымъ дождемъ, лившимъ всю ночь.

7 Луговой берегъ Оки въ погосъ.

Есть время въ году, когда луговой берегъ Оки кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній, — однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ши-

рину простираются они среднимъ числомъ верстѣ на восемь, и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ, за водопольемъ. Къ июлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребяташки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Мириады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень, пестрое цвѣтное море какъ славно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ изъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому жители Комарева, Горь, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Еслибъ собрать весь кумачъ, всѣ платки, поневы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстѣ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ кателка. Три недѣли сряду проживаютъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ — подыметесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды; имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ..... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полного, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налево тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуницей и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они однаковъ цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно, или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, — полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ

протяженію несетя одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣсня: точно весь русскій людъ собрался снова на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Уже заря брежетъ на востокъ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня между тѣмъ все еще не умолкаетъ..... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣснѣ, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣсню эту затагнули еще, быть можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она, — понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ, подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!... И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать вашу душу: не каменная ли она?

8. РУССКІЕ, КАКЪ КОЛОНИЗАТОРЫ.

На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутого, изолированнаго существованія, — тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожителство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ финскимъ, почти сплошною массою занимавшимъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенами монгольскаго и тюрскаго происхожденія. Ясныя историческія свидѣтельства говорятъ о

временномъ пребываніи на равнинѣ Европейской Россіи племень кельтическихъ и германо-скандинавскихъ; но если бы и не было этихъ свидѣтельствъ, изслѣдованіе языка русскаго заявило бы неопровержимыя доказательства въ пользу тѣснаго когда-то сближенія съ ними, въ пользу обмѣна словъ и понятій. Можно прослѣдить исторически распространеніе славяно-русской народности на сѣверо-востокъ Европейской Россіи, поглощеніе этой народностію другихъ народностей; а это распространеніе русскаго племени на счетъ другихъ народностей имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ приобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточъ христіанства и образованія, и которымъ предназначено идти во главѣ развитія челоуѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только что образовавшіяся и еще неокрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало волны азіатскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая крестомъ, мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, и распространяя предѣлы европейской территории на счетъ Востока. Важное значеніе вооруженной борьбы Руси съ Азіею оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты мирнаго завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ слѣдствие несравненно многозначительнѣе. Русское племя

не отличалось исключительностію и нетерпимостью. Его распространение не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновение, какъ гибнуть племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, какъ вымираютъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселеній между ними европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ: на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ слиянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ. На чисто славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ, и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою народностью, съ племенемъ, въ религиозныхъ вѣрованіяхъ признававшимъ основу своей особенности, она и тамъ не пыталась насильственно сломать это упорное сопротивление. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской, Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру, и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идетъ мыслію въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противоположности выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ западу, нежели къ востоку, болѣе вслѣдствіе религиозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ.

Припоминая русскія фамиліи, принадлежащія или желающія принадлежать къ аристокраціи, легко убѣдиться, что нѣмцамъ, татарамъ и грузинамъ одолжены мы большею частію знатнѣйшаго русскаго дворянства. Этою легкостію восприниманія въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, переработывая все это въ свою собственность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятному пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго Океана; объясняется также и то, что русское племя, не есть чистое пламя, а вслѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ условіемъ преобладанія народности славянской; что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ томъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утративъ ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди непрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской.

Другой вопросъ: видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ, или остался во всей чистотѣ? Налагая свою славяно-европейскую народность на пламена чуждыя, претворяя ихъ въ себя, не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Русскій народный типъ есть ли повтореніе общеславянскаго типа, или это есть нѣчто новое, какъ напримѣръ, типъ француза или англичанина, въ которыхъ легко отличить преобладаніе одной изъ первичныхъ

основныхъ образовательныхъ стихій, но легко также замѣтить вліяніе остальныхъ элементовъ, а также слѣдуетъ признать и много такого, чего не отыщемъ ни въ одномъ образовательномъ элементѣ, и что было слѣдствіемъ ихъ соединенія? Едва ли можетъ быть впрочемъ сомнѣніе въ послѣднемъ. Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго типа. Въ губерніи Владимірской инородцы составляютъ $\frac{1}{5419}$ часть всего населенія; въ Московской, менѣе $\frac{1}{146}$, но и то незначительное количество чуждой примѣси состоитъ изъ пришельцевъ, цыганъ и нѣмцевъ, которыхъ можно встрѣтить по всему пространству обширной Россіи; туземцевъ же не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Въ Ярославской губерніи инородцы составляютъ менѣе $\frac{1}{538}$; въ Костромской, менѣе $\frac{1}{268}$ всего населенія; исключивъ изъ счета въ обѣихъ губерніяхъ тѣхъ же нѣмцевъ и цыганъ, а въ Костромской сверхъ того и татаръ, какъ поселенцевъ позднѣйшихъ, мы найдемъ въ восточной части Костромской губерніи на границахъ съ Вятскою не большое число черемисъ, еще уберегшихся, благодаря своему положенію, отъ русскаго вліянія, а въ западной части Ярославской — еще незначительнѣйшій остатокъ кореловъ, въ половину уже обрусѣвшихъ; все же остальное пространство 4-хъ губерній занято русскимъ населеніемъ и притовъ такимъ, въ которомъ по преимуществу полагаютъ чистѣйшій типъ великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, сидѣли нѣкогда племена финскія, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или объ ихъ истребленіи. Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ слу-

чаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массою въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти или въ лѣтописяхъ. Движеніе сплошною массою мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи. Итакъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ жъ объяснить его исчезновеніе? Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусеніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.

Ни одно племя, какъ бы оно ни стояло низко относительно образованія, не можетъ вполне отречься отъ своихъ естественныхъ, природныхъ свойствъ, сливаясь съ другою народностію, принимая на себя ея характеристическія особенности, оно должно въ свою очередь передать ей нѣкоторыя черты своего типа. Болѣе внимательное этнографическое изученіе населенія вышеприведенныхъ 4-хъ губерній должно открыть ясныя слѣды воздѣйствія финскаго элемента, его участіе въ образованіи народнаго типа. Что славянская народность, поглащая въ себѣ другія народности, способна въ свою очередь принимать на себя довольно сильное ихъ вліяніе, — то доказываетъ наблюденіе надъ населеніемъ Архангельской губерніи. За исключеніемъ крайняго сѣвера, занятаго съ одной стороны лопарями, съ другой — самоѣдами, да западной стороны, гдѣ живутъ корелы, уже частію подвергшіеся вліянію русской народности, все пространство Архангельской губерніи занято-русскимъ населеніемъ. Извѣстный финнологъ Кастренъ въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838—44 годовъ, изданныхъ по смерти его г. Шифнеромъ, представляетъ намъ различныя степени обрусенія лопарей и финновъ. «Въ кругу русскихъ,» говоритъ онъ о лопаряхъ, живущихъ около большой Мурманской дороги: —

тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго лопаря; но въ отношеніи къ другимъ лопарямъ, онъ уже почти русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ языкомъ роднымъ; за отсутствіемъ своихъ пѣсенъ, онъ поетъ русскія; игры, обычаи и нравы, нарядъ, уже приняты ими. Русское вліяніе оказалось въ хлопотливости, веселости, торговомъ духѣ этихъ лопарей, качествахъ несвойственныхъ тѣмъ изъ ихъ родичей, которые удалены отъ частыхъ сношеній съ русскими.» Тотъ же Касгрень опровергалъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненіи финскихъ поселенцевъ съ береговъ Бѣлаго моря русскими пришельцами. Въ числѣ прочихъ доказательствъ, онъ приводитъ слѣдующее: «Что русскіе поселились мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ея, то доказывается и нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, наполненнаго финицизмами, и финскимъ обликомъ, непрерывно попадающимъ подъ русскую шляпою.» Любопытный примѣръ этой смѣси русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы, на притѣсненія которыхъ такъ горько жалуются большеземельскіе самоѣды. Къ смѣси зырянъ и русскихъ, изъ которой образовались ижемцы, присоединились еще потомки нѣсколькихъ самоѣдскихъ семействъ, давно уже прѣмѣнявшихъ кочевую жизнь на осѣдную и породнившихся съ зырянами и русскими. Въ самомъ обликѣ отразилось вліяніе туземной примѣси, значительная степень уклоненія отъ великорусскаго племени. Еще съ большею ясностію видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знаетъ, изъ какихъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ образовалось казачество на низовьяхъ Днѣпра, по Дону и по Уралу? Самое имя Торковъ, Берендеевъ, Ковуевъ и другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, жившихъ въ Кіевской губерніи, исчезли изъ памяти народной, хотя въ лѣтописи нѣтъ слѣдовъ ихъ ухода или истребленія, и многіе лица малороссійскаго казачества сильно напоминаютъ собою азіатскій обликъ этихъ исчезнувшихъ народцевъ. Довольно рѣзкое отличіе велико-русскаго племени отъ малорусскаго, мо-

жетъ быть, объясняется развитіемъ постороннихъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Недаромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, — особенности, отличающія, на примѣръ, рязанца отъ жителя области Суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина. Итакъ воздѣйствіе племенъ чуждыхъ на образованіе народнаго русскаго типа несомнѣнно.

9. Пища, одежда и жилище рязанскихъ крестьянъ.

Обыкновенно пища рязанскихъ крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ ежедневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ; въ праздникъ пекутъ изъ ржаной муки съ примѣськ пшеничной, такъ называемые, пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны, или просто молока; о заправѣ щей мукою, маслами и крупами немногіе имѣютъ понятіе и потому они выходятъ жидки и невкусны, вполне суровыя. Каша бываетъ гречневая и пшенная, молочная и съ постнымъ масломъ или толченымъ коноплянымъ сѣменемъ во время постовъ; употребленіе каши уже служить признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается мясной пищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще менѣе; въ общемъ употребленіи она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина

и севрюжина, и свѣжая: плотица, окунь, ершь, пискаръ, язь, косарь, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма питательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола, еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣ можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; авъ сѣверныхъ уѣздахъ объ нихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи; безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ, не разбирая, зрѣлы ли онѣ или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы. Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служить болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который такъ же, какъ и яичница, подается къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ приготовленіемъ пищи крестьяне незнакомы; развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной, количество съѣдаемой пищи, можно сказать, удваивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда, напротивъ, крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ, и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ: въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли.

Къ довершенію всего, часто у крестьянъ къ этому времени недостаетъ даже хлѣба, и они прибѣгаютъ къ займамъ, или для насущнаго пропитанія молотятъ рожь, еще незрѣлую.

Зимняя крестьянская одежда состоитъ изъ армяка, спитаго изъ толстаго домашняго сукна, сѣраго, бураго и чернаго цвѣтовъ; овчинной шубы, длинной (нагольной;) теплой шапки и кожаныхъ рукавицъ съ шерстяными варипками. Рѣдко, развѣ въ сильный морозъ, крестьяне обвязываютъ себѣ шею небольшимъ пестрымъ бумажнымъ, небрежно свернутымъ, платкомъ; большею же частью она остается вовсе незащищенною отъ вѣтровъ и непогоды; этимъ пріобрѣтаютъ они съ малолѣтства полезную привычку, дѣлающую ихъ нечувствительными къ простудамъ и страданьямъ горла. Сверхъ нагольной шубы многіе изъ нихъ надѣваютъ еще другую, также овчинную, особенно, когда находятся въ извозахъ.

Лѣтняя одежда состоитъ изъ понитковаго (станъ изъ шерсти и льняной или посконной пряжи пополамъ) армяка, полукафтана и высокой поярковой шляпы, имѣющей коническую фигуру съ короткими полями. Исподнее платье такое же, какъ и вездѣ. Въ теплые или жаркіе лѣтніе дни армякъ вовсе не надѣваютъ, особенно во время полевыхъ работъ, и остаются въ однихъ русскихъ рубахахъ и портахъ.

Для обуви служатъ онучи, смотря по времени, шерстяныя или холстинныя, и лапти. Зажиточные крестьяне, особенно въ промышленныхъ уѣздахъ, носятъ сапоги съ высокими голенищами и подъ ними, зимою, длинные шерстяные чулки. Многіе, особенно занимающіеся извозомъ, въ зимнее время носятъ шерстяныя валенки, высокія или низкія, на подобіе калошъ, смотря по средствамъ. Подобная одежда совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ климата, хотя, для свободнаго движенія членовъ, могла бы имѣть лучшій покррой; но если есть въ крестьянской одеждѣ неудобства, то относительно обуви: лыковыя лапти и онучи теплы, но

не предохраняють ногъ отъ сырости и особенно вредны при зимнихъ оттепеляхъ. Длинные кожаные сапоги довольно рѣдки, можетъ быть, по дороговизнѣ ихъ, а частью потому, что, по словамъ крестьянъ, «на ноги тяжелы;» поэтому крестьяне лучше выносятъ мокроту ногъ, которой слѣдствія не такъ очевидны, нежели неудобства тяжелыхъ, но сохраняющихъ здоровье сапоговъ. Крестьянки особой теплой одежды не имѣютъ; она и для зимы, и для лѣта состоитъ изъ синей понитковой юбки (понева) и верхней, довольно широкой, но не длинной одежды съ широкими, короткими рукавами, которую называютъ шшунъ. Покрой этой одежды вездѣ почти одинаковъ, различается только она въ разныхъ мѣстахъ названіями; въ однихъ мѣстахъ называется шшпанъ, въ другихъ сермяга, въ третьихъ ермакомъ (с. Пластиково) и надѣвается бѣльшею частью при выходѣ со двора. Высокій, закрывающій грудь, ситцевый передникъ надѣвается для щегольства. Головной уборъ замужнихъ женщинъ, въ особенності въ степной сторонѣ, составляетъ, такъ называемая, кичка; это головное украшеніе рязанскихъ бабъ, безобразный и уродливый слѣдъ владычества татарскаго, оставшійся до нашихъ временъ, представляетъ необыкновенное разнообразіе въ своихъ формахъ; говорятъ, что каждый приходъ отличается одинъ отъ другаго кичками: въ деревняхъ Михайловскаго и Пронскаго уѣздовъ, лежащихъ на правой сторонѣ Прони, въ модѣ кички низкія (камолыя,) на лѣвой сторонѣ Прони — рогатыя, въ Спаскомъ уѣздѣ — остроконечныя, близъ Рязани — широкія, въ Вышгородѣ (Рязанскаго уѣзда) — троерогія; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются кички досчатыя, на подобіе старинныхъ кокошниковъ, круглыя, четвероугольныя, прямыя и такія же съ выемками; въ Раненбургскомъ уѣздѣ перевязываютъ кички большимъ полотенцемъ и заботятся, чтобы концы его какъ можно длиннѣ висѣли и пр. Кичка не прикрываетъ, а только тяготитъ и сжимаетъ голову; она начинается уже выводиться даже въ степной сторонѣ; въ прочихъ же мѣстахъ видимо выходитъ изъ моды и замѣняется повяз-

кой изъ платковъ. Обувь, какъ у мужчинъ, состоитъ изъ лаптей и онучъ; зимой надѣваютъ войлочные, изъ шерсти, довольно прочно свалянные, сапоги безъ кожаныхъ подошвъ; они очень теплы, но при первой оттепели войлокъ промокаетъ, и тогда трудно бываетъ высушить его. При дальнихъ зимнихъ отлучкахъ женщины сверхъ надѣваютъ шубу обычной одежды. Вообще женская одежда весьма недостаточна и, не смотря на привычку, слабый отъ природы женскій организмъ не можетъ не терпѣть отъ этого. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще, что крестьянки, особенно въ уѣздахъ, гдѣ развита отхожая промышленность, бывають обременены отправленіемъ тяжелыхъ работъ, не только домашнихъ, но полевыхъ и даже полицейскихъ: въ Спасскомъ, Касимовскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ очень часто встрѣчаются такія селенія, въ которыхъ, если остаются мужчины, то старики и дѣти; прочіе всѣ на долгое время уходятъ изъ своихъ деревень на заработки; въ этихъ селеніяхъ все хозяйство и все управленіе лежитъ на женщинахъ, которыхъ можно встрѣтить въ должности десятскаго, сотскаго и пр.; онѣ же, въ качествѣ проводниковъ, исполняютъ подводную повинность и т. п. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ, особенно въ прибрежныхъ селеніяхъ Оки, гдѣ крестьяне имѣють средства, при общемъ улучшеніи быта, улучшается и одежда женщинъ и облегчены ихъ труды. Вообще въ земледѣльческихъ уѣздахъ, гдѣ держатъ больше овецъ, одежда крестьянская теплѣе.

Одежда дѣтей, особенно малолѣтнихъ, еще недостаточнѣе женской. Ребенка, кромѣ грубой рубашки, окутываютъ въ пеленку изъ какой-нибудь старой одежды; когда же онъ начинаетъ ходить, то одѣваютъ такъ же, какъ и взрослога, и то не всегда, часто даже въ зимнее время онъ довольствуется одною рубашкою, и потому, чтобы укрыться отъ холоду, дѣти почти все холодное время проводятъ на печкѣ; много дѣтей бывають жертвою подобнаго воспитанія.

Не смотря на отсутствіе роскоши въ домашнемъ быту, у нѣкоторыхъ промышленныхъ крестьянъ и особенно подго-

родныхъ, замѣтна любовь къ чистотѣ и порядку, чему послѣдніе, безъ сомнѣнія, учатся отъ своихъ сосѣдей горожанъ. Наклонность къ щегольству въ платьѣ очень свойственна рязанцамъ и годъ отъ году увеличивается. Въ Зарайскомъ, Михайловскомъ, Рязанскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ, гдѣ промыслы болѣе искусственные и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыльные, всякій сколько-нибудь исправный паренъ тянется изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть себѣ порядочное праздничное платье; иной, находясь на заработкахъ въ Москвѣ, Петербургѣ или даже Ригѣ и Таганрогѣ, старается приобрести себѣ въ этихъ мѣстахъ сколь можно выгоднѣе суконный казакинъ, зипунъ, плисовые штаны, красную рубаху, высокіе сапоги и проч. и тащить все это за 1,000 верстъ въ свою деревню, для того чтобы обновить въ праздникъ Благовѣщенія, день, къ которому обыкновенно возвращаются въ свою семью крестьяне, соединяющіе промышленную дѣятельность съ земледѣльческою. Женское населеніе, относительно щегольства, не отстаетъ отъ мужчинъ; во многихъ селеніяхъ крестьянки одѣваются опрятно и со вкусомъ, особенно въ прибрежныхъ Окѣ селлахъ, гдѣ, кромѣ того, женскій полъ отличается и красотью. Въ деревняхъ, между Пронскомъ и Михайловымъ въ большомъ ходу желтый цвѣтъ. Поневы и шуппаны холстинныя и суконныя болѣею частію свѣтло-желтаго цвѣта и очень нарядны, въ особенности при бѣлыхъ рукавахъ и голубыхъ или другаго цвѣта передникахъ.

Въ воскресные дни, особенно въ дни большихъ праздниковъ, въ семигъ и на масляницу, всѣ гуляютъ разряженныя въ лучшіе наряды, широкіе сплошные галуны блестятъ на кичкахъ и во всей одеждѣ сельскихъ щеголихъ промышленныхъ уѣздовъ; вмѣсто серегъ къ ушамъ прицѣпляютъ бѣлые пушки изъ заячьихъ хвостовъ; красный и бѣлый цвѣтъ преимущественно принятъ въ нарядяхъ; шубы, хотя бы овчинныя, покрываются чернымъ плисомъ. Въ большихъ и промышленныхъ селлахъ, лежащихъ на Окѣ, въ особенности замѣчается опрятность и щегольство въ одеждѣ: въ Дѣд-

новъ, Любичъ, Бѣлоомутъ, Ижевскомъ и др. женщины носятъ сарафаны и шубейки, а если хозяинъ одѣвается въ сюртукъ, то и всѣ члены его семьи носятъ также городское платье. Покрой одежды мужчинъ въ этихъ мѣстахъ тотъ же, что въ городахъ у мѣщанъ, т. е. русскій съ примѣсю нѣмецкаго; при кафанѣ и бородѣ носятъ картузь; при плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ русскіе сапоги, пестрый жилетъ; нѣкоторые носятъ и долгополые сюртуки, но по большей части сибирки. Гораздо менѣе щегольства и вкуса въ одеждѣ въ селеніяхъ степной стороны; тамъ замѣтно преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, всюду высокія, безобразныя кички, перевязанныя полотенцами, и вообще болѣе въ ходу простые наряды деревенскаго издѣлія.

Жилище поселанина, состоящее изъ разныхъ построекъ, представляетъ всегда фигуру четвероугольника, болѣе или менѣе продолговатую. Главное строеніе есть изба, стоящая обыкновенно лицомъ на улицу; въ одну линію съ нею ворота, потомъ амбаръ или плетень; по бокамъ и съ заду бани, погреба, конюшни, хлѣвы, загоры для скота и разныя другія пристройки. Амбары не всегда находятся въ чертѣ прочихъ строеній; есть много деревень, особенно въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ амбары стоятъ отдѣльно чрезъ улицу и за дворомъ.

Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ болѣею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для жилья, а другая есть клѣтъ, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ, это главное строеніе крестьянина весьма разнообразно въ своихъ формахъ; иногда, вмѣсто клѣти, ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. На сѣверѣ губерній избы строятся выше и раздѣляются дурно сколоченнымъ поломъ горизонтально на двѣ половины, изъ коихъ въ верх-

ней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣть и называется под-полица. Въ Данковскомъ, Скопинскомъ, Пронскомъ и другихъ западныхъ уѣздахъ клѣть называется горницей, а иногда горенкой.

Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ; такимъ образомъ, средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще, можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаются отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 кубическихъ аршина; въ каждой избѣ, въ сложности, живутъ по 8 человѣкъ; слѣдовательно, каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину 3, а въ высоту 2 аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіе зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитаая болѣею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ опечкѣ, устроенномъ въ углу, подлѣ двери и занимаетъ, обыкновенно, шестую часть избы. Русская печь не вполне удовлетворяетъ своему назначенію; если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы (*). Крестьяне это ясно видятъ, и вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, т. е. нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ болѣе горячій дымъ, посредствомъ поворотовъ въ трубѣ, задерживается въ печи, тѣмъ болѣе спадаетъ теплоты и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ предъ бѣлыми; кромѣ того,

(*) Въ казенныхъ селеніяхъ приготовленіе пищи въ лѣтнее время производится въ небольшихъ сарайчикахъ, построенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ строеній; подобныхъ кухонъ приходится по одной на три двора.

курныя избы удобнѣе потому, что сухи; напротивъ избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому что печь не въ состояніи нагрѣвать надлежащимъ образомъ стѣны, и онѣ мокнутъ, осаждая влажностъ въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны; если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ, то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемая пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и пр., а кругомъ заплѣсневшія гнилыя стѣны; то въ этихъ избахъ долженъ быть угарь, и въ этомъ случаѣ, дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собой вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи обыкновенно отворяются двери.

Все это служитъ причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ; даже топятъ по черному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь, хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра, позволяютъ хозяину вполне воспользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба съ трубой.

Исчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожъ не признать ихъ весьма неудобными; онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неровною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но за то утромъ температура почти равняется уличной; это заставляеть крестьянское семейство одѣваться въ теплую одежду, отчего происходятъ и лишніе расходы.

Окна въ избѣ всегда дѣлаются на улицу; кромѣ того, часто бываютъ и на дворъ; ихъ числомъ отъ двухъ до пяти, часто маленькихъ, грязныхъ, съ закоптѣлыми, разбитыми стеклами, едва пропускающими свѣтъ. Въмѣсто оконъ иногда дѣлають отверстіе, величиною въ квадратный футъ (окно

волоковое,) и все это для того, чтобы какъ можно болѣе закупорить избы; тѣмъ болѣе, что двойныхъ рамъ почти не дѣлають. Въ противоположной отъ оконъ стѣнѣ дверь въ холодныя сѣни. Зимой, когда дверь отворяется, вѣшній воздухъ проникаетъ въ избу и мгновенно охлаждаетъ нижнюю ея часть, которая, по своему устройству, и безъ того всегда холоднѣе; отъ всего этого у живущихъ въ избѣ нижняя часть тѣла находится въ температурѣ, часто близко къ точкѣ замерзанія, тогда какъ голова, особенно когда изба только что истоплена, подвержена жару въ 20 и болѣе градусовъ.

Главными принадлежностями избы должны еще считаться лавки вокругъ стѣнъ и надъ ними полки; въ переднемъ углу образница, сбитаая изъ досокъ, столъ съ ящикомъ, гдѣ хранится столовая посуда и проч. Во всѣхъ почти избахъ устроены полаты, а въ нѣкоторыхъ можно встрѣтить и кровать для хозяевъ; но любимымъ мѣстопробываніемъ крестьянскаго семейства, особенно въ холодное время, служитъ печка. Крыши избъ вездѣ крыты соломой, съ тою только разницею, что въ нѣкоторыхъ благоустроенныхъ селеніяхъ, особенно въ Рязанской сторонѣ, ихъ кладутъ нѣсколько акуратнѣе, отчего они имѣють видъ болѣе благообразный; деревянныя крыши встрѣчаются болѣе въ селахъ, лежащихъ на берегу Оки и на большихъ дорогахъ, гдѣ постоянные дворы и зажиточное населеніе и гдѣ притомъ нѣтъ недостатка въ лѣсномъ матеріалѣ; болѣе всего встрѣчаются подобныя крыши въ Егорьевскомъ уѣздѣ. Для поддержанія теплоты въ избахъ зимою, ихъ обкладываютъ съ верху до низу соломой. Въ зимнее время въ избу пускается скоть, въ особенности молодой; птица же имѣетъ всегда безпрепятственный входъ въ нихъ. Такимъ образомъ, описанная нами изба служитъ для крестьянина кухней, рабочей, столовой, спальней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣвомъ; и въ этой-то тѣснотѣ и неопрятности, въ испорченномъ, душномъ воздухѣ и безире- станно мѣняющейся температурѣ, въ теченіи продолжительной зимы и вообще холоднаго времени, находятъ себѣ

пріютъ и отдохновеніе сельское населеніе. Если собственное жилище крестьянина въ столь дурномъ состояніи, то чего можно ожидать отъ его надворныхъ построекъ; и дѣйствительно, онѣ всегда гармонируютъ главному строенію двора. Крестьянскіе дворы вообще очень тѣсны; въ большей части селеній они занимаютъ мѣсто не болѣе 100 квадратныхъ сажень и на этомъ небольшомъ пространствѣ находятся всѣ строенія. Такой со всѣхъ сторонъ застроенный дворъ служитъ мѣстомъ накопленія навоза и очищается отъ него только однажды въ годъ, именно, когда наступитъ время для удобренія полей; отъ этого дворы крестьянскіе грязны до невѣроятія. Въ особенности дурны помѣщенія для домашней скотины; конюшни или сараи для лошадей, хлѣва для коровъ, катухи для овецъ, свиней и пр., очень часто раскрыты, съ дырявыми стѣнами, въ видѣ навѣсовъ, забранныхъ съ одной только стороны плетнемъ; зимой подобный хлѣвъ не защищаетъ скотину отъ холода, весной же въ немъ вѣчно стоятъ лужи навозной жидкости и дождевой воды. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной изъ необходимѣйшихъ принадлежностей крестьянскаго быта, именно о баняхъ; онѣ находятся во многихъ селеніяхъ, какъ частная собственность, и потому устройство ихъ всегда и тѣсно, и неудобно; инныя представляютъ скорѣе какое-то закоптѣлое логовище, чѣмъ мѣсто для очищенія тѣла. Крестьяне, у которыхъ нѣтъ бань, парятся въ печахъ; это предохраняетъ ихъ отъ простуды, но зимою составляетъ важную причину сырости строеній, слѣдовательно, производитъ еще большее зло. Бани такъ необходимы и привычны крестьянамъ, что на лучшее и болѣе соответствующее ихъ устройство слѣдовало бы обратить вниманіе, особенно у крестьянъ казенныхъ, гдѣ при каждомъ селеніи могли бы быть устроены бани, въ видѣ общественныхъ.

Какъ ни безотраднa представленная нами картина крестьянскаго жилища, но она вѣрна, хотя и не безъ исключеній; къ сожалѣнію, счастливыя исключенія еще довольно рѣдки; есть села, преимущественно въ Зарайскомъ и Егорь-

евскомъ уѣздахъ, гдѣ, при общемъ улучшеніи быта крестьянъ, сельскія строенія приняли довольно стройный видъ. Промышленные жители этихъ селъ отличаются въ домашней жизни склонностью къ обычаямъ, принятымъ горожанами; здѣсь довольно часто встрѣчаются двухэтажныя избы и другія строенія, на подобіе городскихъ домиковъ небогатаго мѣщанскаго сословія.

Причина дурной постройки крестьянскихъ жилищъ кроется въ дороговизнѣ и недостаткѣ лѣсовъ въ большей части губерніи, ограниченности средствъ крестьянъ и незнаніи ими лучшихъ потребностей жизни. Устраненіе послѣднихъ причинъ необходимо предоставить времени; что же касается до матеріаловъ, то, въ этомъ случаѣ, недостатокъ лѣсовъ можетъ замѣнить глина и кирпичъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и преимущественно у помѣщиковъ, кирпичныя и глиняныя строенія начали уже входить въ употребленіе въ сельскихъ постройкахъ; въ каждомъ почти уѣздѣ можно встрѣтить по нѣсколько деревень, гдѣ, при содѣйствіи помѣщиковъ, стали постепенно заводиться у крестьянъ строенія изъ глины и изъ кирпича, кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть камень, избы кладутся на каменномъ фундаментѣ, а также и большая часть надворныхъ нежилыхъ строеній, какъ-то: сѣни, горницы (клѣть,) повѣти, котухи, погреба, клѣти, сараи, навѣсы, овины и проч. дѣлаются изъ бутоваго камня, на глинѣ, съ стропилами и соломенными крышами; подобныя постройки въ особенномъ употребленіи въ Данковскомъ уѣздѣ. Нежилыя строенія въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Сапожковскаго уѣзда (Дехтяныя-Борки, Андреевское и пр.) строятся также изъ глиносоломеннаго кирпича; они отличаются прочностью и дешевизной, такъ что нельзя не желать ихъ распространенія.

Срокъ служенія избы зависитъ отъ качествъ лѣса, постройки, содержанія и отъ фундамента; вообще же, можно положить, что изба, съ поддержкою, можетъ простоять около 40 лѣтъ. Установка собственно избы съ ея главными принадлежностями, смотря по размѣрамъ, качествамъ и

цѣнности матеріала, обходится отъ 50 до 150 р. сер. Сѣни, клѣтъ и амбары строятся лѣтъ на 60 и стоятъ отъ 25 до 50 р. с.; плетневые строенія, хлѣва, овины и пр. не продержатся и 20 лѣтъ. Избы въ уѣздахъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся просторнѣе и выше, чѣмъ въ безлѣсныхъ; на постройку идетъ болѣе еловый и сосновый лѣсъ и отапливаются болѣею частью по бѣлому. Овины строятся по одному на два и на три двора; а бань приходится по одной на шесть дворовъ.

На отопленіе употребляются дрова, хворостъ, древесные коренья, солома, гречишная лузга, а иногда, въ сухое весеннее и лѣтнее время, и навозъ; но кизяка нигдѣ не дѣлаютъ. Дровъ на печеніе хлѣба и пици и отопленіе расходуется около 4 сажень въ годъ; хвороста и древесныхъ кореньевъ требуется среднимъ числомъ, не менѣе воза въ недѣлю; отопленіе соломой стоитъ столько же, сколько и хворостомъ, ибо требуется ее не менѣе 60 возовъ въ годъ; тамъ, гдѣ топятъ гречишной лузгой, пойдетъ оной до 5 четвертей въ зимній мѣсяць. Лѣсъ на строеніе крестьяне получаютъ отъ помѣщиковъ или складываются цѣлыми семействами и нанимаютъ десятину на срубъ, при чемъ вырубаютъ и мелкій лѣсъ на отопленіе. На освѣщеніе избы, по принятому обычаю лучиною, требуется на зиму и на осень не менѣе трехъ возовъ; кромѣ того, у крестьянъ всегда явятся расходы на сальные свѣчи, для хожденія въ хлѣва и въ другія хозяйственныя заведенія; такимъ образомъ, выйдетъ у нихъ не менѣе 5 фунтовъ сальныхъ свѣчей въ годъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ въ обычаѣ освѣщать избы коноплянымъ масломъ, выходитъ онаго не менѣе 20 фунтовъ въ годъ.

10. Народные предразсудки и повѣрья въ Рязанской губерніи.

Главная причина несовершенствъ, отпечатокъ которыхъ видѣнъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ вообще и во

всемъ быту крестьянина, кроется, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ состояніи необразованности, въ которомъ находится сельское общество. Необразованность эта, доходящая иногда до крайняго невѣжества, причиною незнанія законовъ природы, а отсюда прямо проистекаетъ другое зло,— суевѣріе. Много примѣтъ и вѣрованій удерживаются, еще до сихъ поръ, между простымъ народомъ, останавливая успѣхи сельскаго хозяйства и вообще совершенствованіе быта крестьянина. Дни несчастливые и дни, въ которые работать считается грѣхомъ, строго соблюдаются народомъ и бывають очень часто причиною, что удобнѣйшее время для полевыхъ работъ упускается; время начала разныхъ полевыхъ работъ, посѣвъ и уборка хлѣба, заказы луговъ, сѣнокосы, все распредѣлено по извѣстнымъ днямъ календаря или, лучше сказать, по святцамъ; заказы луговъ, наприкладъ, во многихъ мѣстахъ начинаются съ Троицына дня; но такъ какъ день этотъ бываетъ 10 мая и 15 іюня, то уборка сѣна часто бываетъ несвоевременна. Укажемъ на нѣкоторыя заблужденія, проистекающія прямо отъ невѣжества.

Въ Рязанской губерніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, удерживается между простымъ народомъ вѣрованіе въ знахарей и колдуновъ и многія другія суевѣрія, хотя въ борьбѣ съ здравымъ смысломъ великорусскаго мужика, вѣрованія эти много уже утратили своей силы. Колдунамъ приписываютъ возможность портить людей, конечно при содѣйствіи нечистой силы; они же могутъ и отвратить зло. Въ слугители нечистаго попадаетъ обыкновенно, въ мнѣніи народа, какой-нибудь умный, но хитрый старикъ или, еще болѣе, злая, хитрая и молчаливая старуха; такихъ людей по наружности уважають, но втайнѣ боятся и ненавидятъ; злое ихъ вліяніе на сосѣдей и знакомыхъ проявляется въ семейныхъ раздорахъ, разныхъ несчастьяхъ и въ особенности болѣзняхъ, припадки которыхъ непонятны для крестьянъ. Всѣ эти страшныя проявленія могущества колдуновъ слывуть у крестьянъ подъ общимъ названіемъ порчи.

Есть другой разрядъ людей, которыхъ считаютъ посвященными въ разныя знанія, посредствомъ коихъ они могутъ предотвратить разныя бѣды; къ нимъ въ особенности любятъ обращаться въ несчастіяхъ, болѣзняхъ и другихъ бѣдахъ бабы. Знахарь, обыкновенно, ловкій и находчивый плутъ и за словомъ никогда въ карманъ не слазитъ; онъ успокоиваетъ глупую бабу разными двусмысленными или, еще чаще, совершенно бессмысленными рѣчами, утверждая вѣру въ нихъ таинственными обрядами, нашептываніемъ на воду и проч. Если случится, на примѣръ, въ домѣ покража, и хозяйка прибѣжитъ къ знахарю съ просьбой указать ей вора, то знахарь, получивъ предварительно извѣстную плату, успокоиваетъ бабу слѣдующей общей фразой: это у тебя укралъ человѣкъ со злобы, и т. п. Вредныя послѣдствія, отъ вѣрованія въ искусство этихъ знахарей, обнаруживаются болѣе всего въ болѣзняхъ; крестьянинъ не считаетъ себя больнымъ, пока въ состояніи ходить; пренебрегая болѣзнию въ самомъ началѣ, когда силами самой природы, при небольшомъ воздержаніи и покоѣ, болѣзнь могла бы устраниться, онъ продолжаетъ подвергаться вреднымъ вліяніямъ и увеличиваетъ разстройство организма до того, что принужденъ себя признать хворымъ, т. е. лечь отъ слабости; тогда онъ ищетъ пособія, но убѣжденъ, что средство, которое ему дадутъ для возстановленія здоровья, должно излечить его вдругъ, и если ожиданія его не исполнятся, то, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, онъ признаетъ это средство недѣйствительнымъ и ищетъ другихъ. За совѣтчиками и лекарями никогда дѣло не стоитъ; между крестьянами и особенно между крестьянками, а если случится военный постой, то непременно между солдатами, найдутся люди, которые, изъ разчета на самое малое вознагражденіе, рады воспользоваться простотою бѣднаго мужика; эти знахари берутся возстановить здоровье больного посредствомъ разныхъ обрядовъ и дѣйствій, основанныхъ на суетвѣріи, и доводятъ его своими лекарствами до состоянія, въ которомъ уже трудно помочь.

Истерическіе припадки и падучая болѣзнь обыкновенно приписываются дѣйствию нечистой силы. Сами одержимые этими недугами утверждаютъ, что они испорчены, и отъ этого обыкновенный болѣзненный припадокъ сопровождается у нихъ страшными, неестественными криками и воплями, въ особенности во время обѣдни, когда поютъ херувимскую. Эти кликуши до сихъ поръ не переводятся въ простонародіи, но при содѣйствіи священниковъ онѣ уничтожаются съ каждымъ годомъ. Существуетъ еще одинъ весьма значительный обычай, начало котораго относится, по всей вѣроятности, ко временамъ языческимъ. Когда свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни, какъ то: холера, тифъ и др., а также въ случаѣ падежа скота, въ позднюю ночь, когда всѣ преданы сну, вдовы и дѣвицы, заранѣе согласясь, собираются гдѣ-нибудь въ концѣ деревни; одѣты онѣ въ бѣлыя рубашки и ничѣмъ не подпоясаны; волосы расплетены и распущены и съ ними соха. Цѣль этаго сборища опакать деревню кругомъ и тѣмъ огородить ее отъ общаго дѣйствія. Шествіе открывається слѣдующимъ образомъ: впереди одна изъ дѣвушекъ несетъ небольшую икону, съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчкой; за нею другая впрягается въ оглобли и тащитъ соху, при чемъ прочія, подхватывая эту соху съ боковъ, помогаютъ тащить ее; возлѣ сохи съ противоположной деревнѣ стороны, идетъ третья дѣвушка, вооруженная кнутомъ и, безпрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ нечистаго, противъ котораго и всѣ участвующіе вооружены, кто кочергой или ухватомъ, кто хворостиной или кнутомъ. Всѣ въ полголоса, на распѣвъ, читаютъ молитвы, а проходя близъ жилья молятся шепотомъ, что-бы не быть открытыми; случайный свидѣтель этого обряда или любопытный долженъ быть весьма остороженъ; если его замѣтятъ, то избьютъ не наживотъ, а насмерть. При встрѣчѣ препятствія, преграждающаго путь: канавы, прясла и пр., всѣ начинаютъ колотить по немъ своимъ орудіемъ и въ изступленіи начинаютъ кричать: «что это заурядъ, чтобъ кровью смерти не унять;» потомъ преграду уничтожаютъ и

идуть далѣе. Случаи, вызывающіе этотъ полуязыческій обычай, довольно рѣдки, но предупредить ихъ почти невозможно, потому что затѣвующіе опахиваніе деревни, отъ страшнаго посѣщенія падежа или смерти, хранятъ затѣю свою въ глубокой тайнѣ.

Впрочемъ, должно сказать, что какъ колдуны, такъ и прочіе суевѣрные обряды, болѣе въ ходу между женщинами; мужики мало придаютъ значенія всѣмъ этимъ бреднямъ и часто смѣются надъ простотою бабъ, которыя позволяютъ знахарямъ морочить себя самымъ глупымъ образомъ.

Всѣ эти грубыя понятія и вѣрованія, проистекающія чисто отъ невѣжества, съ улучшеніемъ образованія, нравственности и самаго быта крестьянъ, при благодѣтельномъ содѣйствіи религіи видимо теряютъ свою силу и уничтожаются современемъ совершенно; но существуютъ еще между народомъ другаго рода обычаи и обряды: это различныя религіозныя вѣрованія, примѣты, пословицы, пѣсни и пр., которыя, какъ благословенное наслѣдіе предковъ, не забываются и строго исполняются во многихъ мѣстахъ губерніи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, заимствовавъ разсказъ объ нихъ изъ превосходной статьи В. В. Селиванова.

Въ четвергъ на Страстной у нѣкоторыхъ крестьянъ въ обычай ходить купаться въ проруби, чтобъ быть здоровымъ на цѣлый годъ. Въ этотъ же день сѣютъ капустную рассаду, чтобы мошка не истребила, и жгутъ соль для соленья ветчины, чтобы въ ней не заводился червь; въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье никто не спитъ въ деревняхъ; тѣ, которые не въ церквахъ, всю ночь молятся дома, предъ иконами. На Святой недѣлѣ не производится никакихъ земледѣльческихъ работъ: изстари замѣчено, кто, не упоая на милость Бога, боясь упустить время, сѣетъ въ великіе дни святой Пасхи, тотъ никогда не имѣетъ удачи.

Въ одинъ изъ первыхъ дней святой Пасхи священникъ съ причтомъ и образами обходитъ всѣ дворы селенія; въ каждой избѣ служится молебень и послѣ онаго образа уста-

навливаются въ переднемъ углу, а священникъ, дьячки и богоносы угощаются хозяевами; потомъ снова поднимають образа и выходятъ изъ избы, получивъ за молебенъ 10 или 15 к. с. и нѣсколько пироговъ и кусковъ хлѣба. Всякій приходъ имѣеть положеніе, утвержденное обычаемъ, сколько давать пироговъ и кусковъ хлѣба; бабы жертвуютъ на образа холстъ. Когда всѣ дворы обойдены, образа идутъ къ часовнѣ, гдѣ опять служится молебенъ; при чтеніи евангелія подъ епитрахиль преклоняетъ голову староста; а по окончаніи молебна, священникъ благословляетъ одного изъ двухъ, назначенныхъ для начала пахоты, крестьянъ, при чемъ даетъ имъ по кругу хлѣба. По отбытіи образовъ начинаются народныя забавы: качели, пѣсни, хороводы и проч.

Воскресеніе Жень Міроносицъ называется бабьимъ праздникомъ; въ этотъ день бабы служатъ молебны, дѣлають складчину и устраиваютъ пирушку. Въ это же время устраиваются крестьянскія свадьбы, которыя, впрочемъ, во избѣжаніе расходовъ, совершаются болѣе въ храмовые праздники.

Первые раскаты грома служатъ признакомъ начала сѣва. Въ этотъ день всѣ бѣгутъ купаться; кто боится купаться, умывается чрезъ обручальное кольцо изъ подойника, положивъ въ него яйцо: самой на здоровье и корова чтобы больше давала молока, да чтобы и куры неслись. Во время сѣва овса есть обычай приносить въ поле младенцевъ, которые, не смотря на возрастъ, долго на начинаютъ ходить; ихъ ставятъ на пашню и кругомъ обсѣваютъ овсомъ; это средство, по ихъ мнѣнію, укрѣпляетъ ножки младенца. Горохъ сѣять близъ проѣзжихъ дорогъ, чтобы прохожіе и проѣзжіе могли имъ пользоваться: есть повѣрье, что за это наградить Богъ хорошимъ урожаемъ.

23-го апрѣля, въ день св. Георгія, въ первый разъ выгоняется въ поле скоть. Во многихъ мѣстахъ въ этотъ день служатъ молебенъ съ водосвятиемъ; для этого все стадо собирають къ часовнѣ; каждая хозяйка сгоняетъ свою скотину вербой, которую нарочно для сего сохраняють отъ за-

утрени Вербнаго Воскресенья; у часовни служится молебень, и когда освятятъ воду, все стадо прогоняють мимо священника, который кропитъ его святой водою.

Въ семикъ есть обычай наряжать березу. Женщины въ лучшихъ нарядахъ и молодые парни, изукрасивъ молодую срубленную березу бумажными и шелковыми платками, съ пѣснями несутъ ее въ ближайшую рощу, и тамъ водружаютъ гдѣ-нибудь на луговинѣ; потомъ, рассыпавшись по березняку, ломають вѣтви и плетутъ вѣнки, украшая ими голову; инья свиваютъ на сучьяхъ, не отламывая вѣтвей, кольца въ родѣ вѣнковъ; въ эти кольца, противъ середины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, и два лица: баба и дѣвка кумятся: т. е. цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной, другая съ другой стороны; послѣ этого размѣниваются и между ними утверждается дружба навѣки, такъ что ссориться и браниться считается уже великимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ садятся кругомъ березки и ѣдятъ яичницу, а потомъ начинаютъ хороводы. Когда солнце сѣло, березку подымаетъ какой-нибудь удалой парень и несетъ въ деревню, сопровождаемый пѣснями веселой толпы; всѣ участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ идутъ послѣ сего къ рѣкѣ или пруду, и, снявъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ въ воду около берега и сквозь вѣнокъ, почерпнувъ воды, умываются; потомъ взявъ опять вѣнокъ, бросаютъ его далеко въ воду; ежели вѣнокъ потонетъ, то бросившій его умретъ въ томъ-же году, а не потонетъ,—будетъ жить. Этотъ самый обычай повторяется и въ Троицынъ день; разница существуетъ только въ названіи: въ семикъ завиваютъ вѣнки, а въ Троицынъ день развиваютъ. Въ Духовъ день многія деревни имѣютъ обычай обходить поля съ образами; образа подымаютъ въ поля и тогда, когда долгое время стоитъ ведро, вслѣдствіе чего земля просыхаетъ и останавливается ростъ хлѣба. По большей части день для поднятія образовъ избирается праздничный; отслушавъ утреню, берутъ образа, а въ особенности образъ Ильи Пророка, и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, идутъ въ деревню; возлѣ

часовни служатъ молебень съ водосвятиемъ; потомъ обходятъ кругомъ дачи, по генеральнымъ рубежамъ, при чемъ священникъ кропитъ поля святою водою. Священнику платится миромъ, для чего собирается по нѣскольку копѣекъ съ души.

Въ праздникъ Вознесенья пекутъ лѣсенки. Это ничто иное, какъ продолговатыя лепешки изъ тѣста, въ видѣ лѣсенки; съ ними мужики, бабы и дѣвки идутъ въ свои поля, гдѣ каждый, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приговаривая: «чтобъ рожь моя выросла также высоко;» послѣ чего лѣсенки съѣдаютъ.

1-го августа, въ праздникъ перваго Спаса (или Спаса медоваго,) бываетъ крестный ходъ и, гдѣ освѣщается вода, пригоняютъ на ближайшій лугъ лошадей со всего прихода; по окончаніи молебна и освященія воды, священникъ, проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ св. водою; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣка, лошадей прогоняютъ вплавь чрезъ освященные воды. Въ этотъ день пчеловоды приносятъ въ церкви, для освященія, первые соты; поэтому-то и день этотъ называется обыкновенно въ народѣ Спасомъ медовымъ.

Праздникъ Преображенія Господня (6 августа) называется вторымъ Спасомъ. Въ этотъ день всѣ садоводы выносятъ, для освященія, яблоки въ церковь; до этого же дня ѣсть яблоки считается грѣхомъ. Праздникъ Преображенія въ народѣ слыветъ подъ именемъ Спаса яблочнаго. 29 августа, въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, не ѣдятъ ничего шарообразнаго, имѣющаго подобіе головы, ни картофеля, ни яблокъ.

1-е ноября, день Козьмы и Деміана, весьма чтимъ народомъ, особенно женщинами. Крестьянскія дѣвушки день этотъ считаютъ исключительно своимъ праздникомъ, также, какъ бабы воскресенья въ день Женъ-Міроносиць. Точно также дѣлаютъ они складчину и, на собранныя деньги, угощаютъ приходящихъ въ гости молодыхъ бабъ и другихъ гостей. Въ каждомъ дворѣ убиваютъ въ этотъ день непре-

мѣнно на обѣдѣ пѣтуха и курицу; поводъ къ этому заслуживаетъ вниманія. Еще весной, когда куры несутся и приходитъ пора сажать насѣдокъ для вывода цыплятъ, хозяйка баба идетъ по всѣмъ дворамъ своей деревни; войдя въ избу и помолясь, она обращается къ хозяйкѣ съ просьбою пожаловать ей курочку и кочетка; въ отвѣтъ на это, хозяйка даетъ ей пару яичекъ, которыя та, неблагодаривъ, кладетъ за пазуху и идетъ далѣе въ другую избу. Набравъ, такимъ образомъ, полную пазуху яицъ, баба возвращается домой и вечеромъ, послѣ захожденія солнца, помолясь, садится на лавку и, держа передъ собой въ шапкѣ собранныя яйца, говоритъ: «матушка Козьма Демьянъ, зароди цыплятъ къ осени, курочку и пѣтушка тебѣ зарѣжимъ;» послѣ этого она кладетъ яйца въ гнѣздо и сажаетъ курицу. И не по одному этому случаю призывается въ молитвѣ Св. Козьма и Деміанъ; каждая баба, принимаясь за какую-либо работу, всегда, перекрестясь скажетъ: «Козьма Демьянъ матушка, помоги мнѣ работать.»

Наканунъ Рождества многіе, до появленія первой звѣзды, не ѣдятъ ничего. Въ этотъ день, съ утра въ избахъ начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и дѣвки, собравшись гурьбой, ходятъ по улицѣ и кличутъ коледу; пойдутъ къ какой нибудь избѣ и запоютъ голосомъ протяжнымъ и заунывнымъ:

«Колета, подай блина,—колета,
Не подадите блина,—колета,
Корову за рога,—колета,
Подадите блина, прочь пойдемъ,—колета.»

Подъ звуки этой пѣсни окно отворяется и щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами; послѣ чего колядницы идутъ далѣе.

Въ праздникъ Рождества священникъ съ крестомъ и причтомъ обходитъ всѣ дворы своего прихода, и кромѣ небольшой платы деньгами, получаетъ, также какъ и дьячекъ, по пирогу. На третій день праздника начинаются святки, т. е. дни наряжанья, гаданья и пр. Бабы одѣваются му-

жиками, парни старухами, дѣвки цыганками и пр.; главныхъ условій два: чтобы нарядиться какъ можно уродливѣе и смѣшнѣе и чтобы наряженнаго нескоро узнали.

Подъ Новый годъ собирается толпа молодежи, ходять подъ окнами и кличуть овсень или усень и, также, какъ въ коледу, выпрашиваютъ съѣстныхъ подачекъ. Если хозяина зовутъ Степаномъ, то затѣйщицы кличуть авсенья, подойдя къ избѣ, поютъ:

«На Степанушкѣ куделюшка, да-ту-усень,
Да не сами завивались, да-ту-усень,
Завивала ему матушка, да-ту-усень,
Завивала, приговаривала, да-ту-усень,
Рѣвки—озера разольются, да-ту-усень,
А кудри не разовьются, да-ту-усень,
Не ломайся, да все подай, да-ту-усень,
Не траси, да все поднеси, да-ту-усень,
Не пора-ли, сударь, игриць дарить, да-ту-усень,
Не рублемъ, не полтиною, да-ту-усень,
Золотою гривною, да-ту-усень.»

Вечеръ подъ Новый годъ исключительно посвящается гаданьямъ, въ слѣдующемъ родѣ: когда бьютъ къ празднику свинью, то хвостикъ отъ нея прячутъ, и въ святочный вѣчеръ рѣжутъ поперегъ, кружечками, на нѣсколько частей. Каждый, участвующій въ гаданьи, получаетъ часть хвоста, вдѣваетъ ее на тычину и, занявъ мѣсто въ общемъ кругу, втыкаетъ предъ собой въ полъ. Послѣ этихъ приготовленій въ избу впускается собака и у кого перваго схватитъ кружечикъ хвостига, та особа непременно или женится, или выйдетъ замужъ. Подслушиваютъ разговоры подъ окномъ: если послышится въ разгорѣ—рубаха, то жди смерти; если хомутъ, то лошадь недобрые люди сведутъ со двора, и тому подобныя. Хоронять золото, но не по рукамъ, какъ это водится въ купеческихъ домахъ, а ставятъ на столъ четыре блюда, въ одно кладутъ уголь, въ другое кусокъ глины отъ печки, въ третье щепку и въ четвертое кольцо. Потомъ подъ пѣсню:

«Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро пробачу;
Я у батюшкѣ во дому» и проч.

гадающая дѣвушка вынимаетъ на удачу изъ блюда судьбу свою: если вынется уголь, то ей предстоитъ дурная участь; если кусоѳ глины, то смерть; ежели щепка, то мужъ будетъ старый, а если кольцо, то будетъ жить въ радости и мужъ будетъ молодой.

6-го января, въ день Богоявленія Господня, очень часто случается, что кто-нибудь, по окончаніи обряда погруженія креста, раздѣвшись донага, бросается въ Иорданъ и, окунувшись разъ, стремглавъ бѣжитъ въ избу, прямо на печь. Каждый съ Иордана возвращается домой съ кувшиномъ освященной воды. Богоявленскую воду сохраняютъ, употребляя отъ падучихъ и другихъ болѣзней; ее же выставляютъ въ поле, завидя приближеніе градовыхъ тучъ.

Масляница празднуется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; каждый предается совершенной праздности или гульбѣ, а пресыщеніе, особенно въ послѣдніе дни, доходитъ до крайней степени. Въ послѣдніе дни масляной, послѣ обѣда, на которыхъ, какъ и вездѣ, главную роль играютъ блины, бабы и дѣвки, разрядившись въ лучшіе наряды, цѣлыми кучами садятся въ пошевни, запряженные тройками, и катаются по сосѣднимъ селеніямъ, поя пѣсни во все горло. Въ послѣднее воскресенье предъ великимъ постомъ все просятъ другъ у друга прощеніе, если въ чемъ-либо, умышленно или неумышленно, обидѣлъ кого. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста хозяйка-баба замѣчаетъ, какого пола будетъ то лице, которое первое войдетъ къ ней въ избу; если это мужикъ, то овцы будутъ болѣе котить баранчиковъ, а если женщина, то ярочекъ будетъ болѣе.

Великій постъ соблюдается весьма строго. Рыбу ѣдятъ только въ Благовѣщеніе и въ Вербное воскресенье. Многие не ѣдятъ даже масла. Младенцы, отнятые отъ груди, раздѣляютъ постъ на равнѣ съ взрослыми; грудью кормить младенца рассчитываютъ не по времени, но по постамъ;

обыкновенно кормят грудью три поста: два Великихъ и одинъ Успенскій, или два Успенскихъ и одинъ Великій.

Въ заключеніи укажемъ еще нѣкоторыя примѣты. Птицы, прилетомъ своимъ, служатъ простому народу примѣтами во многихъ случаяхъ. Особенною любовью пользуются ласточки и голуби; поселяне вѣрятъ, что благодать Божія обитаетъ въ томъ домѣ, подъ кровлей котораго ласточки лѣпятъ свои гнѣзда и на дворъ котораго прилетаетъ болѣе голубей. Воронъ, напротивъ, одна изъ нелюбимыхъ народомъ птицъ; крикъ его считаютъ зловѣщимъ; онъ предвѣщаетъ покойника, если воронъ сядетъ на церковный крестъ и начнетъ каркать, и именно съ той стороны прихода, куда онъ смотритъ; впрочемъ, не всегда, по мнѣнію крестьянъ, крикъ ворона пророчитъ недоброе: лѣтомъ онъ предвѣщаетъ дождь, а зимой—погоду. Соловьи первымъ своимъ пѣніемъ служатъ лучшею примѣтою, что удобное для пахоты время наступило; но если они начнутъ пѣть, когда лѣсъ еще не одѣлся, то не быть урожаю. Точно также, если горlinkа заворкуетъ въ голомъ лѣсу, то коровы не будутъ давать молока. Грачи, когда они съ крикомъ вьются надъ гнѣздами, то садутъ, то опять подымутся, предвѣщаютъ перемѣну погоды. Поздній прилетъ жаворонковъ служитъ примѣтою, что куры будутъ нестись. Когда много мухъ, то нужно ожидать большаго урожая гречи. Урожай орѣховъ предвѣщаетъ на будущій годъ урожай ржи. Для предохраненія хлѣба отъ мышей, крестьяне имѣютъ обыкновеніе въ скирды класть троицкіе пучечки, т. е. цвѣты, съ которыми слушали обѣдню въ Троицынъ день; появленіе въ большомъ числѣ мышей служитъ для нихъ признакомъ неурожая; мыши служатъ еще слѣдующею примѣтою: если онѣ станутъ въ избѣ ѣсть хлѣбъ сверху, — хлѣбъ будетъ дорогъ; если снизу,—дешевъ, а если средину,—цѣны будутъ среднія.

11. СЕЛЬСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Основаніемъ всѣхъ сельскихъ праздниковъ служатъ разныя церковныя постановленія. Каждый приходъ имѣетъ сво-

его святаго, представителя предъ Господомъ, или таинственную икону, ниспосылающую чудесныя исцѣленія вѣрующимъ. Въ тѣ дни, когда празднуется память святаго или чудотворной иконы, народъ стекается изъ всего околodka. Очень естественно, что на эти праздники сходятся люди не только за тѣмъ, чтобы молиться: молитвѣ посвящается только утро, остальное же время для торга и веселья.

Первая необходимая принадлежность сельскаго праздника—пиво и вино; поэтому, дня за два или за три предъ наступленіемъ праздника, хозяева запасаются ими въ изобиліи, особенно пивомъ. О прочихъ праздничныхъ припасахъ и говорить нечего: ихъ бываетъ, особенно у крестьянъ зажиточныхъ, какъ говорится, вдоволь. Наканунъ праздника каждый хозяинъ считаетъ своею обязанностью пригласить къ себѣ въ домъ священника съ святыми иконами, для служенія молебна. Затѣмъ совершается общій водосвятный молебенъ среди селенія. Самый праздникъ открывается торжественнымъ богослуженіемъ, на которомъ бывають богомольцы и изъ другихъ приходо́въ. Многіе изъ нихъ, особенно старики и старухи, считаютъ своею обязанностью отпѣть молебенъ празднику. Во время совершенія литургіи, приходскій священникъ обыкновенно говоритъ своей паствѣ приличное празднику поученіе. По окончаніи службы все расходится по домамъ поздравляться съ праздникомъ. Мы сказали, что каждый домохозяинъ запасается на праздникъ все́мъ въ изобиліи, и дѣйствительно, при входѣ въ крестьянскую избу, васъ поразитъ изобиліе праздничныхъ припасовъ. На столѣ у хозяина вы увидите въ то время всевозможную роскошь крестьянскаго быта. Тутъ есть и щи съ бараниной, и бокъ бараній съ кашей; тутъ вы увидите различные роды холоднаго, жаренаго, варенаго, печенаго и пр. и пр. На одномъ концѣ ставится эндова съ пивомъ, а на другомъ штофъ національнаго (по выраженію нѣкоторыхъ.) Хозяинъ подчуетъ гостей, сидя на особенномъ стулѣ отдѣльно отъ все́хъ, а большею частью стоя. Гости бывають церемонны, пока находятся въ нормальномъ состоя-

ни; ни одинъ изъ нихъ ни за что не возьметъ стакана въ руки безъ хозяина, не смотря ни на какія представленія и убѣжденія. Оттого многіе хозяева, не совсѣмъ осторожно исполняющіе желаніе своихъ гостей, еще ранехонько, какъ говорится, сваливаются съ ногъ долой. Впрочемъ, тогда гости уже не имѣютъ нужды въ хозяинѣ, потому что отправляются къ другимъ родственникамъ и знакомымъ, или просто гулять по базару. Базаръ необходимая принадлежность праздника. На этотъ день съѣзжается множество торговцевъ изъ окрестныхъ селъ и деревень съ разными деревенскими лакомствами, какъ-то: пряниками, орѣхами, яблоками, рѣпой, морковью, огурцами и проч. Одни торговцы располагаются въ палаткахъ, другіе важно сидятъ на возахъ, приглашая къ себѣ громкимъ крикомъ и поклонами покупателей. Множество народа толпится около этихъ подвижныхъ магазиновъ; тутъ вы увидите и стариковъ, и старухъ, покупающихъ паточныя грошовыя грездочки и сосульки своимъ внучатамъ; тутъ вы встрѣтите множество ребятишекъ съ огурцами или яблоками въ зубахъ; тутъ расхаживаютъ и сельскія красавицы съ молодцами, съ самодовольствомъ щелкая каленые орѣхи. Тутъ притонъ разнаго пола и возраста праздничныхъ зѣвакъ, которымъ не удалось нигдѣ побывать въ гостяхъ и которые, отъ нечего дѣлать, толпятся около возовъ и балагановъ, зѣвая на народъ и подтрунивая надъ молодцами и дѣвками.

Невдалекѣ отъ базара помѣщается праздничный хороводъ — цвѣтъ сельскихъ красавицъ и молодцовъ. Хороводъ тоже необходимая принадлежность каждаго деревенскаго праздника. Пестрота и вычурность праздничныхъ дѣвичьихъ нарядовъ поразительны; въ нихъ совмѣщаются всевозможные цвѣта, между которыми преимуществуетъ обыкновенно красный. Молодцы одѣваются проще; весь нарядъ ихъ состоитъ изъ красной александрійской рубахи, плисовыхъ широкихъ шароваръ, суконной чуйки синеватаго цвѣта и черной поярковой шляпы, съ воткнутымъ напередѣ павлинымъ перомъ, или обвитой кругомъ шелковой лентой. Толпа дѣвицъ

и молодцовъ образуютъ собою большой кругъ, напередѣ котораго становятся дѣвицы, а назади молодцы. Пѣсни поются всѣми, и почти безъ умолку, до самаго вечера.

Сельскій праздникъ обыкновенно продолжается три дня; первый день праздника кончается шумно и, къ сожалѣнію, не всегда счастливо; часто изъ всей толпы подгулявшей молодежи образуется партія кулачныхъ бойцовъ и завязывается порядочная драка, для прекращенія которой сельское начальство принуждено бываетъ иногда прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Послѣдніе два дня праздника въ сущности не отличаются отъ перваго дня; разница состоитъ только въ томъ, что въ эти дни меньше шуму и крику на улицахъ, потому что гости иногда уже пируютъ въ домахъ и выходятъ развѣ для того только, чтобы перейти въ гости, по приглашенію, въ другой домъ. Хороводы во второй день праздника не прекращаются и продолжаются иногда и до третьяго дня, особенно когда праздникъ случается во время свободное отъ работъ. На третій день праздничное веселіе затихаетъ: къ концу дня гости разъѣзжаются по своимъ домамъ, и праздникъ оканчивается.

Говоря о сельскихъ праздникахъ, нельзя не упомянуть о крестьянскихъ посидѣлкахъ.

По окончаніи молотьбы хлѣба, простой народъ начинаетъ, по заведенному порядку, готовить зимнія развлеченія. Во многихъ деревняхъ затѣваются ссыпки. За четыре дня до Козьмы и Демьяна, дѣвушки известной деревни ходятъ по избамъ и собираютъ складчину; хозяева, побогаче и зажиточнѣе, даютъ говядины, поросятъ, куръ, яицъ, молока и хмѣлю. Собравши складчину, выбираютъ просторную избу и начинаютъ приготовленія къ празднеству: варятъ пиво и сусло, пекутъ пироги, готовятъ лапшу и въ самый день праздника открываютъ пиръ сытнымъ, жирнымъ обѣдомъ. Главными гостями на этомъ пирѣ, разумѣется, являются деревенскіе парни въ красныхъ рубашкахъ, обязанные принести вина для себя и хозяина избы, орѣховъ и пряниковъ для хозяекъ и затѣйщицъ пиршества. Послѣ обѣда

начинается первая вечеринка, какъ бы репетиція и предвѣстница будущихъ святочныхъ посидѣлокъ. Какой-нибудь ухарь-парень, засучивъ по локоть рукава, играетъ на бала-лайкѣ и начинаются пляски и пѣсни, продолжающіяся всегда до третьихъ пѣтуховъ. Послѣ этого вечера начинаются, такъ называемыя, супрядки: какая-нибудь хозяйка-баба, накопившая много льну, ходитъ по домамъ и приглашаетъ дѣвушекъ помочь ей. Дѣвушки, одѣтыя за-просто, являются съ копылами и гребнями къ ней къ обѣду, послѣ котораго принимаются за работу и, такимъ образомъ, открывается первый вечеръ супрядокъ при тускломъ свѣтѣ лучины. Чтобы спорилась работа и не слишкомъ надоѣдало шипѣнье веретена, нерѣдко запѣвается заунывная пѣсня, къ которой пристають и праздные деревенскіе ребята; въ промежутокъ между работою рассказываютъ сказки и бывальщины, въ которыхъ часто принимаетъ участіе и самъ хозяинъ. Такая бесѣда продолжается иногда часовъ до 12 вечера, смотря по работѣ или, лучше, по количеству собравшихся ребятъ-сказочниковъ. Такъ однообразно тянутся эти супрядки, переходя изъ избы въ избу вплоть до рождественскаго сочельника. Нерѣдко такого рода посидѣлки, смотря по обстоятельствамъ, затѣваются и въ промежутокъ времени между святками и масляницей, иногда являются даже и на первыхъ недѣляхъ великаго поста. Въ исходѣ этихъ супрядокъ, предъ святками, бесѣды нѣсколько оживляются прїѣздомъ гостей-питерщиковъ: пѣсни поются какъ-то веселѣе, сказки смѣняются интересными рассказами о Питерѣ, изъ сосѣднихъ деревень являются гости—невѣсты. Мѣстныя дѣвушки, въ свою очередь, уходятъ въ гости, и самая цѣль вечеринокъ принимаетъ болѣе серьезный характеръ: питерщички выбираютъ себѣ невѣсть, съ кѣмъ вмѣстѣ жизнь коротать, вмѣстѣ горе мыкать, съ кѣмъ жить, да поживать—по пословицѣ только, потому что женившійся питерщикъ въ концѣ великаго поста оставляетъ свою молодуху и снова идетъ въ Питеръ на работы.

Наканунѣ 24-го декабря копылы и гребни покидаются на

долго, вплоть до 8-го января. Цѣль супрядокъ достигнута: питерщики выбрали себѣ невѣсть; остается на святкахъ замысловатыми, комическими ряженьями окончательно расположить въ свою пользу сердце выбранной суженой; не даромъ же онъ навезъ изъ Питера цѣлую связку масокъ, самыхъ смѣшныхъ, самыхъ уродливыхъ, цѣлую дюжину расписанныхъ платковъ и нѣсколько пачекъ цвѣтныхъ, самыхъ яркихъ лентъ. На другой день Рождества начинаются святки или, лучше сказать, посидѣлки, называемыя посидками, иногда бесѣдами и даже бесѣдками. Выговаривается у хозяина самая просторная изба изъ цѣлой деревни вплоть до 4-го января, когда бываетъ послѣдняя посидка; рѣдко бываетъ, чтобы она переносилась въ другую избу, развѣ случится въ домѣ несчастіе, умереть кто-нибудь изъ хозяевъ. Въ большихъ селахъ и деревняхъ такихъ вечеринокъ бываетъ вмѣсто одной двѣ, иногда даже три въ одинъ вечеръ, смотря по народонаселенію и числу пріѣхавшихъ гостей. Не бываетъ посидокъ наканунѣ праздниковъ; за то въ праздники они бываютъ и многочисленнѣе и веселѣе, особенно, если деревня лежитъ по сосѣдству съ уѣзднымъ городомъ. Изъ уѣзднаго города приходятъ гости: канцеляристы, писаря становаго, почталіоны, привозятъ съ собою вино, чтобы расположить въ собственную пользу мѣстныхъ ребятъ, всегда враждебно смотрящихъ на гостей не своего прихода и иногда затѣвующихъ съ ними на улицѣ страшную свалку. Изъ сосѣднихъ усадебъ приходятъ лакеи, приносятъ съ собою гитару, иногда даже скрипку, почему всегда живутъ въ ладу съ ребятами и нравятся дѣвушкамъ. Иногда, и весьма нерѣдко, сами помѣщики, со всѣми гостями, на нѣсколькихъ тройкахъ, въ кибиткахъ, пріѣзжаютъ смотрѣть, какъ веселится простонародье, и даже принимаютъ живое участіе въ ихъ удовольствіяхъ. Исключительная же привилегія веселиться предоставляется дѣвушкамъ; ребята обязаны ихъ развлекать и оборонять ихъ отъ незваныхъ и дерзкихъ гостей. Иногда впрочемъ и молодухи, и то развѣ по просьбѣ пріѣхавшихъ господъ, вмѣшиваются

въ толпу веселящихся; потому что, по общепринятому обыкновенію, замужнія женщины должны быть равнодушны къ пляскамъ молодежи и только могутъ, да и то тихонько, подтягивать ей въ пѣсняхъ.

Посидки эти рѣзко отличаются отъ супрядокъ; не говоря уже объ одообразіи послѣднихъ и веселомъ разнообразіи первыхъ, даже въ освѣщеніи, нарядахъ дѣвушекъ и самыхъ удовольствіяхъ существуетъ между посидками и супрядками большая противоположность. Первые освѣщаются всегда и непременно свѣчами, доставляемыми ребятами; послѣднія непременно лучиной; нарядъ дѣвушекъ на супрядкахъ простой, домашній, на посидкахъ лучшей, праздничной сарафанъ и цвѣтныя ленты въ косахъ; на супрядкахъ рѣдко или почти никогда не слышно ни балалайки, ни даже гармоніи, тогда какъ безъ нихъ и посидка не посидка, и потому на прямой обязанности ребятъ лежитъ, кромѣ доставки свѣчей, и доставка музыки.

12. М а с л я н и ц а .

Масляница—праздникъ самый общепринятый, самый разгульный. Она справляется во всѣхъ краяхъ и всѣми: и старый и малый равно въ ней участвуютъ. Кого изъ здѣшнихъ жителей (Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, села Давишно) не встрѣтишь, всякій непременно тотчасъ поздравитъ съ «широкою и веселою» и даже съ «честною» масляницею, какъ лучшимъ въ году праздникомъ, и пожелаетъ провести этотъ праздникъ со всякимъ удовольствіемъ и веселостью.

Масляница съ приготовленіями и проводами длится здѣсь съ недѣлю. Для пожилыхъ мужчинъ дней девять, а для молодежи дня четыре бываетъ самое веселое разгулье. Въ первые три дня Сырной недѣли, до четверга, дѣлаются приготовленія къ празднику, т. е. запасается пиво, вино и съѣстные припасы; молодежь приготовляетъ упряжку для лошадей, чиститъ и украшаетъ лентами, а если нѣтъ своей

зпяржки, то промышляеть у другихъ лишнюю, чтобы было на чемъ вы́хатъ безъ стыда; дѣвицы приготавлиють искусственныя горы, лодки, санки, на чемъ кататься. Молодежь готовить также шесты, съ которыхъ катаются парами на ногахъ, и качели. Эта потѣха опасная, ибо можетъ изувѣчить. Но что дѣлать? «Охота вить тѣшить, не бѣда платить!» Иной такъ удачно скатится, что и ребра затрепцать, другой, не такъ-то удачно скатившись съ шестовъ, идетъ изъ подъ горы съ кислымъ лицомъ и разбитымъ носомъ; другой поправляетъ руку; иной похрамываетъ обѣими ногами, а другой лежитъ и не встаетъ. Качели не лучше шестовъ для здоровья: и онѣ многихъ изувѣчивають.

Первые два дня Великаго поста, понедѣльникъ и вторникъ, состоятъ въ проводахъ честной масляницы, т. е. въ опорожненіи посуды, стеклянной и дубовой, отъ оставшагося вина и пива. Такъ и гостить у насъ масляница девять дней. Весьма многіе (разумѣется, изъ пожилыхъ,) расстаются съ нею не ранѣе девяти дней; и многіе встрѣчаютъ ее съ радостью, съ восторгомъ, какъ лучшую гостью, а провожаютъ съ уныніемъ и вздохами.

Въ четвергъ на Сырной недѣлѣ, лишь только покажется свѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ тотчасъ принимаются за свою работу, чтобы въ этотъ день удовлетворить свой желудокъ какъ можно лучше; поспѣшно затопляютъ печи и начинаютъ стряпню: варять и жарять рыбу въ плошкахъ и на сковорадахъ; дѣлають пироги, приготавлиють для праженцовъ тѣсто и, когда придетъ время, пражать ихъ въ маслѣ или пустые, или съ яйцами, или съ ягодами и рыбою. До полудня работы имъ по горло; потомъ садятся обѣдать. Тутъ всего вдоволь, всего по горло. Отобѣдавъ, всѣ идутъ на гулянье, гдѣ устроена гора и шесты или качели; тамъ катаются на чемъ попало, качаются и на качеляхъ: иные долго ѣздятъ взадъ и впередъ по улицамъ, человекъ по пяти въ однихъ саяняхъ. Поѣздивъ въ своемъ селѣ, отправляются въ другое, въ третье, и такимъ образомъ, ѣздятъ до вечера; наконецъ, возвращаются домой шагомъ;

лошадь, съ поникшею головою, и вся въ мыль, привозить хозяина. Здѣсь дорожные принимаются за ужинъ: садятся за столъ и ѣдятъ всего по-горло, такъ что къ завтраму ничего не остается.

Само собою разумѣется, что тѣ, которые катаются съ горы и на шестахъ или качаются на качеляхъ, громко поютъ веселыя пѣсни. Иногда поютъ и плясовыя пѣсни, и въ такомъ случаѣ, подь звуки гармоній и балалаекъ, непременно бываетъ скачка, т. е. пляска съ хлопаньемъ въ ладоши и громкими клигами.

То же происходитъ въ пятницу, субботу и воскресенье. Это время самага разгульнаго веселья: молодежь наряжается точно такъ же, какъ въ святки, и такъ же проказничаетъ. Рядятся, напримѣръ, цыганами и мѣняются между собою лошадьми, такъ искусно, что со стороны непременно примешь ихъ за природныхъ цыганъ. Рядятся и масляницею слѣдующимъ образомъ: запрягаютъ десять лошадей и болѣе въ нарочно для того приготовленную большую повозку своего рукодѣля; лошади впрягаются гуськомъ, одна за другою; на каждую изъ нихъ сажаютъ вершника въ рубищѣ, разодранномъ съ ногъ до головы, всего выпачканнаго сажею, одинъ вершникъ держитъ большой кнутъ своего издѣлія, другой метлу; вездѣ и даже на своей шеи навѣшиваютъ коровьи колокольчики и всякія погремушки; рогожную кибитку, всю запачканную, увѣшанную вѣниками, какъ будто унижаютъ жемчугомъ, и сажаютъ въ нее пьянаго чловѣка, тоже испачканнаго сажею и въ разодранномъ рубищѣ, облитомъ пивомъ; подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ; противъ него раскрытый сундукъ съ съѣстными припасами: пирогами, рыбою, яйцами, аладьями и пряженцами; по другую сторону ставятъ штофъ вина, а въ руки даютъ ему большой бокаль, наполненный виномъ. Этотъ пьяница пьетъ и ѣстъ на пропалую. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что масляница ѣдетъ домой. Нѣкоторые, искренно желая удержать масляницу хоть на нѣсколько еще времени, останавливаютъ пьяницу и упрашиваютъ погостить еще хоть денекъ; но онъ

не соглашается, отговариваясь тѣмъ, что ему непременно нужно ѣхать въ Ростовъ на ярмарку и уѣзжаетъ въ другое селеніе.

Въ 1849 году поѣздъ масляницы совершался у насъ въ другомъ видѣ. Связали вмѣстѣ нѣсколько кресель (*) такъ, чтобъ они не могли раздвинуться; прикрѣпили по срединѣ ихъ и къ нимъ перпендикулярно длинную слегу, будто мачту; нижній ярусъ обвертѣли рогожами конусообразно, на подобіе пирамиды, а на верхнемъ ярусѣ, какъ-то посредствомъ веревокъ, прикрѣпили надѣтое на мачту колесо, чтобъ оно не могло опускаться внизъ на рогожную пирамиду, и покрыли его женскимъ сарафаномъ, также конусообразно; на самомъ же верху мачты выставили флагъ бѣлый и красный изъ новины и какой-нибудь матеріи. Въ этотъ чудный поѣздъ впрягли лошадей двадцать; на каждую посадили по вершнику въ маскѣ и въ однообразной шутовской одеждѣ. Чтобы пирамида стояла крѣпче, не качалась въ ухабахъ и не упала на бокъ, поставили на кресло кругомъ мачты, у подошвы ея, самыхъ здоровыхъ мужчинъ. На колесо протянули веревочную лѣстницу и на него посадили самаго ловкаго шалуна, одѣтаго въ женское платье, съ большимъ кокошникомъ на головѣ и въ маскѣ. Впереди ѣхало нѣсколько всадниковъ, тоже наряженныхъ въ шутовское платье—цыганами. Какъ только шалунъ, вертящійся на колесѣ, подобно обезьянѣ, подалъ сигналъ къ отѣзду, всадники тотчасъ же во весь опоръ поскакали по дорогѣ въ другое селеніе, а за ними двинулся съ мѣста весь поѣздъ, съ шумомъ и крикомъ, и потянулся по дорогѣ, куда поскакали верховые, только не такъ поспѣшно, а въ труснюку.

Во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ проѣзжалъ этотъ поѣздъ, его

(*) Креслами въ этомъ селѣ называются леданки особаго устройства, а именно; небольшія деревянныя скамейки со спинками, установленныя на доскѣ, которая снизу подмораживается. На подобныхъ креслахъ катаются и съ горъ.

угощали за эту комедию такъ обильно, что поѣзжане возвратились домой съ изодранными масками.

Между тѣмъ пожилой народъ и старики, которые еще могутъ брести изъ улицы въ улицу, любя сивуху или полугаръ, домашнее пивцо или бражку, не обращаютъ никакого вниманія ни на проѣзжающихъ мимо ихъ нарядныхъ молодыхъ, ни на искусственную гору, ни на тѣхъ, которые ее окружаютъ, ни на пѣсни, скачку и пляску и ни на какое веселье, а помаленьку, не торопясь, бредутъ изъ дому въ домъ и поздравляютъ другъ друга съ честною, веселою и широкою масляницею. Если кто изъ нихъ и зазѣвается на удалыхъ весельчаковъ, то, другіе, взявъ зѣваку за руку, скоро оттаскиваютъ его отъ шумной и веселой толпы, увѣщевая такъ: «Эхъ, братецъ! какой ты зѣвограй! стоишь розиня ротъ; развѣ тутъ невидаль какая! Ну, посуди ты, братецъ, годится ли старику прильнуть къ молодымъ робятамъ! Ступай-знай въ свое мѣсто безъ оглядки. Лучше гдѣ-нибудь въ избѣ побалагуримъ, а съ молодыми робятами намъ нечего и связыватца. Бывали и мы молодцамъ-то дотолѣчи; и мы также шалили и баловали, какъ нончи и балуютъ наши дѣти и внучата.»

Встрѣтивъ кого на пути, съ вѣжливостью зовутъ сосѣда съ собою въ артель, и если тотъ станетъ отказываться идти съ ними въ компанію, то говорятъ ему: «Эхъ, братецъ, какой ты упрямой! пойдемъ, пожалуйста, съ намъ вмѣстѣ: раздѣли же, пріятель, нашу компанію: не на вѣкъ вѣдь масляница-та намъ досталась; што припасено, выпьемъ и съѣдимъ все! не къ посту же беречи, припасы-те, братецъ! куда-жо дѣвать пиво съ виномъ, али въ постъ станемъ пить? въ постъ ужъ не дадутъ! да и оборони Богъ отъ етова грѣха насъ многогрѣшныхъ! дадутъ-то въ постъ только рѣдьки хвостъ, да и гложи ево знай! Вотъ дѣло-то, братъ, какое! Пойдемъ-те, братаны! нечего мѣшкать; болого зовутъ, такъ не отговаривайся!»

Такъ всякій зоветъ къ себѣ встрѣтившагося съ нимъ сосѣда, и одинъ по одному столько ихъ наберется, что куда

ни придуть, тамъ вся посуда отъ нихъ застонеть; всё пьютъ и ѣдятъ на-славу.

Наконецъ послѣ такихъ проводовъ масляницы, любимаго праздника, что остается дѣлать гулякамъ до чистаго понедѣльника? За работы приняться не хочется, голова болитъ съ перехмѣлья. Ну и давай опять за то же: дай остановимъ масляницу хоть на денечекъ! Такъ и дѣлаютъ наши мужики. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста, еще ни свѣтъ, ни заря, а они принимаются за оставшееся вино и пиво—«немножко пополоскать во рту.» Потомъ принимаются въ-плотную очищать всю посуду, до послѣдней капли, переходя артелью изъ дома въ домъ, и наконецъ, подъ вечеръ до того напьются, что иной едва ноги переставляетъ. Во вторникъ, по утру, опять принимаются за то же, только не такъ ужъ проворно и не съ такою охотою, а съ тоскою и уныніемъ; въ вечеру же окончательно прощаются съ честною масляницей.

Молодой народъ совсѣмъ не такъ прощается съ этимъ праздникомъ и гораздо прежде стариковъ. Въ воскресенье Сырной недѣли, когда уже смеркнется, часовъ около четырехъ вечера, всё собираются партіями, и каждый беретъ по снопу соломы, насмолятъ ихъ, воткнутъ каждый снопъ на особый шестъ, поставятъ эти шесты и укрѣпятъ ихъ перпендикулярно къ землѣ, около дороги, въ дальнемъ разстояніи отъ селенія, зажигаютъ ихъ и дѣлаютъ порядочную сельскую иллюминацію и фейерверкъ; снопы замѣняютъ мѣсто ракетъ и гранатокъ. Жгутъ также смоляныя и дегтярныя бочки, разохшіяся и уже ни къ чему негодныя. Такимъ образомъ, въ ночь на чистый понедѣльникъ наша молодежь масляницу совершенно сожигаетъ. И подѣломъ!—она того достойна.

13. Пóсидки.

8-го декабря. Спасо-Писконецъ.

Вчера я выѣхалъ изъ Новгорода на биржевомъ извожикѣ

съ И. М. М., который проводилъ меня до Ракомы. (*)

Приѣхавъ въ Ракому, извощикъ остановилъ лошадь у своего знакомаго мужика, а самъ пошелъ съ нами на *посидки*.

«Войдете, господа, Богу помолитесь,» — предупредилъ онъ насъ на пути въ избу, въ которой были *посидки*.

Мы вошли; изба была просторна, въ ней не было ни одного стола; близь передняго угла горѣлъ свѣтецъ съ лучиною; кругомъ стѣнъ по лавкамъ сидѣли дѣвушки, до двадцати пяти, и всѣ за пряжей. Дѣвушки были одѣты въ сарафаны и повязаны пестрыми бумажными платками по-московски, свернувъ платокъ косынкой и подвязавъ подъ подбородкомъ.

— Здравствуйте, красныя дѣвушки, — сказали мы, помолясь Богу.

— Милости просимъ, — проговорили другія, продолжая прясть.

— Надо дѣвушкамъ свѣчей купить, — сказала вполголоса извощикъ.

— Сколько? спросили мы.

— Да сколько хотите: какая дѣвушка понравится, той и затопите.

— Намъ всѣ нравятся, можно всемъ затопить?

— Это еще лучше: значить, вся *посидка* понравилась.

Мы дали нашему наставнику три рубля и велѣли купить пять фунтовъ свѣчей шестеригу. Онъ побѣждалъ.

— Садитесь, мѡлодцы хороши, къ нашимъ дѣвушкамъ, — сказала одна побойчѣй другихъ.

— Позволь мнѣ около тебя сѣсть, — проговорилъ я, подойдя къ одной дѣвушкѣ.

— Садись рѡдненькій, садись, — отвѣчала она, не много подвигаясь, чтобъ дать мнѣ мѣсто.

Между тѣмъ нашъ извощикъ принесъ свѣчей.

(*) Ракома очень старинная деревня: тамъ былъ дворъ Ярослава I; въ лѣтописяхъ объ ней въ первый разъ упоминается по случаю избіенія Ярославомъ Новгородцевъ.

— На-те вамъ свѣчи и сдачу, — сказалъ онъ, подавая мнѣ то и другое. — Свѣчи пять фунтовъ стоятъ цѣлковый, вотъ вамъ два рубли.

— Затопляй свѣчи, — отвѣчалъ я, принимая сдачу.

Тотъ подошелъ къ свѣтцу, въ которомъ горѣла лучина, зажегъ пукъ свѣчей и, подходя къ дѣвушкамъ, предъ каждой ставилъ по свѣчкѣ между льномъ и личинкою. (*)

— Вамъ почтеніе сдѣлали, тихонько проговорила моя сосѣдка.

— Какое почтеніе? спросилъ я.

— А какъ же: съ васъ взяли цѣлковый за пять фунтовъ свѣчей: много брали, отъ того и уважили.

— А съ васъ сколько жъ берутъ?

— Мы не покупаемъ; покупаютъ наши мѡлодцы; да покупаютъ они не фунтами, а по свѣчкѣ, по двѣ; такъ съ нихъ-то берутъ за кажинную свѣчу 4 копѣйки; почесь, четвертакъ фунтъ-то обойдется.

Въ избѣ стали входить мѡлодцы хорѡши, по одному, по два и больше. Каждый изъ нихъ, перекрестясь передъ иконой, говорилъ: «Здравствуйте, красныя дѣвушки!» и получалъ въ отвѣтъ привѣтливое: «здравствуйте, молодець хорошій!»

Многіе изъ нихъ затопляли свѣчи, ставили на личинки дѣвушкамъ; тѣ отвѣчали имъ поклономъ: «спасибо, добрый молодець,» не прерывая работы; а коли пѣлась пѣсня, однимъ поклономъ, не прерывая и пѣсни. Затѣмъ мѡлодцы садились около дѣвушекъ, только когда мѣсто не было занято другимъ; въ послѣднемъ случаѣ молодець, поставивъ свѣчку, отходилъ въ сторону или садился около другой. У многихъ дѣвушекъ горѣло по двѣ свѣчи. Дѣвушки въ полголоса разговаривали съ мѡлодцами.

— Чтожъ вы, дѣвушки, не поете? проговорилъ кто-то изъ толпы мѡлодцовъ безъ мѣстъ, т. е. изъ числа тѣхъ, которые стояли около дверей.

(*) Здѣсь не употребляютъ гребня, а личинку, къ которой привязываютъ лѣнь.

— Да попоемъ-те пѣсенокъ, попоемъ-те пѣсенокъ нашихъ! отозвалось нѣсколько дѣвушекъ изъ тѣхъ, какъ я замѣтила, около которыхъ не было молодцевъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли:

Не сиди-тко, Дунюшка, Дунюшка, поздно съ вечера,
Ты не жги-ль, Дунюшка, огня до билова дня.
Что до билинькаго до денечка, до краснова солнышка,
Что на утренній-то зари Дунюшка притомилася,
На тесовенькую кровать спать Дуня ложилася.
Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянь.
Ни про батюшку Дунюшки сонъ, ни про родную матушку,
Что повидился (*) Дуни сонъ про мила дружка,
Про милянъкаго дружка, Дуни, только про Иванушка.
Вотъ сказали только про не (во), — во даляхъ живя, (**)
Да не въ Питерѣ живя, ни въ славной Москвѣ,
Что работать мой милой въ Новѣгороди,
Да работу работать родненькой мой, ни тяжелую,
Ни въ работникахъ живя, милянкой, да онъ ни въ прикащикахъ
Енъ живетъ мой милой — самъ хозяиномъ,
Ставить милянкой, ставить дома каменны.

— Славная пѣсня, — сказала я своей сосѣдкѣ. Въ самомъ дѣлѣ эта пѣсня мнѣ понравилась: ложилась Дунюшка не на простую кровать, а на тесовенькую; живетъ мой милой не въ работничкахъ, не въ прикащикахъ, — самъ хозяиномъ! да и не пустымъ дѣломъ милой занимается: ставитъ дома каменны!...

— Славная пѣсня, дѣвушка! нѣтъ ли у васъ еще, спойте.

— Какъ не быть у насъ пѣсенокъ хорошихъ! отвѣчала моя сосѣдка: — послушай, родненькой, послушай нашихъ пѣсенокъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли еще пѣсни, но на мою бѣду не совсѣмъ хорошия. Желая показать, что онѣ дѣвушки *полированные*, затаили романсы. Впрочемъ, надо правду сказать, довольно трудно было узнать эти романсы: такъ были передѣланы

(*) Я заставлялъ эту пѣсню пропѣть нѣсколько разъ, и каждый разъ пѣли въ 6-мъ стихѣ *повидѣлся*, въ 8-мъ стихѣ *повидился*.

(**) То есть живетъ въ далекихъ мѣстахъ.

и слова, а въ особенности голоса. Кстати прибавлю, что здѣсь поютъ превосходно; здѣшнія пѣвицы поютъ своими голосами и не насилуютъ ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ въ Орлѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ: тамъ и женщины, и дѣвушки стараются пѣть потолще, т. е. по возможности контръ-альтомъ.

Пѣли между прочимъ и такую пѣсню:

Какъ сказали другу
Да на царскую службу!
Плакала—рыдала,
Слезы утирала,
Всеё ночь не спала....

Эту пѣсню я слышалъ въ Орловской и Новгородской губерніяхъ, и отъ солдатъ, и отъ женщинъ. Въ солдатскихъ хорахъ запѣваетъ одинъ, и передъ третьимъ стихомъ, т. е. передъ словами: «плакала—рыдала.» какъ будто бросаются на пѣсню, врываются въ нее. Пѣвицы же *пристаютъ* къ пѣснѣ; тоже одна запѣваетъ, а остальные начинаютъ пѣть, когда которой вздумается: одна со слова «царскую,» другая съ «рыдала», третья съ «ночь не спала,» какъ придется. Пѣсня идетъ свободно, легко; видно, что пѣсня поется, а не служба справляется. Моя сосѣдка разговаривала со мной, но продолжая въ то же время участвовать въ пѣснѣ, бросивъ мнѣ нѣсколько словъ, начинала пѣть, разумѣется, съ того слова или даже слога, который тогда пѣлся.

— Походимте, дѣвушки, походимъ, повеселимъ молодцовъ! заговорили нѣкоторые.

— Походимъ, походимъ!

— Ну, молодцы хороши, ходите ктонибудь!

Не вставая съ мѣсть и продолжая прастъ, онѣ запѣли:

Какъ по первой по порохъ,
Какъ по первой по порохъ,
Ходилъ молодець хорошій.

При началѣ этой пѣсни, вышелъ одинъ молодець хоро-

шій съ платкомъ, и сталъ ходить около пѣвиць, при словахъ пѣсни:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Шелковой-то онъ платочекъ
Дѣвкѣ на колѣни... ..

Онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣна; та взяла, не спѣша погасила свои свѣчи и поставила прялку (*) на лавкѣ къ сторонѣ и вышла на средину. Пѣсня, по обыкновенію всѣхъ хороходныхъ (или какъ здѣсь называются хороходныхъ,) оканчивалась поцѣлуемъ. Послѣ чего, когда молодець сѣлъ, стала ходить дѣвушка и бросила

Шелковый платочекъ
Парню на колѣнки.

Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвушку и началъ ходить подъ ту же пѣсню. Когда дѣло дошло до шелковаго платочка, онъ бросилъ его на колѣна моей сосѣдкѣ, а когда ей пришлось бросить этотъ платочекъ, она бросила на колѣна мнѣ. Дошла очередь и мнѣ выбирать: желая за любезность сосѣдки, выбравшей меня, отплатить ей такою же любезностью, я вызвалъ ее же.

— Родненькій, послушай что я тебѣ скажу—сказала сосѣдка, садясь около меня:—у насъ такъ не водится: я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты ту жь пору и мнѣ.

— Да отчего же не водится? спросилъ я.

— Да ужъ такъ у насъ не повелось, — отвѣчала она.— Пожалуйста, рѣдненькій, теперь на первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хотъ и меня.

Съ часъ продолжался хороходъ, потомъ опять начали пѣть простыя пѣсни: часу до перваго продолжались поѣсидки, я не дождался окончанія и ушелъ не простясь.

(*) Прялкой называютъ здѣсь данце съ личинкой, а настоящую прялку—самипрялкой.

14. Свадебные обряды въ Галичѣ.

Жители стариннаго Галича сохраняютъ постоянноѣ многихъ другихъ городовъ древнія свои убранства; между прочимъ доселѣ ведется обычай вѣнчать дѣвушекъ въ жемчужной повязкѣ, похожей на корону, которая и называется вѣнцомъ. Повязка сія принадлежитъ богатому купцу Зиновьеву, и онъ съ охотою ссужаетъ ею всѣхъ невѣстъ, такъ что большая часть дѣвиць въ Галичѣ вѣнчалась въ сей повязкѣ.

Свадебные обряды между галицкими горожанами напоминаютъ также любезную простоту нашихъ предковъ, и заслуживаютъ быть замѣчены, пока еще не исказились, или совершенно не изгладились отъ нововведеній, которыя, къ сожалѣнію, пробираются и въ самые отдаленные уголки Россіи.

Когда какой-нибудь отецъ семейства задумаетъ женить сына, то сзываетъ къ себѣ ближайшихъ родственниковъ и предлагаетъ на ихъ разсужденіе свое намѣреніе. Потомъ изъ среды ихъ выбираетъ самаго расторопнаго, рѣчистаго, котораго и посылаетъ сватомъ.

Сватъ, по приходѣ къ дому невѣсты, стучитъ желѣзнымъ кольцомъ у воротъ три раза, и, вызвавъ отца ея для переговоровъ, объявляетъ ему о причинѣ своего посѣщенія. Отецъ невѣсты, какъ обыкновенно бываетъ, требуетъ времени хорошенько подумать о сдѣланномъ предложеніи, и съ тѣмъ отпускаетъ свата назадъ. По возвращеніи въ свѣтлицу, онъ спрашиваетъ невѣсту, любь, али нелюбь ей такой-то. На вопросъ сей она отвѣчаетъ однѣми слезами или двумя словами: на то воля родительская. Сказать свое мнѣніе считается величайшимъ неприличіемъ и неблагоразуміемъ. Заботливый отецъ развѣдываетъ о поведеніи и положеніи дѣлъ жениха. Когда вѣсти добрыя, и въ назначенное время явится сватъ за отвѣтомъ, его уже просятъ пожаловать въ горницу, сажаютъ за столъ, чествать, угоща-

ютъ, а настойчивый свать разными шутками и прибаутками старается скорѣе выманить у отца невѣсты согласіе на бракосочетаніе. Тогда зажигаютъ восковыя свѣчи предъ иконами; всѣ присутствующіе начинаютъ молиться, и отецъ невѣсты бьетъ съ посланнымъ по рукамъ. Свать тотчасъ же отправляется за женихомъ. По приходѣ послѣдняго, возобновляется тотъ же обрядъ, съ тою только разницею, что при немъ находится сама невѣста, которую отецъ отдаетъ жениху изъ полы въ полу. Святость сего богомоленія столь много уважается, что ни которая сторона, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ нарушить даннаго слова: всѣ увѣрены, что на измѣнившаго оному прольются всѣ бѣды и несчастія.

Съ сего времени женихъ каждое утро навѣдывается о здоровьи будущей своей супруги, а съ наступленіемъ вечера опять отправляется къ ней пить чай, въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ. Въ переднемъ углу горницы, назначенной для приѣма дорогаго гостя, приготовлень маленькій столикъ, уставленный различными лакомствами, въ числѣ коихъ почитаются необходимостью пряники и каленые орѣхи. Ласковая теща съ низкими поклонами сажаетъ за столъ будущаго зятя, между тѣмъ проворная до-сужая сваха выводитъ невѣсту, убранную въ самый лучшій нарядъ: если она дочь человѣка зажиточнаго, драгоценный жемчугъ въ видѣ сѣтки лежитъ на ея груди и покрываетъ ея голову: ее станowią посреди свѣтлицы. Ловкій женихъ беретъ свою суженую-ряженую за бѣлую ручку и ведетъ за столъ. Когда они усядутся, отворяютъ широкія ворота настѣжъ, толпы народа всякаго пола и возраста приходятъ смотрѣть на стоворенную чету и слушать пѣсенки дѣвушекъ:

- «Ты камочка, камочка моя,
- «Ты камка мелкотравчатая,
- «Не давайся развертываться
- «Ни по атласу, ни по бархату,
- «Ни по аксамиту на золотѣ.
- «Какъ аксамитъ-то волю взялъ,

«Хрущату камку развернулъ,
«Всѣ узоры повысмотрѣлъ,
«Всѣ круги позолоченные.
«Какъ барскій сынъ волю взялъ,
«Онъ Аннушку за руку бралъ,
«Ивановну за бѣлую;
«Онъ повелъ за дубовый столъ,
«За скатерти бранныя,
«За явства сахарныя.

Большая часть галицкихъ свадебъ совершается осенью, а какъ въ это время бываютъ самыя темныя ночи, то должно замѣтить, что галицкія красавицы, которыя выходятъ днемъ не иначе, какъ закрывшись большимъ опахаломъ, и ставятъ въ безчестіе, если увидигъ ихъ въ лицо мужчина, оставляютъ на эту пору азіятскую свою застычивость.

Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, всѣ невѣстины подружки собираются къ ней въ домъ, топятъ баню и съ пѣснями провожаютъ ее туда. Тамъ расплетаютъ ей косу, а она, по обыкновенію, плачетъ надъ нею; тогда какъ дѣвушки поютъ пѣсни:

«Не трубушка трубила рано на зарѣ,
«То плакала свѣтъ Аннушка по русой косѣ, —
«Ахъ ты, моя косынька, русая коса!
«Разобьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,
«Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы....

Ввечеру женихъ привозитъ туалетъ (небольшой ящикъ съ зеркальцомъ,) въ которомъ положены башмаки, чулки, мыло, бѣлила, румяна и другія мелочи, и даритъ невѣсту, а та раздаетъ эти бездѣлки подружкамъ, которыя на дѣвичникѣ споютъ ей въ утѣху:

«Залетала пташечка
«Во соловью клѣточку,
«За серебряну свѣточку,
«За золочену рѣшоточку,
«За жемчужну переплеточку;
«А сама-то востоскуется,
«А сама-то взгорюется....

Или:

«Разлилась, разлетѣлась
«По дугамъ вода весенняя,
«Унесло, улетѣло
«Чадо милое, дочь отъ матери а проч.

Въ день свадьбы, лишь только начнутъ звонить къ заутренѣ, невѣста, вмѣстѣ съ молодыми родственницами своими, идетъ въ церковь служить молебенъ. Исполнивъ христіанскій долгъ и возвратясь домой, она испрашиваетъ благословенія у отца и матери. Послѣ этого укладываютъ приданое, которое, у достаточныхъ, состоитъ изъ жемчужныхъ уборовъ, парчевыхъ и шелковыхъ сарафановъ, душегрѣекъ, полушубковъ и т. п. Потомъ собираютъ невѣсту подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей волосы, примачивая квасомъ, и бьютъ ее, по старинному заведенію, самъ обуваетъ ее, послѣ чего надѣваетъ на нее парчевую юбку и шубу, опушенную куницами или соболями, не смотря на то, что свадьба иногда бываетъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ: голову, сверхъ жемчужной поднизи, покрываютъ фатою. Для сбереженія невѣсты отъ дурнаго взгляда и другихъ ненароковъ, по старому повѣрью, сваха втыкаетъ украдкою ото всѣхъ иголку въ низъ ея платья и подпоясываетъ поясомъ, выплетеннымъ на подобіе сѣтки. Послѣ того уже надѣются, что къ ней не прикоснется никакое лихо, никакой дурной глазъ не сглазить.

Такимъ образомъ убранная невѣста дожидается жениха; онъ пріѣзжаетъ за нею въ сопровожденіи священника и большаго поѣзда, состоящаго изъ холостыхъ его родственниковъ, которыхъ невѣста даритъ ширинками или тому подобнымъ, смотря по состоянію. Отправляясь въ церковь, строго наблюдаютъ, чтобъ не проѣзжать ни подъ какимъ видомъ мимо дома жениха, дѣлая часто для того большіе объѣзды. Самая невозможность избѣгать этого поглазья почитается худымъ предзнаменованіемъ.

По совершеніи священнодѣйствія, всѣ свадебные гости

слѣдуютъ за молодыми въ домъ жениха, гдѣ бываетъ уже приготовленъ роскошный столъ. Во время пиршества новобрачную крутятъ, т. е. свиваютъ ей двѣ косы, и надѣваютъ на голову огромный кокошникъ. Изъ-за четвертаго блюда отводятъ молодыхъ на покой. Молодой садится на постелю и предъ нимъ съ рабскою покорностью и подобострастіемъ стоитъ супруга его въ ожиданіи приказаній. Тутъ, по завѣту блаженной старины, самовластный мужъ протягиваетъ ногу и молодая жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка въ намекъ, что отъ мужа она должна ожидать и награды и наказанія. Свадебные пиры нерѣдко продолжаются по двѣ недѣли и болѣе; самые бѣдные не смѣютъ праздновать менѣе шести дней.

15. Старообрядцы и раскольники.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ называемые «худые номоканунцы» были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученія не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, не согласныя съ древними греческими, неизвѣстные въ южной, кіевской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубое аллилуія, (*) дву-

(*) Сугубое аллилуія—двукратное аллилуя.

перстное сложеніе, ходы посолонь (*) и пр. На сѣверѣ, то есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со временіи раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины, московскую и литовскую; окончательнѣ же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ. Ослабленіе связей съ Константинополемъ и потомъ полная независимость московской церкви обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла; между тѣмъ литовская половина на Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами, чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола: до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантию съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ Мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова, (***) человекъ обширнаго ума и непреклонной воли,

---

(*) Ходы посолонь—хождение по теченію солнца, съ востока на западъ.

(**) Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

«особенный другъ» царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало, исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Служебникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Марьи Ильинишны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы «новшества.» Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери, Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію; вся родня ея, то есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильинишны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о «новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ,» обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однѣхъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стали царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало

участія. Современи изданія *Службника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ пошелъ расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изъ всѣхъ заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту въ Суздалѣ, Аввакума—въ Юрьевцѣ, Лазаря—въ Романовѣ, Данила—въ Костромѣ, Логгина—въ Муромѣ, Никифора въ Симбирскѣ, Андрея—въ Коломнѣ, Серапіона—въ Смоленскѣ, Варлаама—въ Псковѣ и пр. По селамъ пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленные книги на клиросахъ и, не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ переменъ. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по новому, въ приходсахъ — по старому. Народъ, видя такую рознь, соблазнился. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы «ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ.» По такимъ доносамъ начались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ, брали денежные пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началь, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая, что страдаютъ за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за «старую вѣру,» укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ

изъ Москвы, изъ палатъ и хоромовъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревеньщинѣ недобрыя вѣсти: «Никонъ старую вѣру рушить»... И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объясняетъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти «новшества?» Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творить онъ? Такіе вопросы двѣсти лѣтъ тому назадъ задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, «діаволь, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому.» А за нимъ папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и Великоруссы и Южноруссы были страшно озлоблены противъ поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи Южнорусовъ и Бѣлоруссовъ въ унию. Малороссія только что поддалась «подъ высокую руку» православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильна и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое

зло приписывалось ненавистнымъ полякамъ и кознямъ римскаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси, съ цѣлю охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпный, но за то быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, нетребующую доказательствъ. «Поляки, да римскій костель, чрезъ врага Божія Никона, хотятъ замутить русскою землею.» И пошла по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

«Никонъ, толковали, пріемшій латинскій (четвероконачный,) крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осьмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечаство попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещуть и еже вселенную утверди.»

«Никонъ, говорили, отметнувъ святой жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нужную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ змій антихристовы нѣмецкою хитростію устроя и егда свою литургію богоотметную служить, благочестивые и хриstopодражательніи людіе во очію зрятъ, яко не святой омофоръ, но нѣкій мерзкій и пристрашный, чермный змій на плещахъ его виситъ, ползая и трегошуще.»

Таковы были народные толки о Никонѣ. И раздался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ (кликъ,) который лѣтъ сорокъ до того «воздвигъ отъ сна уснувшихъ,» по выраженію Минина. Ясакъ тотъ былъ: «погибаетъ вѣра православная!» Еще живы старики, что въ юности пораждѣли дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ, да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву «отъ польскихъ людей и отъ русскихъ во-

ровъ.» «На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь, говорили они теперь, — чтобы съ Никономъ отступникомъ зловѣрїю послѣдовать и впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?» Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ, священники и причтъ не переставали служить по-старому, по-Иосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ троить аллилуїю и много разъ спорилъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ. «И мнози, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ писателей, яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху.»

А между тѣмъ чума ходила по Россіи и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполне представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ: инныя деревни вымерли поголовно. Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодь пошель, и на все непомятая дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ таинственно опахивали селенія, мужчины по обѣту строили «обыденныя» церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. «То — Божіе наказаніе, говорилъ онъ, за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія.» Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небе-

сахъ то-и-дѣло видѣмы были знаменія: столбы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой.... «Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы — волка Никона!»

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патриаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантию на плечахъ; но не таковъ былъ Никонъ. Онъ ужъ по природѣ своей никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, словомъ ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, писавшійся *«Божією милостію великимъ государемъ и патриархомъ,»* всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить, но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ, какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный караль тѣлеса и караль тяжело. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпами на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по всѣмъ бывшимъ примѣрамъ какъ въ русской, такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И неволью медлилъ Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву, и въ то же время, постясь, молясь и

нося тяжелыя вериги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже двѣтельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ умирении народа патріархъ и не помышлялъ, онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ въ послѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656,) еще разъ утвердившій новоисправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами. Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по старому, Никонъ приказалъ по всеѣмъ приходамъ, и городскимъ, и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго *Уставъ*, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 году. Но что удалось отцу царя, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго мордвина. Двуперстники на соборную анаѳему отвѣчали анаѳемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ «по многимъ городамъ и селамъ не отдавали, и служить по нимъ не переставали.» Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги, и какъ драгоценность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. «Какъ же, говорили они, — вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святые тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали. Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные, или Никонъ?» Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не вѣшнимъ обрядомъ, и не старыми

или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо, было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всѣ люди набожные, всѣ люди, преданные церкви, уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротивъ, люди, болѣе или менѣе равнодушные, приняли все введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Не легко было и имъ перучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста; но понемногу эти люди приобрѣли навѣкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскіе, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и въ замѣнъ того получали червчатые бархаты веницейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разказами о паденіи православія на Востокѣ. «Отъ тѣсноты и гоненія Агарянскаго, говорили они, — померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семъ третіемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ яко свѣтило.» Такія рѣчи приходились русскимъ людямъ по сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные греки говорили: «къ вамъ въ Москву надо ѣздить учиться благочестію.» Это еще болѣе радовало русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынѣ, подаваемой «разореннымъ грекамъ.» Но уважать грековъ не уважали. Слова

«суть же Греци льстивы (то есть обманщики) до сегодня,» со времянь преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654,) видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ее и совѣтовали Никону поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ не хорошъ и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, за то послушалъ старца Арсенія Суханова, своего русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ *Проскинитаріи*, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья, — все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностію стариннаго паломника записалъ свои впечатлѣнія. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, греки, съ появленіемъ Сухановскаго *Проскинитарія*, упали еще ниже. Въ тоже время узвали на Руси, что многіе греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые греки уклонялись и въ кальвинство.

«У Грековъ вѣра пестра,—говорили дуперстники:—по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погнбло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую.» «А Никонъ къ намъ хочетъ вводитъ сію пеструю вѣру!» гово-

рили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сѣдящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполне одобрили новыя книги,—слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся *Проскинитарія*, и отвѣчали увѣщателямъ: «знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы, какъ они съ богомерзкими Турками съ одного блюда мясо ѣдятъ.» Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: православны ли греки? и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. Вѣдь сами же греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить.

«Сказываютъ,—толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многочисленныхъ собраніяхъ,—сказываютъ, что и крещены-то греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городахъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится таже ересь, и у Бѣлорусцевъ, а все отъ того, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ царградскимъ патріархомъ, а не подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить Бѣлорусцевъ совершенно.»

«Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ее извести...»—«Что же это значить? Къ чему все это идетъ?» спрашивали грамотѣевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотѣи и раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ *Книгу Вѣры*, собирали вокругъ себя кружки, и возгласивъ: «внемлите православные!» такъ читали и толковали:

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всеми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи

жители въ Малой Русіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы, за ручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ.»

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря.... Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно. Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика, и не было ему другаго имени, какъ врагъ Божій, да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престолъ святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изо всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его «новшества»... Соборъ, какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анаемѣ....

«Погибло православіе!» завонилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачь по селамъ и деревнямъ, и въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. «Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!» говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства*. Но однѣ раскольническія общины рѣшили остаться вовсе безъ поповъ. «Самъ Христосъ, говорили они,—будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной.» «Сами себя освящайте, сами себя свя-

щенники бывайте»—эти слова Златоустовскаго *Маргарита* сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. «Благодать Божія взята на небо, сказали они, нѣтъ болѣе священства, ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснитъ.» Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многие толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и все-подавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла не малую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщинскіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣсныѣ были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считали ихъ необходимыми, считали правильное благословеніе брачнаго сожитія, т. е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ севершителей таинствъ.

16. РУССКІЙ КУПЕЦЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

Иностранцы описываютъ нашихъ купцовъ большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться былъ искони характеристикой русскаго торговца. Если вещь стоила рубль, купецъ непременно запроситъ за нее десять рублей, смотря

по лицу, которое у него покупаетъ. Отъ этого многіе, желая купить большую пропорцію товара, приходять въ лавки, не иначе, какъ въ сопровожденіи знатоковъ, на которыхъ они впрочемъ не всегда могли положиться, потому что эти знатоки бывали въ стачкѣ съ купцами, и взявши съ покупателя за то, чтобъ сторговать съ него дешево и хорошо, возьмутъ тоже съ купца, чтобъ помочь ему обмануть покупателя. Божиться въ торговлѣ было ни почемъ, хотя божбамъ русскихъ купцовъ никто не вѣрилъ ни изъ ихъ соотечественниковъ, ни изъ иностранцевъ, и даже замѣчали, что чѣмъ болѣе русскій купецъ божится, тѣмъ скорѣе обманывается. Иногда торговецъ, расхваливая свой товаръ, ссылаясь на покупателей, называлъ ихъ по именамъ, подтверждалъ слова свои божбою, а на самомъ дѣлѣ обманывалъ. Поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ: часто русскій надѣлялъ иностранца подкрашенными мѣхами; а иногда покупатель придетъ въ лавку и ничнетъ торговать вещь, купецъ запрашиваетъ за нее большую цѣну; покупатель даетъ менѣе; купецъ какъ будто не слышитъ и уходитъ прочь, потомъ начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ желанію покупателя; но въ самомъ дѣлѣ, онъ ловко успѣетъ обмѣнить вещь, такъ что покупатель самъ этого не замѣчаетъ и беретъ не то, что торговалъ прежде. Подобные поступки не казались русскому предосудительными; онъ оправдывалъ себя пословицею: «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!» — пословицею, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы затверживали ее.

Замѣчательно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи охотнѣе покупали у иностранцевъ, чѣмъ у своихъ; но русскіе купцы умѣли сами прикидываться иностранцами къ удивленію посѣщавшихъ насъ чужеземцевъ. Такая смѣтливость и изворотливость торговаго человѣка была причиною, что правительство давало купцамъ политическія порученія: напримеръ, въ 1650 году велѣно было во Псковѣ набрать торговыхъ, знающихъ людей и послать въ Ригу, Ревель и

шведскія владѣнія, чтобъ вывѣдать о политическихъ дѣлахъ Швеціи.

Не должно приписывать плутоватость русскаго торговца какой-нибудь народной порчѣ. Нѣтъ: это было необходимое условіе той степени образованности, на которой еще стояла Россія, и обстоятельство, сопровождавшихъ развитіе торговли. Торговля, какъ и всякая другая вѣтвь человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя положенія. Въ первобытныя времена она была соединена съ разбоемъ и набѣгами; на низкой степени цивилизованнаго общества, она неразлучна съ коварствомъ и обманомъ, и чѣмъ выше общество становится на пути нравственнаго и умственнаго образованія, тѣмъ болѣе и торговыя отношенія принимаютъ характеръ честности. Но иностранцы, изображающіе совершенно справедливо нашихъ купцовъ въ столь грязномъ видѣ, не были однако и сами вполне изъяты отъ того же взгляда на дѣло торговли. Герберштейнъ сознается, что русскіе, обманывая иностранцевъ, въ свою очередь покупаютъ у нихъ за тринадцать червонцевъ вещи, которыя стоятъ не болѣе одного или двухъ. Иностранцы смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно по ея невѣжеству, потому что русскихъ можно было легко обманывать; русскіе купцы не довѣряли имъ и платили имъ тою же монетою. Притомъ наша торговля встрѣчала безчисленныя препятствія и затрудненія, заставлявшія купца быть всегда въ страхѣ и смотрѣть на свой промыселъ какъ на войну, ибо онъ вездѣ видѣлъ покушенія на свое достояніе и выгоды. Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣдѣнія и враждебности ко всему остальному. Если иноземцы старались держать русскаго купца въ невѣжествѣ, то и власть не желала, чтобъ русскіе сближались съ европейцами и ѣздили въ чужіе края. Торговыхъ лицъ отпускали съ товарами за границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукою и съ особымъ дозволеніемъ,

которое получить было не легко. Если бы торговец вздумал поѣхать самовольно за-границу, то у него отбиралось все имущество, родственниковъ его подвергали пыткамъ, допрашивая, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ, а послѣ пытокъ отправляли въ ссылку. Впрочемъ, уложеніе сдѣлало исключеніе въ пользу жителей порубежныхъ городовъ; отъѣздъ за-границу былъ смягченъ для нихъ. Иностранцы, которые могли бы заводить у насъ какія-нибудь промышленныя заведенія и знакомить Россію съ техникою товаровъ, покупаемыхъ русскими купцами у иностранцевъ, не поощрялись отъ правительства достойнымъ образомъ; да притомъ и правительство не могло имъ довѣрять, потому что къ услугамъ его всегда готовы были явиться шарлатаны, авантюристы, съ единственною цѣлью—обмануть невѣжество и довѣріе.

Такимъ образомъ, купцы наши постоянно были во мракѣ относительно большей части того, чѣмъ торговали, страшились обмана, недовѣряли, были обманываемы и, въ свою очередь, обманывали.

Совмѣстничество власти чрезвычайно останавливало дѣятельность торговаго класса. Царская казна имѣла въ своихъ рукахъ не только значительныя вѣтви торговли, но и вообще вела торговлю всѣми предметами: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляла въ Архангельскъ и промѣнивала на заграничные товары и тѣмъ подрывала купцовъ, торговавшихъ тѣми же товарами. Никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ на торговомъ поприщѣ. Купецъ, явившись на ярмарку въ Архангельскъ, не смѣлъ торговать, прежде чѣмъ не окончится торговля царская. Этого мало. Обычай выбирать изъ купленныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе виды для царской казны не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простоемъ и ожиданіями. Наконецъ и то, что оставалось на долю купца,

было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Множество случаевъ, когда купца могла постичь конфискація всего его имущества, внушали ему вѣчную боязнь; русскіе купцы страшились обращаться явно съ большими капиталами и сохраняли ихъ втайнѣ, дабы сберечь копѣйку про черный день, когда постигнетъ ихъ опала или невзгода и отнимуть у нихъ все явное имущество. Этому обычаю прятать деньги также не мало способствовало тогдашнее понятіе вѣка, поставлявшее все народное богатство исключительно въ звонкой монетѣ; власть старалась сосредоточить въ своемъ владѣніи какъ можно больше золота и серебра; торговцы, собирая деньги, подражали въ этомъ власти. Торговецъ былъ всегда подъ надзоромъ власти какъ ребенокъ, не могъ составлять никакихъ соображеній, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; такъ напримѣръ, онъ не могъ заключить никакого договора съ иностранцемъ, ибо не зналъ, утвердитъ ли, или не утвердитъ его власть. Необезпеченный закономъ, онъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей, которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. «Русскій купецъ, говоритъ одинъ англичанинъ,—раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобъ взять у него что получше, и притомъ даромъ. Собиратели пошлинъ непременно постараются сорвать съ торговца что-нибудь лишнее. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки. Посадскія общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе. Воеводы и приказные люди, подъ разными предлогами сохраненія порядка, хватали торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцевъ батогами; ставивались съ ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточныхъ торговцевъ; воеводы и подъячіе, не смотря

на явную лживость иска, заводили дѣло съ тѣмъ, чтобъ обирать купцовъ. Правда, правительство не лишало посадовъ права жаловаться на этихъ судей и правителей; намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводъ, жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись розно. Правительство дѣйствительно старалось ограничить своеволие воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ. Въ 1620 году имъ запрещено не только участвовать въ торговлѣ, но даже покупать что-нибудь у посадскихъ, исключая съѣстнаго. Но эти ограниченія ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти беззаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года, для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ воеводскихъ налоговъ; но, вопервыхъ, воеводы и приказные все-таки имѣли возможность чинить свои налоги, а вовторыхъ, въ приказѣ, который долженъ былъ охранять ихъ, сидѣли такіе же подьячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ, утучняя подьячихъ плодами своей изворотливости прежнихъ лѣтъ. Жалобы посадовъ на свое начальство поступали въ руки подьячихъ приказа, которые тянули дѣло по нѣскольکو лѣтъ; воевода, на котораго жаловались посадскіе, смѣнялся, а вмѣсто его былъ присылаемъ другой и поступалъ такъ же, какъ и прежній. Но не только воеводы и подьячіе утѣсняли торговцевъ; случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ наѣзжалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались, дѣло длилось; съ нихъ брали взятки и, наконецъ, изъ приказа присылали воеводѣ грамату, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства. Купецъ терпѣлъ и отъ своего же брата, коль скоро онъ

былъ выбранъ въ таможенники и дѣлался нѣкоторымъ образомъ чиновнымъ человѣкомъ; таможенники, по свойству и дружбѣ, пропускали безъ пошлинъ своихъ, а съ чужихъ брали лишнее, чтобъ наверстать недоборъ.

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность перевозки торговыхъ грузовъ, и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ и на сухихъ путяхъ, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, не смотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, онъ все-таки былъ бѣденъ.

17. Волжскіе бурлаки.

На всемъ пространствѣ теченія Волги, съ началомъ навигаціи, идутъ по обѣ стороны безчисленныя суда, нагруженные товарами. Перевозка сухимъ путемъ хотя бы и могла доставить въ болѣе скоромъ времени товары къ мѣсту ихъ сбыта, но купцы предпочитаютъ водяной путь, какъ сопряженный съ меньшими издержками, хотя болѣе продолжительный и несовсѣмъ безопасный. Каждое судно поднимаетъ отъ 25 до 30 тысячъ пудовъ, и потому, при быстротѣ водъ, при множествѣ препятствій, производимыхъ вѣтрами и неблагоприятными мѣстностями, требуетъ для движенія своего много рабочихъ рукъ. На каждую тысячу пудъ обыкновенно надо бываетъ по четыре или по пяти работниковъ. Число это увеличивается съ возвышеніемъ цѣны перевозимаго товара, и чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ легче купцу употребить на перевозку его болѣе издержекъ и нанять болѣе работниковъ, чтобъ только скорѣе доставить его на мѣсто. Вотъ эти-то работники, силою которыхъ приводятся въ движеніе на Волгѣ суда, и извѣстны подъ именемъ *бурлаковъ*.

Работники на судахъ раздѣляются на три главные разряда: *лоцманы*, *вздоливы* и собственно такъ называемые

бурлаки. Между простыми бурлаками различаютъ еще *шишку*, *коснаго* и *кашевара*.

Лоцманъ управляетъ рулемъ; онъ долженъ знать въ совершенствѣ весь фарватеръ Волги, всѣ перекаты ея. Рѣка эта ежегодно измѣняетъ свое дно, и потому, кромѣ знанія мѣстности, лоцманъ необходимо долженъ имѣть такой навыкъ, чтобы по отливу и цвѣту воды отличать глубокія мѣста отъ мели. Отъ Астрахани до Нижняго лоцманы получаютъ до 120 р. с., отъ Астрахани до Саратова—до 50 р. с., отъ Нижняго до Рыбинска—20 р. с. На пароходахъ же плата имъ доходить отъ 250 до 500 р. с. Лоцмана смѣняютъ, если онъ раза два посадитъ судно на мель. Власть его сильнѣе власти хозяина: по рѣшенію артели, онъ наказываетъ виновнаго бурлака линьками или розгами. Лоцмана почти всегда можно узнать по новой красной рубахѣ, сапогамъ, неизмятой шляпѣ и сѣрому или синему суконному кафтану. На завозѣ лоцманъ имѣетъ помощника, который называется *корщикомъ*, т. е. кормщикомъ. Изъ корщиковъ обыкновенно дѣлаются современемъ лоцманы.

Водоливъ представляетъ на суднѣ интересъ хозяина товара: ему довѣряется грузъ, состоящій на его отвѣтственности; у него же хранятся деньги на харчи бурлакамъ. Первая обязанность его состоитъ въ отливкѣ воды, набирающейся во время пути въ «посудину;» но онъ льетъ воду только тогда, когда заняты всѣ прочіе. При попутномъ вѣтрѣ воду отливаетъ простой работникъ. На его обязанности также лежитъ поправка поврежденій на суднѣ. За все это онъ получаетъ плату почти вдвое противъ обыкновеннаго рабочаго и, сверхъ того, хозяйское продовольствіе. Такъ, напр., отъ Астрахани до Нижняго онъ получаетъ 60 р. с., а до Саратова—40—45 р. с.; чтобы сдѣлаться водоливомъ, бурлаку нужно заслужить особенное довѣріе хозяина. Хорошій бурлакъ можетъ года черезъ два попасть въ эту должность. Бывали примѣры, что водоливомъ становился человѣкъ, пробурлачавшій всего одинъ годъ.

Водоливъ обязанъ слѣдовать съ грузомъ до самаго мѣста

назначенія. У него хранятся документы рабочихъ. Онъ можетъ быть изъ одной артели съ бурлаками, но всегда нанимается отдѣльно на путину, по особенному контракту. Ему даже поручается иногда и наемъ рабочихъ. Примѣры плутовства водоливовъ, въ ущербъ хозяину, очень рѣдки. Водоливъ могъ бы на пути продать часть груза, напр., пшеницы; но рѣдко рѣшается на это, боясь, что бурлаки выдадутъ его. На тихвингахъ нѣтъ водоливовъ.

Послѣднее должностное лицо на суднѣ есть кашеваръ. Кашеваръ нанимается артелью. Обыкновенно это бываетъ мальчикъ, подростокъ лѣтъ 11. Даже на 100 и болѣе челоувѣкъ готовить кушанье онъ одинъ, подъ надзоромъ и съ нѣкоторою помощію водолива.

Обязанность прочихъ бурлаковъ — проводить судно бичевою, когда нѣтъ попутнаго вѣтра. Плата имъ полагается отъ Астрахани до Нижняго 28—40 р. с., до Саратова же 14—20 р. с.

Одинъ бурлакъ, называемый шишкою или дядькой, идетъ всегда впереди. Въ шишки выбираютъ обыкновенно самаго сильнаго мужика, для приданія большаго дѣйствія усиліямъ прочихъ работниковъ. Позади всѣхъ идетъ такъ называемый косной, обязанность котораго ссаривать (сбрасывать) бичеву съ деревъ или вообще отстранять всѣ тѣ преграды, которыя бичева встрѣчаетъ на пути. Косныхъ на суднѣ бываетъ двое; когда одинъ идетъ, другой остается на суднѣ для разныхъ подѣлокъ. За свою работу косные получаютъ отъ Астрахани до Саратова отъ 17 до 23 р. с., а до Нижняго отъ 34 до 47 р. с.

Наши бурлаки кормятся отъ своего промысла, сколачиваютъ деньгу, обезпечиваютъ подати. Такъ у нихъ и идетъ годъ за годомъ. Кромѣ обезпеченнаго на извѣстный періодъ времени положенія при помощи заработной платы, бурлакъ, при усердіи къ дѣлу, можетъ въ скоромъ времени достигнуть званія водолива, представителя той хозяйственной должности, съ которою сопряжено большое жалованье, и сравнительно меньшіе труды. Потому онъ начинаетъ грезить

о лоцманствѣ, которое равномерно можетъ быть для него доступно, если онъ сѣмѣетъ высказать свои познанія и способности въ дѣлѣ командованія судномъ. вмѣстѣ съ жалованьемъ онъ выговариваетъ у хозяина право имѣть при себѣ извѣстный грузъ разной поклажи, входитъ въ мелкій торгъ, пускается въ обороты и, упрочивъ, въ продолженіи болѣе или менѣе длиннаго періода времени, свое состояніе, записывается въ гильдію или дѣлается чѣмъ-то въ родѣ фермера, нанимая пустопорожнія земли и обрабатывая ихъ при посредствѣ нанятыхъ рабочихъ.

Въ бурлачествѣ должно отличать два разряда, рѣзко различающіеся между собою, какъ по условіямъ труда и за-подрядя, такъ и по относительной тягости промысла. Намѣстѣ эти разряды получили названіе верхнихъ бурлаковъ, изъ которыхъ только послѣдніе заслуживаютъ вполнѣ названіе волжскихъ, потому что дѣятельность ихъ обнимаетъ почти все теченіе Волги, отъ Рыбинска до Астрахани. Обнимая такое огромное пространство, въ которомъ совершается главное торговое движеніе нашего царства, и въ то же время служа главною двигательною силою для судовъ, отправляющихся противъ теченія, нижнее бурлачество естественно стягиваетъ къ себѣ во время судоходства рабочія силы почти изъ всѣхъ губерній, лежащихъ какъ на самой Волгѣ, такъ и на всѣхъ наиболѣе значительныхъ ея притокахъ. Верхнее бурлачество, напротивъ, отклоняется отъ Волги, соприкасаясь съ нею только въ ея верховьяхъ, вообще неспособныхъ поднимать значительные грузы, а потому не требующихъ и значительной двигательной силы, тѣмъ болѣе, что здѣсь мышечная сила людей въ этомъ случаѣ большею частію замѣнена лошадьми, лучше исполняющими эту тяжелую работу. Такая замѣна, почти невозможная на средней и нижней Волгѣ, здѣсь совершена уже давно, вслѣдствіе большаго развитія техническаго судостроенія и вслѣдствіе лучшаго состоянія береговыхъ дорогъ. Верхнее бурлачество существуетъ по всѣмъ воднымъ системамъ, соединяющимъ Рыбинскъ съ С.-Петербургомъ.

Кромѣ того, вѣтвями бурлачества можно считать работу на судахъ по Камѣ, Окѣ, Цнѣ и другимъ значительнымъ притокамъ.

Верхніе бурлаки приходятъ большею частію изъ Тверской и Ярославской губерній; иногда, впрочемъ, вверхъ за Рыбинскъ ходятъ въ значительномъ числѣ и низовые бурлаки, преимущественно изъ Вятской и Костромской губерній, какъ лежащихъ наиболее къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ распространено бурлачество.

Что касается нижнихъ бурлаковъ; то подвижное населеніе ихъ гораздо разнообразнѣе и пестрѣе. Здѣсь бурлачествомъ занимаются крестьяне губерній: Костромской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской. Кромѣ того, множество бурлаковъ ходитъ на Волгу изъ губерній: Владимірской, Рязанской, Пензенской и Тамбовской.

Бурлаки выходятъ на Волгу немедленно по вскрытіи рѣки и многіе изъ нихъ занимаются своимъ промысломъ до Покрова (1 октября.) Къ мѣсту отправленія судна бурлаки идутъ или сухимъ путемъ, или водою; но иногда сокращаютъ водяной путь, минуя большія извилины рѣки.

Большинство бурлаковъ — великороссіяне, православнаго вѣроисповѣданія. Раскольники никогда не идутъ въ бурлаки. На средней Волгѣ много встрѣчается татаръ, казанскихъ и симбирскихъ. Судохозяева, впрочемъ, не охотно принимаютъ ихъ, а иные даже и вовсе не берутъ, или даютъ имъ меньшую наемную плату, основываясь на томъ, что татары слабосильнѣе русскихъ; русскіе бурлаки съ своей стороны тоже не любятъ работать съ татарами; иные даже вовсе не идутъ на то судно, гдѣ наняты татары, говоря, что «татаринъ лѣнивъ, да еще и золъ, пищу тоже принимаетъ особнякомъ, не крещеный, — значить, не рука.» Въ послѣднее время появились бурлаки, хотя въ очень небольшомъ числѣ, изъ черемисъ и чувашей; большею частію, однако, они бываютъ только добавочные, т. е. нанимаются

на пути, хотя, впрочемъ, мѣстные жители меня увѣрили, что они работаютъ иногда безъ русскихъ.

Въ бурлаки идутъ обыкновенно отъ тягла, но иногда пускаются и одиночки, которые тогда сдаютъ свою землю для обработки сосѣду, за извѣстную плату.

Если отецъ взрослыхъ сыновей съ состояніи еще работать, то онъ остается дома, и всѣ сыновья его идутъ бурлачить; если же старикъ дряхлѣ, то дома остается при немъ одинъ изъ сыновей; наконецъ, если въ семьѣ нѣтъ сильныхъ рабочихъ рукъ, кромѣ самого хозяина, уходящаго на Волгу, тогда онъ, уходя, нанимаетъ для дома работника. Бабы отправляютъ въ бурлацкихъ селеніяхъ всѣ домашнія и полевые работы, кромѣ пахоты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣнокоса, ко времени которыхъ мужчины стараются возвратиться на время домой.

Бурлачить начинаютъ обыкновенно очень рано. Мальчиговъ 11 лѣтъ принимается уже на судно кашеваромъ. На коноводныхъ машинахъ нанимаютъ къ лошадямъ также мальчиговъ лѣтъ 13—15. Имъ платятъ помѣсячно отъ 3 до 4 р. с., да сверхъ того выдаютъ лапти. Есть даже полные бурлаки въ 15 лѣтъ; рабочіе бываютъ обыкновенно братья или близкіе родственники взрослыхъ бурлаковъ, которые съ своей стороны ручаются за нихъ, и, въ случаѣ ихъ болѣзни или недуга отъ лямки, обязываются нанять на свой счетъ другаго работника, который замѣнилъ бы больного. Всѣ такіе разнаго рода возраста рабочіе получаютъ обыкновенно на судахъ одинаковую плату, представляютъ различную рабочую силу. Исключеніе по величинѣ платы составляетъ только бурлацкій работникъ, т. е. нанятый другимъ бурлакомъ на его рискъ: такой работникъ получаетъ обыкновенно менѣе, нежели самостоятельный.

Бурлаки на обыкновенныхъ судахъ нанимаются провести извѣстное, пустое или нагруженное, судно отъ одной пристани до другой. Путь, такимъ образомъ совершаемый ими, называется путиной.

Путины (рейсы) дѣлятся на дальнія и короткія. Первыми

называются путины въ Рыбинскъ, Астрахань, Царицынъ, Дубовку, Камышинъ, Саратовъ, Екатериноштадтъ (Баронскаго,) Балаково и Самару. Короткими путинами именуются тѣ, которыя совершаются между Рыбинскимъ и Нижнимъ, Казанью, Сибирскомъ, Самарою и т. д. Дальняя путина беретъ у бурлака мѣсяца три времени, а при противныхъ вѣтрахъ и больше. Изъ Астрахани суда доходятъ до Нижняго въ два мѣсяца; но если противные вѣтры часты и продолжительны, то путина эта отнимаетъ недѣль 16. Короткія путины обыкновенно продолжаются не болѣе четырехъ недѣль. Дальняя путина дѣлается обыкновенно одна на все лѣто, и рѣдко двѣ, а короткихъ—двѣ, три, иногда и болѣе.

Кому посчастливилось сдѣлать три путины, тотъ всегда почти собирается уже домой, и немногіе пускаются въ четвертую. Нѣкоторые ограничиваются даже одною путиною: ярославцы, напр. съ послѣднимъ льдомъ спускаются въ Самару или Саратовъ, продолжаютъ тамъ первую, самую дорогую путину до Рыбинска, послѣ чего уже не ходятъ на судахъ, а отправляются домой для полевыхъ и т. п. работъ. Здѣсь, какъ и во всемъ, видна коммерческая смѣтливость ярославскаго населенія, умѣющаго пользоваться большими барышами. Также точно русскіе изъ Чебоксаръ дѣлаютъ одну раннюю путину, какъ наиболѣе дорогую и имъ сподручную, а потомъ пилятъ лѣсъ, что и составляетъ ихъ главное занятіе: вообще бурлачатъ они, по ихъ показаніямъ, только потому, что раннею весною еще не сплавленъ лѣсъ, нужный имъ для пиленія.

Двѣ путины совершаетъ большая часть бурлаковъ Вятской губерніи: они идутъ весною по рѣкамъ Бѣлой и Чусовой въ Каму до Лаишова, потомъ въ новую путину до Рыбинска, и затѣмъ возвращаются домой. Бурлаки одной какой-нибудь мѣстности не всегда совершаютъ однѣ и тѣ же путины; направленія и пространство послѣднихъ зависятъ отъ ряды: куда больше даютъ, туда бурлакъ и нанимается. Иногда путина, по особенному уговору, совершается

далѣ первоначально уговореннаго пространства; напр., изъ Нижняго вмѣсто Ярославля въ Рыбинскъ. Тогда расчетъ производится отдѣльно по первой и по второй путинѣ.

По совершеніи одной путины, бурлаки обыкновенно отправляются, если не найдутъ въ пристани работы, или, если ряды слишкомъ низки, въ другую, гдѣ, по слухамъ, грузятся суда.

По дорогѣ бурлаки иногда заѣзжаютъ къ себѣ домой, и оттуда отправляются далѣ по случаю; если нельзя на мѣстѣ нанять лодку, то поджидаютъ на берегу попутной пароходной баржи или пробѣга, т. е. лодки, возвращающейся изъ какой-нибудь пристани съ бурлаками или безъ нихъ. Въ Юрьевцѣ на берегу ожидала такимъ образомъ, при моемъ проѣздѣ, цѣлая артель уже нѣсколько дней. На пароходныхъ баржахъ цѣна довольно высока; за проѣздъ отъ Рыбинска до Нижняго (двое судовъ) берется по 30 коп. съ души; но цѣны на пробѣгѣ очень низки и зависятъ отъ уговора, который заключается очень скоро. При мнѣ брали отъ Нижняго до Казани съ бурлака 5—10 коп. сер., отъ Чебоксаръ 3—6 коп. сер. и менѣе съ души; на дощаникѣ изъ Рыбинска въ Нижний (сутокъ 5 ѣзды) 10 коп. сер. При этомъ пассажиры-бурлаки обязаны сами грести, мѣняясь на каждой перемѣнѣ. Бабы, какъ не гребцы, платятъ немного больше такъ же, какъ и тѣ, которые не хотятъ грести. Мнѣ говорили, что иногда толпа бурлаковъ, возвращавшихся домой, вмѣсто найма воруетъ лодку, и въ ней спускается по Волгѣ. Иногда покупаетъ для возврата невыработавшихъ бурлаковъ лодку, какъ для нищихъ, рыбинскій городничій (по его собственному показанію.) Обязываютъ къ тому и хозяевъ, если путина была тяжела, и они обыкновенно соглашаются на то.

Всѣ путины бурлаковъ раздѣляются на перемѣны. Перемѣнами называются извѣстными пространствами плеса, на которыя раздѣляется вся Волга. Пространства эти не равны: въ верхнихъ частяхъ Волги они короче, обыкновенно заключаая въ себѣ около 25 верстъ, а въ низовѣхъ и длиннѣе

и тяжелѣе, потому что вода тамъ гораздо быстрѣе. Пере-
мѣнъ считается отъ Рыбинска до Нижняго 19, а отъ Ниж-
няго до Астрахани 60. Для обозначенія перемѣнъ служатъ
не только жилыя мѣста, но также какой-нибудь камень,
урочище и т. п. Въ дѣйствительности на этихъ перемѣ-
нахъ не бываетъ никакихъ смѣнъ, за исключеніемъ греб-
цовъ на дощаникахъ; перемѣны составляютъ только часть
извѣстной путины, и служатъ для расчетовъ. Всякая пе-
ремѣна принимается равною каждой другой на счетъ; та-
кимъ образомъ путины раздѣляются при расчетѣ большихъ
и т. п. на столько частей, сколько въ ней считается пере-
мѣнъ, и за уплатою пройденныхъ на нихъ или рулевыхъ,
которые тоже работаютъ отъ перемѣны до перемѣны. (*)
На послѣдней перемѣнѣ извѣстной путины производится и
расчетъ бурлакамъ, хотя бы эта перемѣна находилась и
вдали отъ жилья, и уже оттуда они отправляются по до-
мамъ или на другую работу. Такимъ образомъ движеніе
бурлачества и вообще распорядокъ ихъ занятій и сдѣлокъ
совершается не случайно, а слѣдуетъ извѣстнымъ правиламъ,
заранѣе опредѣленнымъ обычаемъ и привычкой и находя-
щимся, вѣроятно, въ связи съ прежнимъ экономическимъ
состояніемъ поволожья.

Внутренняя организація бурлачества также чрезвычайно
стройна и наглядно выражается, какъ большая часть ра-
ботъ русскаго простонародья, въ артеляхъ, имѣющихъ, впро-
чемъ, свои особенности. Эти бурлацкія артели состояются
безъ всякаго формальнаго условія между ея членами (артель-
щиками,) добровольно принимающими обязанность разнаго
труда для общаго заработка. Этимъ ограничиваются взаи-
ныя ихъ отношенія. Разумѣется, не всѣ артельщики тру-
дятся одинаково: между ихъ работой иногда бываетъ боль-

(*) Въ народѣ есть преданіе, что эти перемѣны учреждены Екатериною Ве-
ликою (а по другимъ — царями,) которая, спускаясь внизъ по Волгѣ, велѣла
принимать за перемѣну часть пройденнаго ею пространства; но такъ какъ
она въ нижней Волгѣ, по силѣ теченія, плыла скорѣе, то и перемѣны тамъ
вышли больше.

шая разница, зависящая от степени физической силы, от прилежанія того или другаго работника. Плату, однако, получают всё равную, не включая и выборнаго главы артели или десятника. Артели составляютъ обыкновенно въ самыхъ мѣстахъ подряда: зимою въ деревняхъ, селахъ и извѣстныхъ городахъ, куда прїѣзжаютъ прикащики отъ судовладельцевъ для найма рабочихъ, лѣтомъ — въ тѣхъ приволжскихъ городахъ, гдѣ существуютъ такъ называемые бурлацкіе базары. Иногда бурлаки выходятъ уже изъ дому сформированною артелью, хотя, впрочемъ, это очень рѣдко. Артели состоятъ изъ 10—45 человѣкъ; но даже на пристаняхъ — чаще встрѣчаются бурлаки небольшими группами, человѣка по 4, по 5 и 6 въ каждой. Изъ такихъ мелкихъ до найма артелей и составляется, при наймѣ рабочихъ на большое судно, одна большая артель, въ которой число людей опредѣляется количествомъ груза на суднѣ; такъ на макшанахъ (низовыхъ судахъ, ходящихъ только до Рыбинска и поднимающихъ 50,000 пуд. груза) бывають артели даже въ 150 человѣкъ. Артельные бурлаки, кромѣ главнаго теченія Волги и Камы, употребляются до Москвы съ одной стороны (по Окѣ) и до Соминой пристани — съ другой. Далѣе на сѣверъ и западъ бурлачество не существуетъ въ чистой его формѣ.

Каждая значительная бурлацкая артель имѣетъ своего десятника или выборнаго отъ артели, которому поручается закупка провизіи. Въ верхнемъ бурлацествѣ десятникъ называется артельщикомъ. Деньги на харчи выдаются каждый разъ хозяиномъ. Съ десятникомъ отправляется для контроля посыльный (одинъ изъ членовъ артели.) Если артель на суднѣ велика и состоитъ изъ бурлаковъ двухъ различныхъ деревень, тогда съ одной стороны идетъ десятникъ, а съ другой — посыльный; если же артель изъ многихъ деревень, тогда съ десятникомъ идетъ самъ хозяинъ или его прикащики. Вверхъ по Волгѣ, къ Бѣлоозеру, посылаются съ артельщикомъ водоливъ.

Десятникъ часто обсчитываетъ своихъ товарищей или хо-

зяина, смотря по тому, на своихъ или хозяйскихъ харчахъ артель. На плутни десятниковъ бурлаки часто жалуются: «Отнимають-де кровомозольныя деньги.» Въ Самарѣ, впрочемъ, бурлаки отвергали плутни десятника и утверждали, что «нашъ братъ» всегда ходитъ съ нимъ, и потому покупка совершается вѣрно.

Десятникъ не пользуется никакими особенными правами или выгодами сравнительно съ прочими бурлаками. Исключеніе изъ этого составляетъ тотъ случай, когда его посылаютъ изъ деревни приискать работу въ Нижній. За труды, за проѣздъ и за расходы на харчи десятникъ, нашедшій работу, получаетъ обыкновенно по 1 р. асс. отъ каждаго работника; такъ какъ иногда онъ запрягаетъ отъ 70 до 100 человѣкъ, то такое вознагражденіе оказывается значительнымъ. Кромѣ того, онъ часто получаетъ тайный барышъ отъ хозяина. За такую взятку десятникъ понижаетъ иногда даже наемную плату до возможной степени. По окончаніи путины артель своему десятнику выдаетъ «на лапти» деньгами отъ 1—2 руб. асс. Десятника въ малыхъ артеляхъ (напр., изъ пяти человѣкъ) не бываетъ. Такъ, напр., не бываетъ его часто на дощаникахъ, при гонкѣ судовъ внизъ (въ Балаковѣ) или при сплавѣ лѣса (у вятчей, въ Саратовѣ.) Судохозяева обыкновенно стараются нанимать въ работники бурлаковъ одной деревни или, по крайней мѣрѣ людей, знающихъ другъ друга и ручающихся одинъ за другаго; но и безъ того круговою порукою артель обязывается отвѣчать хозяину за всякую неустойку каждаго изъ своихъ членовъ, напр., если бурлакъ захвораетъ или сбѣжитъ, то артель обязана нанять на свой счетъ другаго рабочаго. Зимнія артели подражаются обыкновенно посредствомъ своихъ выборныхъ: лѣтнія, напротивъ, лично или сообща договариваются съ хозяиномъ. По окончаніи путины и послѣ расчета прекращается взаимная связь между артельщиками. Одни изъ нихъ идутъ домой, другіе вступаютъ въ новыя артели и подражаются на новыя путины.

На первую путину бурлаки подражаются зимою, тотчасъ